

Именно такой
и должна быть фэнтези...
Книги Робин Хобб —
алмазы в залежах
цирконов.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН,
автор «Игры престолов»

Волшебный корабль

САГА
О ЖИВЫХ КОРАБЛЯХ

Книга 1

РОБИН ХОББ

Мир Элдерлингов

Робин Хобб

Волшебный корабль

«Азбука-Аттикус»

1999

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Хобб Р.

Волшебный корабль / Р. Хобб — «Азбука-Аттикус»,
1999 — (Мир Элдерлингов)

ISBN 978-5-389-13074-6

Берега теплых морей, далеко к югу от терзаемых войной Шести Герцогств, полны чудес и загадок. Поэтому здешние жители издавна промышляют торговлей. И поэтому в этих водах так много пиратов. Здесь добывают сокровища. Самые удивительные и волшебные привозят из ядовитых Дождевых чащоб. А самое драгоценное из волшебных сокровищ – диводрево, из которого делают живые корабли. Живой корабль не просто умеет разговаривать – он легче скользит по волнам, он уйдет от любой погони, он подскажет рулевому, что делать... Неудивительно, что семьи торговцев несколько поколений выплачивают жителям чащоб долг за корабль когда звонким золотом, когда своими отпрысками. Неудивительно, что Альтия Вестрит готова на все, лишь бы вернуть себе «Проказницу», корабль, к которому привязалась с детства. Неудивительно, что удачливый морской разбойник Кеннит верит, что, только захватив живой корабль, он может стать королем пиратов... Роман переведен Марией Семёновой, мастером художественного слова, автором «Волкодава» и «Валькирии».

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-13074-6

© Хобб Р., 1999

© Азбука-Аттикус, 1999

Содержание

Благодарности	7
Пролог	10
Часть первая	12
Глава 1	12
Глава 2	34
Глава 3	52
Глава 4	68
Глава 5	85
Глава 6	101
Глава 7	114
Глава 8	127
Глава 9	140
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Робин Хобб

Волшебный корабль

Robin Hobb
SHIP OF MAGIC

Серия «Звезды новой фэнтези»

Copyright © 1999 by Robin Hobb All rights reserved

© М. Семёнова, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Эта книга посвящается кораблям:

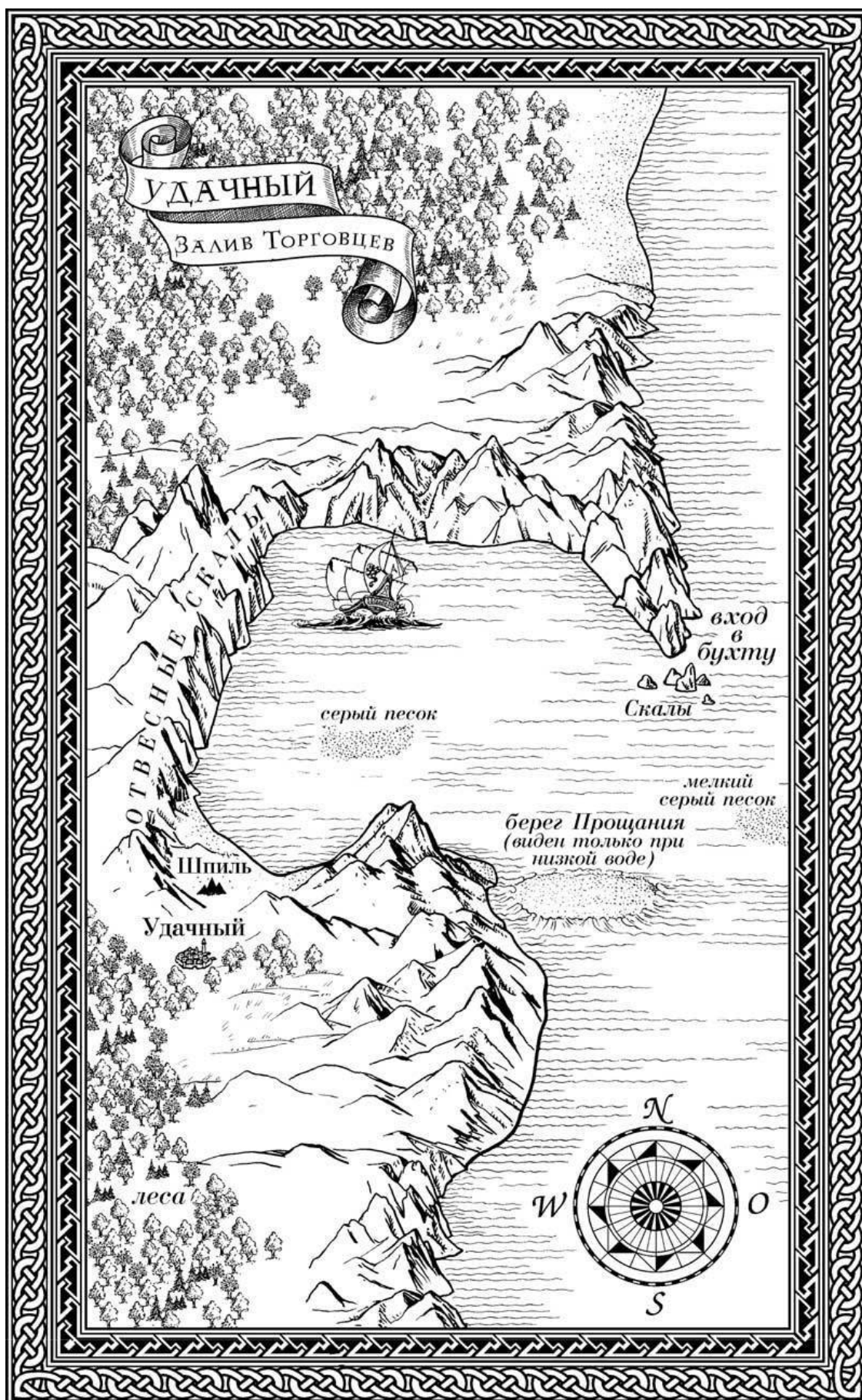
«Лапа дьявола», «Тотем», «Э. Джи Брюс», «Дармовая закуска», «Лабрадор» (Чеши! Чеши!), «Берег избиения» (Вот уж точное название!), «Точка входа», «Мыс Сент-Джон», «Американский патриот» (И кэпу Вуки!), «Анита Джи» и «Марси Джи», «Тарпон», «Капелин», «Дельфин», «Берег добрых вестей» (Не особенно!).

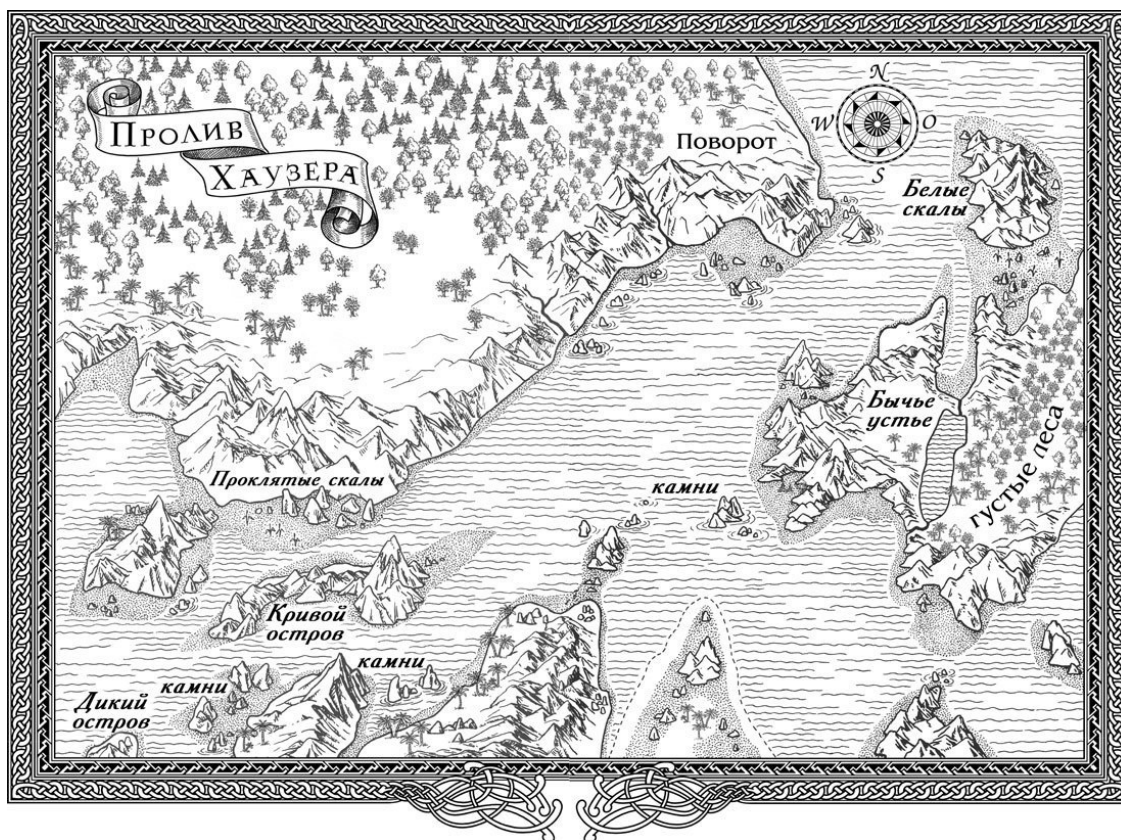
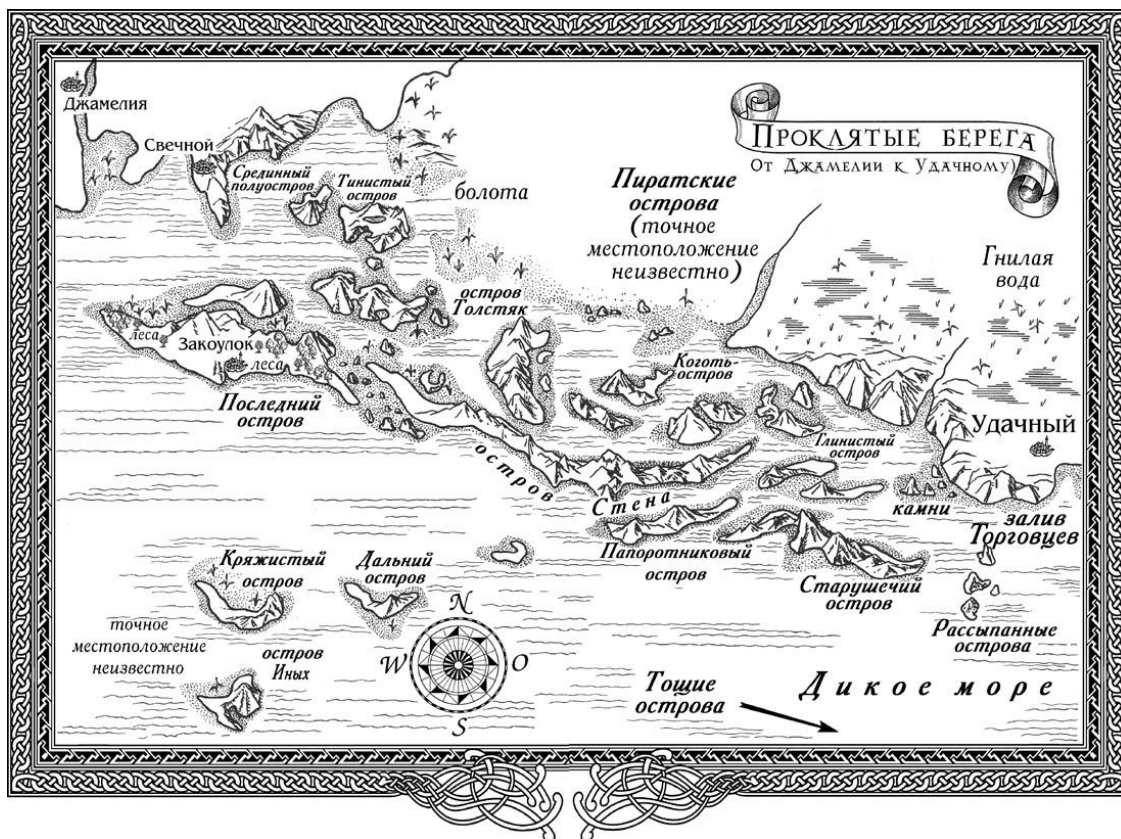
И даже «Крошка цыпленок».

Но в особенности тебе, «Повелительница дождя», где бы ты теперь ни была

Благодарности

Автор желал бы поблагодарить Гейл Циммерман из компании «Software Alternatives», Такома, Вашингтон, за предоставление милосердно своевременной помощи по искоренению компьютерного вируса, едва не сожравшего эту книгу.

Пролог

Путаница в Клубке

Моолкин взвился со своей лежки таким стремительным и резким рывком, что на некоторое время все вокруг густо заволокла поднявшаяся муть. Лохмотья сброшенной кожи, придонный ил и частицы песка витали в беспорядке, словно обрывки сновидений, не успевших рассеяться при пробуждении. Длинное, выющееся кольцами тело лениво сплеталось и расплеталось, избавляясь от последних клочков сброшенной кожи. Когда взбаламученный ил начал снова укладываться, Моолкин обвел взглядом две дюжины своих сородичей – гигантских змей, наслаждавшихся, как и он, благословенной шершавостью своего подводного лежища. Вожак тряхнул громадной гривастой головой, потом могуче вытянулся всем телом.

– Время! – грозно и хрипло прогудел его голос. – Время пришло!

Сородичи, распростертые на морском дне, подняли на него глаза. Немигающие, цвета меди, золота и изумрудов. Шривер высказалась за всех.

– Почему? – спросила она. – Вода здесь теплая, пищи в достатке. И зимы за последние сто лет не бывало ни разу. Зачем уходить, да еще прямо сейчас?

Моолкин лениво двинулся, и его тело легло новым узором. Обновленная чешуя засверкала в голубоватом свете, сочившемся сквозь толщу воды. Линька придавала новый блеск золотым пятнам ложных глаз, разбросанным по всей длине его тела; этот узор говорил о его причастности Древлезнанию: Моолкин помнил многое из происходившего буквально до начала времен. Правду сказать, его воспоминания не всегда были последовательными и отчетливыми. Как многие узники безвременья, помнящие обе свои жизни, он не всегда мог четко разделить, где что. Оттого он тряс своей гривой, пока парализующий яд, излившийся в воду, не образовал бледного облака вокруг его головы. В знак обета правдивости Моолкин вдохнул собственный яд и выпустил его через жабры.

– Потому, – с усилием выговорил он, – что время воистину пришло!

И внезапно ринулся прочь, взвиваясь к самой поверхности, стремительно вверх, обгоняя поднимающиеся пузыри. Там, высоко наверху, он пробил колеблемый волнами Свод и какие-то мгновения летел в прыжке сквозь Пустоплёт. Упав в воду, он стал стремительно погружаться, скоро приблизился к своему племени и стал безмолвно носиться вокруг лежища: владевшее им возбуждение было столь велико, что он не мог говорить.

– А ведь некоторые другие Клубки и правда уже снялись с места, – проговорила Шривер задумчиво. – Не все, конечно. Даже не большинство. Но когда мы поднимаемся к Пустоплёсу для песни, уже заметно, что кое-кого из нас недостает. Может, и в самом деле время пришло?

Сессурия лишь завозился, закапываясь глубже в уютный ил.

– А может, и не пришло, – проворчал он. – Полагаю, нам следует выждать. Пусть сперва тронется в путь Клубок, которым предводительствует Обрин. Обрин... понадежней, что ли, нашего Моолкина.

Шривер, лежавшая подле него, гибким движением покинула лежку. Ярко-алое сияние ее новой чешуи изумляло и восхищало. Она подхватила ртом изрядный кусок потемневшей старой кожи и быстро проглотила его, прежде чем заговорить.

– Ну и присоединяйся к тому Клубку, если тебе так уж нравится Обрин, а слова Моолкина не внушают доверия. Что касается меня – я последую за ним на север. Если уж уходить – то лучше пораньше, а не тогда, когда станет слишком поздно! Не тогда, когда примчатся десятки других Клубков и придется соперничать с ними из-за пищи! – Через мгновение она свилась в узел, сбрасывая последние лоскутья отмершей кожи. Встряхнула гривой и откинула голову. Ее

пронзительный клич взволновал успокоившуюся было воду: – Я с тобой, Моолкин! Я следую за тобой!

И она взвилась со дна, чтобы присоединиться к вожаку, по-прежнему вытанцовывавшему высоко над ними сложное кружево.

Одна за другой громадные змеи высвобождались из объятий придонного ила, сбрасывали последние обрывки старых кож. Все, и даже ворчливый Сессурия, поднялись из глубин, чтобы закружиться в теплой воде под самым Куполом, отделявшим Доброловище от Пустоплеса. Они танцевали, сплетаясь и расплетаясь. Они решили уходить на север. На свою древнюю родину, в те воды, откуда явились когда-то давно.

Так давно, что об этом почти никто из них не помнил.

Часть первая Середина лета

Глава 1 О жрецах и пиратах

Кеннит шагал вдоль линии прибоя, не обращая внимания на соленые волны, которые омывали его сапоги и начисто слизывали следы, оставленные им на песке. Он не отрывал глаз от беспорядочной линии водорослей, ракушек и обломков плавника, отмечающей уровень наибольшего подъема воды. Прилив только-только начал отступать – каждая новая волна чуть-чуть меньше предыдущей, и чудилось что-то умоляющее в том, как беспомощно они хватались за сушу. Когда море откатится подальше с черных песков, оно обнажит глыбы сланцевой глины, напоминавшие сточенные, обломанные зубы. Тогда заросли морской капусты, до того качавшиеся под водой, вяло повиснут бурой лохматой путаницей.

По ту сторону острова Иных, в бухте Обманной, стоял его двухмачтовый корабль, называвшийся «Мариетта». Кеннит приказал бросить якорь рано утром, когда рассветные ветры сгоняли с небес последние клочки штормовых туч. Прилив всюду поднимался, и грозные клыки скал, прикрывавшие вход в печально знаменитую бухту, нехотя скрывались во вспененной зеленой воде. «Мариетта» процарапала днищем по обросшим ракушками валунам, буквально переползая через них внутрь, но все-таки одолела преграду – и вот таким образом Кеннит и Ганкис оказались на берегу, на крохотном полумесяце черных песков. Песков, впрочем, тогда видно не было, поскольку штормовая волна далеко перехлестнула линию самых высоких приливов.

А над головой Кеннита нависали сланцево-серые утесы, облепленные вечнозеленой растительностью. Цепкие кустарники с очень темной, почти черной листвой дерзко свешивались в пустоту, словно бросая вызов неистовой силе ветров.

Кеннита никто не назвал бы слабонервным, но и ему все время казалось, будто они лезут прямехонько в пасть к какому-то чудищу.

Юнга, по имени Опал, остался в шлюпке, вооруженный острогой для защиты от всевозможных нелепых случайностей, что так часто подстерегают посудины, стоящие без присмотра в бухте Обманной. К большому неудовольствию паренька, Кеннит в приказном порядке взял с собой на остров Ганкиса, оставив юнгу одного на берегу. Когда Кеннит оглянулся в последний раз, мальчишка сидел, нахохлившись, как на насесте, на банке вытащенного на песок суденышка. Бедняга Опал все вертел головой, почти с одинаковым страхом косясь то на заросшие лесом утесы наверху, то на воду – туда, где покачивалась «Мариетта». Отлив стремился увлечь корабль с потоком воды в открытое море, и якорные цепи туго натягивались.

Опасности, подстерегавшие моряков на этом острове, давно стали легендой. И дело было даже не в том, что на подходе к этой якобы лучшей на всем острове якорной стоянке вполне можно было разбиться. И обычные для этих мест странные происшествия с моряками были, в сущности, ни при чем.

Просто весь остров был, словно облаком, окутан эманациями странной магии Иных. Кеннит явственно ощущал ее прикосновения, пока они с Ганкисом пробирались по тропинке из Обманной бухты сюда, на берег Сокровищ. Да и сама тропинка, правду сказать, была весьма странной. Люди по ней очень редко ходили – и тем не менее черная галька, которой она была усыпана, чудесным образом оставалась свободна и от опавшей листвы, и от всепроникающих побегов растений. А по сторонам ее шел форменный дождь: листья, щедро вымоченные ноч-

ным ливнем, роняли влагу в заросли папоротника, и без того уже униженные хрустальными бусами. Воздух был прохладен и напоен жизнью. Яркие цветы оживляли тенистый сумрак подлеска... ни один цветок, кстати, не рос ближе чем на человеческий рост от тропинки. Их свежий аромат разносился в утреннем воздухе, как бы приглашая людей позабыть о своей цели и отправиться исследовать дивный лесной мир... Стволы деревьев были унижены оранжевыми грибами. Они вызвали у Кеннита гораздо меньше симпатии. Удивительная яркость их раскраски наводила на мысль о проголодавшихся паразитах. А вот паутина, усеянная, как и папоротники, сияющими бусинками влаги... Она висела над самой тропинкой, и людям пришлось низко нагнуться, чтобы под ней пройти. Паук, сидевший у края своих тенет, был оранжевым, как и грибы, и величиной едва ли не с кулачок ребенка. В паутине запуталась древесная лягушка, она отчаянно пыталась высвободиться, но паук интереса к своей добыче не проявлял.

Ганкис даже крикнул от отвращения. Да и немного боязно было пролезать под этой сетью.

Тропинка вилась через самое сердце царства Иных. Сойди с дорожки, отведенной здесь людям и столь тщательно обозначенной, – и как раз пересечешь незримую границу их страны.

Если, конечно, хватит отваги.

Старинные сказания утверждали, будто в древности сюда приезжали герои – и, вместо того чтобы идти по тропинке, намеренно с нее сворачивали. Они разыскивали логова Иных и смело бросали им вызов. Они приобщались премудрости их богини, заточенной в пещеру. Они вытребовали себе дары – всякие там плащи-невидимки и пламенеющие мечи, без труда рассекавшие любой щит. Дерзали сюда приезжать и певцы. Они возвращались назад обладателями голосов такой мощи, что могли лопнуть уши, и такого искусства, что самые черствые сердца после этого таяли, внимая их искусству. Ну и конечно, все слышали древнюю сказку про Кэйвена Черноволосого. Он гостил у Иных целых полвека, которые пролетели для него как один день. Когда он вернулся к людям, его волосы сделались золотыми, а глаза стали подобны раскаленным углям. А его песни, увенчанные невероятными рифмами, были полны волнующих предсказаний...

Кеннит тихонько фыркнул про себя. Нет никого, кто не слышал бы старинных сказаний. Однако на памяти самого Кеннита ни единая живая душа тропинки не покидала. А если кто на это и отважился – никому о том не рассказывал. Может, оттого, что смельчакам обратной дороги не было?

Пират досадливо отогнал эту мысль прочь. Уж он-то на этот остров приехал не затем, чтобы с проторенной дорожки сходить. Он по ней пойдет до самого ее конца.

А что там – тоже всем известно.

Кеннит шагал по черной тропе, змеившейся по поросшим лесом холмам, занимавшим всю внутреннюю часть острова. Наконец пологий спуск вывел его на жесткую траву опушки. За ней была широкая полоса открытого берега, уже противоположного, – остров был небольшим. Всякому кораблю, который вздумает бросить здесь якорь, предсказывалось печальное будущее: следующая его стоянка, гласили легенды, будет на том свете. Кеннит слыхом не слыхивал ни об одном корабле, чьей команде вздумалось бы проверять истинность старинных запретов. Может, потому и не слыхивал, что из преисподней слухи плоховато доходят?

Небо над головой было очень синим и очень чистым – таким, каким оно и бывает после сильного шторма. Длинное лукоморье было окаймлено песком и камнями. Лишь в одном месте его рассекал ручеек, проточивший себе путь через травянистую поляну. Струи воды вились по песку и пропадали в соленых морских волнах. Вдали, замыкая полумесяц залива, высились темно-серые скалы. Один из утесов напоминал высокую, выщербленную временем башню. Он стоял поодаль от берега, с которым его соединяла лишь узенькая полоска земли. В расщелине между «башней» и береговыми скалами виднелись небо и все то же беспокойное море.

– А славно потрепало нас нынче ночью, мой капитан! – раздался позади голос Ганкиса. Моряк тяжело дышал – ему приходилось спешить изо всех сил, чтобы поспеть за рослым,

широко шагавшим пиратом. – Вообще-то, поговаривают, будто по берегу Сокровищ всего лучше гулять во-он там, где травка на дюнах. Якобы шторм вроде вчерашнего уж как волну разведет, так туда чего только не выбросит! Да все хрупенькие такие, изящные вещицы! Им, кажись, много ли надо, чтобы вдребезги разлететься, – ан нет, тихонечко себе укладываются в осоку, что в твою корзинку с соломой! Вот мой дядька рассказывал... ну, правду молвить, тот еще дядька, в смысле тетки моей муж, он на сестре матушки моей женат был... так вот, он рассказывал, будто знал одного чувака, который нашел там, наверху, маленькую деревянную шкатулку. Вся такая гладкая, черненькая, цветочками разрисованная. А внутри – стеклянная статуэтка. Женщина с крыльями бабочки, вот оно как! Да еще и стекло не какое-нибудь прозрачное, нет, все цветное, особенно крылышки, и не то чтобы раскрашенное, нет, там вся краска была прямо в стекле! – Тут Ганкис ненадолго прервал свою речь, чтобы осторожно, искоса, испытующе посмотреть на пирата. Потом опасливо поинтересовался: – Хочешь знать, какое толкование дал ей Иной?

Кеннит приостановился ковырнуть носком горбик мокрого песка. Чутье не подвело: на солнце блеснуло золото. Небрежно нагнувшись, он поддел пальцем тонкую золотую цепочку. На ней закачался освобожденный от песка медальон. Кеннит отряхнул находку о тонкие полотняные штаны, потом ловко открыл крохотный замочек. Золотые половинки послушно расщелкнулись. Морская вода успела просочиться внутрь и испортить содержимое медальона, но с маленького портрета все еще улыбалась юная женщина. Ее глаза были полны веселья, смешанного с милым упреком. Кеннит хмыкнул и спрятал находку в карман парчового жилета.

– Все равно, капитан, они тебе его не оставят, – робея, вновь подал голос Ганкис. – Ни у кого не задерживается в руках найденное на берегу Сокровищ!

– Уж прямо, – буркнул в ответ Кеннит.

Он нарочно придал своему голосу оттенок насмешки. Пусть этот Ганкис задумается, что имел в виду капитан и не достанется ли ему сейчас по роже кулаком. Ганкис в самом деле начал топтаться с ноги на ногу, на всякий случай потихонечку отодвигаясь подальше. Немного помявшись, он изрек:

– Люди так говорят, мой господин. Все как один утверждают, что найденное здесь до дома не довозят. Ну а я про того приятеля моего дядюшки и в точности знаю. После того как Иной взглянул на его находку и сделал по ней предсказание, тот приятель последовал за Иным к берегу, вот к этим утесам. Может, даже прямо к вот этому самому! – Ганкис вскинул руку, указывая на одну из высившихся вдали скал. – Там, в отвесном камне, было много-много, прямо целые тыщи таких маленьких дырочек... ну этих... как бишь они называются...

– Альковы, – почти мечтательно подсказал Кеннит. – Лично я, Ганкис, зову их альковами. Кстати, и ты, если бы умел говорить на языке своей матери, называл бы их так же.

– Так точно, кэп, альковы. И в каждом лежало по сокровищу, но некоторые оставались пустыми. Тот Иной позволил дядькиному приятелю пройти вдоль всей стены и вволю полюбоваться, и уж там, доложу тебе, такие были штуковины – во сне не приснятся! Одни фарфоровые чашечки сплошь в розовых бутончиках чего стоили! А еще золотые кубки для вина с дорогими камушками по краю – полжизни! А махонькие деревянные игрушки, так здорово раскрашенные, ну просто живые! И еще тьма-тьмущая всякого разного, что и не додумаешься, каким словом назвать, и каждая – в своей собственной пещерке! Вот так, господин мой. А потом тот приятель увидел альковчик как раз подходящей высоты и ширины да и пристроил туда свою крылатую девушку. Он сам говорил дядьке – в тот миг ему показалось, будто ничего не может быть правильней, кроме как поставить стеклянную девчужку в эту пещерку. Вот он и поставил... да там ее и оставил. А сам распрощался с островом да и поехал домой. Так-то вот.

Кеннит прочистил горло, умудрившись вложить в краткое покашливание гораздо больше презрения, чем другому удалось бы выразить самой длинной и заковыристой бранью. Ничего удивительного, что Ганкис смущенно потупился.

– Это не я так говорю, кэп. Это он так говорил... – Не зная, куда деть руки, моряк подтянул выдавшие виды штаны. – Вообще-то, – добавил он с видимой неохотой, – тот приятель, он... малость не от мира сего. Случись у него прибыль какая – отдает седьмую часть в храм Са. И двоих старшеньких своих туда же отправил. Такой уж он человек. У него, господин мой, иначе мысли устроены, не так, как у нас...

– ...если допустить, Ганкис, что ты вообще думаешь, – закончил за него капитан. Светлые глаза Кеннита вновь устремились к отдаленной границе воды. Он слегка прищурился – утреннее солнце ослепительно играло на волнах. – Вот что, ступай-ка ты на свои любимые дюны. Если что найдешь – тащи мне.

– Слушаюсь, кэп!

Старый моряк вразвалку отправился прочь, лишь однажды жалобно оглянувшись на молодого капитана. Достигнув берегового откоса, он ловко вскарабкался наверх, на травяную лужайку. И двинулся вдоль берега, обшаривая взглядом землю под ногами.

Ему повезло почти сразу. Что-то заметив, он бегом поспешил вперед и еще через мгновение вскинул над головой нечто ярко блеснувшее на свету.

– Кэп, кэп, смотри-ка, что я нашел!

– И посмотрю, если живенько притащишь сюда, как я тебе приказал! – раздраженно отозвался Кеннит.

Ганкис ринулся к капитану, словно пес, услышавший команду «Ко мне!». Его карие глаза сияли, как у мальчишки, он прижал свою находку двумя руками к груди и лихо сиганул вниз с обрывчика в человеческий рост высотой. Потом побежал, и песок так и разлетался из-под его башмаков. Кеннит хмуро следил за его приближением. Как ни лебезил старый моряк перед своим капитаном, да только делиться добычей он был склонен не более, чем любой другой их собрат по ремеслу. Кеннит не очень-то и надеялся, что Ганкис по собственной воле принесет ему что-либо, на что набредет в дюнах; в конце прогулки он собирался попросту обогнать своего спутника. А вот поди ж ты – Ганкис мчался к нему, сияя, словно деревенский увальень, раздобывший для милашки-молочницы букетик цветов. Странно. Очень странно. Даже Astonishing.

Тем не менее Кеннит ничем не выдал своих чувств, храня на лице обычную для него язвительную усмешку. Это была тщательно отработанная и заученная поза, наводившая на мысли о томной грации охотящегося кота. Он ведь свысока смотрел на Ганкиса не потому только, что был выше ростом. Кеннит неизменно созерцал своих приспешников так, словно его забавляли любые их слова и поступки. Что бы, дескать, они ни придумали, им его нипочем не удивить! Пусть верит команда, будто он способен провидеть не только малейшие их намерения, но даже и самые мысли. Все меньше разного своеволия, от которого и до бунта недалеко. Даже если у них и возникнет какое-то недовольство – кто, скажите на милость, отважится первым пойти против такого-то капитана?

Вот так Кеннит и стоял, глядя на Ганкиса, мчавшегося к нему по берегу. Когда же тот подбежал, капитан отнюдь не поторопился выхватить у него найденное сокровище. Пусть-ка сам протянет его. А он, Кеннит, будет взирать, словно сучая...

Но стоило ему только бросить взгляд на Ганкисову находку – и ему потребовалось все его самообладание, чтобы тотчас не заграбастать ее. Ибо никогда еще он не встречал столь искусно сработанной безделушки! Это был стеклянный пузырь абсолютно правильной формы. Ни царапинки не портило отполированной поверхности. Стекло отливало едва заметной голубизной, но этот оттенок нисколько не мешал рассмотреть диво, заключенное внутри. В недрах шара виднелась маленькая сцена, а на ней – крохотные фигурки, пестро одетые, с разрисованными лицами. Ко всему прочему они были еще и как-то связаны между собой. Ганкис встряхнул шар на ладонях – и фигурки задвигались. Одна принялась вращаться на цыпочках, другая стала кувыряться через скамейку, а третья закивала головой в такт их движениям – ни

дать ни взять все трое отзывались на веселый мотивчик, заключенный вместе с ними внутри стеклянного пузыря.

На глазах у Кеннита Ганкис дважды привел механизм в действие. Только тогда капитан молча протянул холеную длиннопалую руку, и моряк положил сокровище ему на ладонь. Оно не полностью ее заняло. Оставаясь подчеркнуто невозмутимым, Кеннит сначала посмотрел шар на свет, потом небрежно качнул, и маленькие плясуны ожили, послушные его воле.

– Игрушка, – бросил он наконец. – Забава для малыша.

– Осмелюсь заметить, кэп, этот малыш должен быть принцем не из последних, – возразил Ганкис. – Хрупковат шарик-то, чтобы его какому ни есть ребенку дарить! Уронит разочек – и поминай как звали!

Кеннит подпустил в голос точно отмеренную дозу добродушия:

– Но ведь выдержал же он, пока его мотало волнами. А потом вон куда вышвырнуло на берег. Значит, его не так-то просто расколотить.

– Верно, кэп, вот уж верно так верно, но на то, знаешь ли, тут и берег Сокровищ. Правду люди бают, тут что на берег ни выплеснется – все целехонько. Уж таково, стало быть, волшебство здешнего места!

– Волшебство? – Кеннит позволил себе расплыться в улыбке, опуская находку в просторный карман темно-синего камзола. – Значит, ты веришь, что это магия выкидывает сюда из воды всякие безделушки?

– А что ж, если не она самая? Такой игрушечке ведь в самую пору было бы разлететься на вот такусьенькие осколки! Или по крайней мере исцарапаться, пока валялась в песке! А она, вишь, ну прям как только от ювелира!

Кеннит саркастически покачал головой.

– Магия... Нет, Ганкис, волшебства тут не больше, чем в сокрушительных приливах на отмели Орт или в Перечном течении, которое подгоняет корабли, идущие к островам за пряностями, а потом всячески измывается над ними по дороге назад. Просто так уж подобрались тут ветра, течения и приливы. И ничего сверхъестественного. Думаю даже, что именно со всем этим и связаны рассказы о кораблях, которые бросают здесь якоря – и превращаются в щепки к следующему приливу.

– Тебе видней, господин мой.

Ганкис послушно согласился со своим капитаном, но Кеннит понимал, что отнюдь не убедил его. Больше того, взгляд моряка то и дело устремлялся к оттопыренному карману его камзола, укрывшему дивный шар. Улыбка Кеннита стала еще чуточку шире.

– Ну? Что стоишь? Ступай, может, еще на что набредешь.

– Слушаюсь, кэп... – сдался Ганкис.

Он бросил последний скорбный взгляд на отяжелевший карман Кеннита и, повернувшись, заспешил обратно к откосу. Кеннит погрузил руку в карман, лаская пальцами прохладную гладкость стекла. Потом тоже двинулся дальше вдоль берега. Чайки над головой словно бы брали с него пример – скользя в потоках бриза, тщательно высматривали все, что могло попасться съедобного в обнажившейся полосе прилива. Кеннит не торопился, хотя мысли о корабле, дождавшемся по ту сторону острова, в весьма коварных водах, ни на миг не покидали его. Нет уж, он пройдет весь берег до самого конца, как и предписывала традиция. Потом разыщет какого-нибудь Иного и выслушает причитающееся ему предсказание. Но торчать лишку его здесь никакая сила не заставит. Не говоря уж о том, чтобы расставаться с сокровищами, которые, может быть, еще попадут ему под ноги.

Вот теперь, когда никто не мог его видеть, он улыбался по-настоящему.

Вынув руку из кармана, Кеннит рассеянно тронул левое запястье. Там, невидимая под кружевной манжетой шелковой белой рубашки, вилась двойная петля черного кожаного шнура. Она плотно притягивала к запястью маленький деревянный предмет. Это была рез-

ная человеческая личина, просверленная во лбу и в нижней челюсти таким образом, чтобы возможно теснее прилегать к телу, как раз там, где бьется под кожей пульс. Когда-то деревяшку покрывала черная краска, но теперь она большей частью истерлась. Однако черты лица, вырезанные с величайшим тщанием и умением, остались в неприкосновенности. Деревянный человек доводился Кенниту близнецом, и даже усмешка у него была точно такая же. Лучше не вспоминать, сколько денег пришлось на него угробить. Да и не в деньгах дело. Не всякий из тех, у кого была возможность заполучить диводрево, отваживался его носить. Даже если кишка была не тонка что-то украсть.

Кеннит хорошо помнил мастера, изваявшего для него эту личину. Сколько долгих часов он высидел у него в мастерской, непременно в холодном утреннем свете, пока тот мучительно-трудно точил и резал невероятно твердое дерево, добываясь необходимого сходства! Они не разговаривали друг с другом. Мастер не мог, а пирату и не хотелось. Он знал, что для достижения должного сосредоточения резчику требовалась полная тишина. Он ведь трудился не только над деревяшкой, но и над заклинанием, должным оградить носителя амулета от любой магии.

Кроме того, Кенниту и нечего было ему сказать. Некогда пират вывалил ему невероятную сумму вперед, потом долго дожидался гонца с сообщением – дескать, удалось раздобыть толику очень дорогого и ревностно охраняемого диводрева. Когда, прежде чем приступить к плотской и духовной работе над амулетом, мастер потребовал еще денег – Кеннит пришел в ярость. Но оставил ее при себе, лишь, как обычно, насмешливо скривил губы. И выкладывал на весы серебро, золото и драгоценные камни, пока мастер не кивнул, показывая, что цена его удовлетворяет. Как и многие приверженцы незаконного промысла, он давным-давно пожертвовал собственным языком, дабы у заказчика не возникло сомнений в надежности сохранения тайны. Кеннит усомнился про себя в действительности подобного увеща, но оценил силу стремления резчика, подвигнувшую его на такой поступок.

В общем, окончив работу и самолично притянув амулет к запястью пирата, мастер смог лишь энергично кивнуть, выражая удовлетворение собственным искусством.

Ну и конечно, позже Кеннит прикончил его. Это был самый разумный выход из положения, а уж в чем в чем, но в благоразумии Кенниту отказать было нельзя. Естественно, и добавочную плату, истребованную мастером, он забрал обратно себе. Людей, нарушавших первоначальную договоренность, Кеннит терпеть не мог. Но резчика убил не поэтому. Просто иначе ему было не оградить свою тайну. Прознай люди, что их капитан таскает на себе амулет для защиты от колдовства, они непременно решили бы, будто Кеннит их боится. Еще не хватало – чтобы команда вообразила, что он чего-то боится! Его удачливость порождала легенды. Люди, следовавшие за ним, верили в его счастливую звезду непоколебимо – в отличие от него самого. Потому-то они и готовы были пойти за ним в огонь, не говоря уже о воде. И что же – дать им повод вообразить, будто что-то способно отвратить от него удачу?

Целый год после расправы над мастером он прожил в тревоге – уж не повлияло ли это убийство на произнесенное им заклинание, ибо амулет все не оживал. Как-то раньше Кеннит спросил самого резчика, сколько, мол, придется ждать, прежде чем черты маленького лица наполнятся жизнью. Но тот лишь красноречиво передернул плечами, а потом как умел объяснил жестами, что ни он, ни кто-либо другой не могут предсказать срок. Вот Кеннит и прождал целый год, чтобы заклятие наконец заработало, но в конце концов его терпение иссякло. Тогда-то некое нутряное чутье и подсказало ему, что настала пора посетить берег Сокровищ и посмотреть, что за будущность насулит ему океан. Хватит ждать, решил он, пока эта штука проснется сама собой; пришло время рискнуть! Пусть счастливая звезда, осенявшая все дела Кеннита, оградит его еще всего один раз. Помогла же она ему в тот день, когда он пришел убивать мастера. Так случилось, что тот неожиданно обернулся – как раз чтобы увидеть, как Кен-

нит обнажает клинок. Пират про себя подумал – не будь резчик безязыким, его предсмертный вопль прозвучал бы куда как громко.

Ладно! Капитан волевым усилием изгнал прочь все мысли о том ушедшем в прошлое деле. Он явился на берег Сокровищ не для того, чтобы рыться в пыльных воспоминаниях. Он должен был сделать находку и тем самым упрочить свою будущность. Кеннит сосредоточил внимание на извилистой полоске выброшенного морем мусора и двинулся вперед. Его взгляд скользил мимо блестящих раковин, обломанных крабовых клешней, оторванных водорослей и всевозможных коряг. Бледно-голубые глаза шарили кругом лишь в поисках того, что сошло бы за истинную находку...

И далеко идти ему не пришлось. Кенниту попался морской сундучок, а в нем – целый сервис чайных чашечек. Вряд ли они были сделаны людьми. Или использовались людьми. Их было двенадцать, все – изготовленные из высверленных окончаний птичьих костей. На чашках сохранился рисунок, выглядевший так, словно кисть, которую обмакнули в темно-синюю краску, состояла из одного-единственного волоска. Чашечки долго состояли у кого-то в хозяйстве – синий рисунок выцвел и стерся до такой степени, что восстановить его первоначальный вид не было никакой возможности, а гнутые костяные ручки истончились сверх всякой меры. Кеннит устроил сундучок под мышкой и отправился дальше.

Он шел против солнца, и его удобные сапоги оставляли четкий след на мокром песке. В какой-то момент он поднял голову, оглядывая берег. Выражение лица ничем не выдавало обуревавших его ожиданий и надежд. Когда он снова опустил взгляд к песку, его глазам предстала крохотная коробочка из кедровой древесины. Соленая вода успела потрудиться над ней. Чтобы раскрыть коробочку, ее пришлось расколоть о камень, словно ореховую скорлупу. Внутри оказались... накладные ногти. Выточенные из переливчатого перламутра. Малюсенькие зажимы должны были прикреплять их поверх обычных ногтей. В кончике каждого имелось крохотное углубление – вероятно, для яда. Ноготков было двенадцать. Кеннит засунул их в другой карман. Там они перекатывались при ходьбе и постукивали один о другой.

Пирата нисколько не волновало, что все попадавшиеся ему сокровища были явно задуманы, сделаны и использовались не людьми. Сколько бы ни издевался он над наивной верой Ганкиса в здешнее волшебство – то, что вещички сюда подбрасывал не только и даже не столько океанский прибой, не подлежало никакому сомнению. Даром, что ли, корабли, стоявшие на рейде близ этого острова, после шквала пропадали без следа – ни тебе досочки, ни даже щепочки. Бывалые моряки утверждали, будто те корабли уносило вообще прочь из этого мира – плавать дальше по морям где-то «по ту сторону». Кеннит ничуть в том не сомневался.

Он снова посмотрел на небо. Над головой сияла все та же безмятежная голубизна. Ветер был достаточно свежим, но Кеннит надеялся, что погода не переменится, пока он не обшарит весь берег и не вернется через остров к своему кораблю.

Пускай уж ему и в этот раз повезет.

Следующая находка смутила его душевный покой больше всех. Это был полусасыпанный песком кожаный мешочек, сшитый из красных и синих кусочков. Кожа выглядела прочной, мешочек явно и сделан был на совесть. Морская вода лишь промочила его, заставив краски расплыться беспорядочными потеками. Соль разъела бронзовые пряжки и сделала твердыми кожаные тесемки, стягивавшие горловину мешка. Кеннит вытащил нож и вспорол боковой шов...

Его глазам предстал целый выводок котят. Шесть штук. Все – с длинными когтями и радужными пятнышками за ушами. Все – мертвые.

Содрогаясь от отвращения, Кеннит вытащил из мешка самого маленького. Покрутил податливое тельце в руках. мех был голубоватым, насыщенного темного тона. А веки – розовыми.

«Больно уж мелкие... Карликовые, наверное». Промокшее тельце было холодным и внушало лишь омерзение. Кеннит не отшвырнул его только потому, что был капитаном пиратов, а не чувствительной барышней. Заметив на одном ушке впившегося клеща, он не сразу понял, что это не клещ, а рубиновая сережка. Кеннит сдернул ее и отправил в карман, к прочим своим находкам. А потом, повинаясь внезапному порыву (которого сам толком не понял), сложил маленькие синие тела обратно в мешок и положил там же, где поднял.

Цепочка его следов потянулась дальше по мокрому пляжу...

Благоговение заполняло все его существо, распространяясь вместе с токами крови. Дерево. Сок и кора, аромат древесины и запах листьев, шепчущихся наверху. Дерево... А еще – земля и вода, воздух и свет, поглощаемые и источаемые созданием, именуемым просто «дерево»...

– Уинтроу!

Мальчик медленно отвел взгляд от высившегося перед ним дерева. С большим трудом сосредоточился на улыбающемся лице молодого жреца. Бيرانдол кивнул, одобряя и поддерживая его. Уинтроу ненадолго зажмурился, задержал дыхание и, сделав усилие, оторвался от того, чем занимался. Вновь открыв глаза, он схватил ртом воздух, как ныряльщик, поднысывая из глубины. Пятна света и теней, сладость лесного воздуха, мягкое тепло ветерка – все это внезапно померкло для него и исчезло. Он находился в монастырской мастерской – прохладном зале с каменными стенами и полом. Пол охлаждал босые ступни. В большом помещении виднелась еще дюжина столов, сделанных из плитняка. За тремя из них трудились мальчишки вроде него самого. Их замедленные, словно бы сонные, движения свидетельствовали о погружении в транс. Один плел корзину, двое других мяти глину, и пальцы у них были серые и мокрые.

Уинтроу посмотрел на свинец и кусочки блестящего стекла, разложенные на столе перед ним самим. Красота мозаики, которую он, оказывается, сложил, изумила его самого. И все-таки эта красота не шла ни в какое сравнение с чудесным ощущением причастности к жизни дерева, которое он только что испытал. Мальчик погладил пальцами искусно выложенный ствол, гордо раскинутые ветви... Прикосновение к мозаике оказалось сродни прикосновению к собственному телу: и то и другое было знакомо ему одинаково хорошо. Он услышал, как позади него еле слышно ахнул Бيرانдол. Восприятие Уинтроу было все еще обострено, и благоговейное чувство, охватившее молодого жреца, всецело передалось мальчику. Так они и стояли некоторое время, согласно и молча торжествуя по поводу очередного чуда Са.

– Уинтроу, – тихо повторил жрец.

Он протянул руку и обвел пальцем крохотного дракона, что выглядывал между верхними ветвями дерева, потом проследил сияющий изгиб змеиного тела, почти спрятанного под перевитыми корнями... Обнял мальчика за плечи и мягко повернул его лицом прочь от верстака. И повел наружу из мастерской, ласково выговаривая ему по дороге:

– Ты еще слишком юн, чтобы целое утро выдерживать подобное состояние. Учись соразмерять силы, не стремись достичь сразу всего!

Уинтроу поднял руки к лицу и принялся тереть глаза – ему показалось, что под веки внезапно набился песок.

– Я в самом деле торчал там целое утро? – изумился он. – Правда, Бيرانдол, я и не заметил, как время прошло!

– Конечно не заметил. Зато твоя нынешняя усталость наверняка убедит тебя, что это действительно так. Ты бы поберегся, Уинтроу. Попроси завтра служителя, чтобы пробудил тебя к середине утра. Ты, мальчик мой, наделен редким талантом. Обидно будет, если ты сожжешь его попусту, вместо того чтобы бережно развивать.

– Ох! В самом деле все болит, – смущенно пожаловался Уинтроу. И откинул со лба пряди черных волос, улыбнувшись: – Но ведь дерево стоило того, а, Бирандол?

Жрец медленно наклонил голову.

– И даже сразу в нескольких смыслах. Продать этот витраж – и, пожалуй, выручки хватит перекрыть крышу в доме послушников. Если, конечно, у матери Деллити не дрогнет рука разлучить монастырь с таким чудом! – Он ненадолго задумался и добавил: – Стало быть, вот они и появились опять... Дракон и змея. Если бы только знал...

И он умолк, не договорив.

– А я и не помню, как, собственно, они у меня выложились, – сказал Уинтроу.

– Понятно.

В голосе Бирандола не было ни тени осуждения или просто оценки. Лишь терпение.

Некоторое время они в согласном молчании брели каменными переходами монастыря. Восприятие Уинтроу постепенно теряло особую остроту и вновь становилось обычным. Он больше не ощущал вкуса кристаллов соли, попадавших в камне стен, не слышал тончайших потрескиваний, испускаемых древней кладкой. Его кожа вновь могла безболезненно выносить прикосновение грубой коричневой ткани послушнических одеяний. К тому времени, когда они достигли тяжелой деревянной двери и вышли в сады, душа Уинтроу окончательно водворилась назад в тело. Вот только голова немного шла кругом, как если бы его только что разбудили посреди глубокого сна, да все кости болели, точно он целый день картошку копал. Он молча шел подле Бирандола, как того требовал монастырский устав. На пути им встречались другие люди, мужчины и женщины, кое-кто – в зеленых одеяниях посвященного жречества, иные – в белом платье служителей. Друг друга они приветствовали кивками.

Когда впереди показался сарай с инструментами, Уинтроу испытал внезапную и беспокоящую уверенность, что Бирандол вел его именно туда, а значит, остаток дня ему предстояло трудиться в залитом солнцем саду. В другое время он бы этому только обрадовался, но нынешнее утро, проведенное в сумрачной мастерской, наградило его светобоязнью. Уинтроу невольно замедлил шаг, и Бирандол оглянулся.

– Мальчик мой, – ласково упрекнул он послушника, – не допускай беспокойства в душу свою. Беспокоясь о чем-то, ты заимствуешь из будущего печали, которые, может статься, наяву еще тебя обойдут, и тем самым пренебрегаешь настоящим, которым следует наслаждаться. Тот, кто попусту страдает о завтрашнем дне, теряет день сегодняшний, да и будущее свое отравляет, загоя ожидая скверного. – Голос Бирандола сделался строже. – Ты, мальчик мой, слишком часто позволяешь себе тревожиться и переживать о том, что еще не случилось. Если тебе откажут в жреческом посвящении, то, скорее всего, именно за это!

Уинтроу с бесконечным ужасом уставился на Бирандола. Какое-то мгновение его лицо было маской жуткого, всеобъемлющего одиночества. Потом он наконец осознал ловушку, расставленную жрецом. Ужас как рукой сняло, он облегченно улыбнулся:

– Вот именно. Чем больше изводишься мыслями о возможности поражения, там вернее оно постигнет тебя.

Жрец добродушно подтолкнул юнца локтем.

– Правильно, мальчик мой. До чего же быстро ты растешь и впитываешь науку! Я вот был намного старше тебя, мне сравнялось самое меньшее двадцать, когда я наконец выучился применять это Противоречие в обыденной жизни!

Уинтроу застенчиво пожал плечами.

– Я как раз размышлял об этом вчера вечером, перед тем как заснуть. Двадцать седьмое Противоречие Са: «Следует рассчитывать на будущее и предвкушать будущее, не боясь будущего».

– Тебе всего тринадцать, – заметил Бирандол. – Рано же ты постиг Двадцать седьмое Противоречие.

Уинтроу простодушно поинтересовался:

– А ты сам сейчас на каком?

– На Тридцать третьем, и вот уже два года над ним быюсь.

– Я, – сказал Уинтроу, – так далеко еще не забирался.

Они медленно шли под яблонями, чья листва, казалось, обмякла в полуденную жару. Зреющие плоды отягощали ветви. На другом конце сада между стволами сновали служители, таскавшие из ручья ведерки с водой.

– «Жрецу не следует выносить суждений, покуда он не возможет судить, словно сам Са; покуда не достигнут совершенства его милосердие и справедливость», – тихо процитировал Бирандол. – Честно сознаться, никак не возьму в толк, как это вообще возможно.

Взгляд мальчика уже обратился внутрь, лоб прорезала едва заметная морщинка.

– Доколе ты считаешь это невозможным, твой разум остается закрытым и не способен понять. – Голос Уинтроу звучал словно бы издалека. – А впрочем, возможно, именно это нам и предлагают уразуметь: понять, что, будучи жрецами, мы не смеем судить, ибо не обладаем совершенным милосердием и совершенной справедливостью. Быть может, нам следует лишь утешать и прощать...

Бирандол только головой покачал.

– Тебе потребовалось несколько мгновений для духовной работы, на которую у меня ушло целых полгода. Но вот я оглядываюсь вокруг и вижу множество жрецов, которые знай себе судят и осуждают. А те из нашего ордена, кто выбрал путь Странников, только и занимаются тем, что помогают мирянам разбираться во всякого рода жизненных сложностях. Надобно думать, они так или иначе постигли Тридцать третье Противоречие?

Мальчик с любопытством посмотрел на него. Он собрался было что-то сказать, но покраснел и решил промолчать.

– Что там у тебя на уме? – спросил подопечного Бирандол. – Что бы это ни было, скажи мне.

– Я... ну... в общем, я собрался было тебя упрекнуть. Но мне стало стыдно, и я...

– И в чем же заключался твой упрек? – не отставал жрец.

Мальчик только замотал головой, и его наставник рассмеялся:

– Ну же, Уинтроу! Неужели ты думаешь, что, заставляя тебя говорить, я сам же на твои слова и обижусь? Ну так какая же мысль тебя посетила?

– Я хотел сказать, что в своем поведении тебе следует руководствоваться твоими помыслами о Са, а не впечатлениями от поступков других. – Откровенно высказавшись, Уинтроу потупил глаза. – Впрочем, не мне тебя поучать...

Бирандол действительно не обиделся, скорее впал в глубокую задумчивость.

– Но если я стану руководствоваться лишь помыслами о Са, тогда как сердце говорит мне, что немислимо человеку судить, как Са, в абсолютном милосердии и праведности... Из чего следует заключить... – Его речь замедлилась, отвечая мучительному борению мысли. – Следует заключить, что либо Странники достигли много больших духовных глубин, нежели я... Либо у них права судить не больше, чем у меня. – Взгляд молодого жреца бесцельно блуждал среди деревьев. – Так неужели же целая ветвь нашего ордена существует без праведности? Но не грешно ли даже помыслить об этом?

В смятении он повернулся к шедшему рядом мальчишке, но Уинтроу ответил с безмятежной улыбкой:

– Не заплутает твой разум, если направляют его помыслы о Са.

– Придется мне еще как следует над этим поразмыслить, – вздохнул Бирандол. И бросил на мальчика взгляд, полный самой искренней приязни. – Благословен будь тот день, когда тебя отдали мне в ученики! Хотя, правду сказать, иногда я задумываюсь, кто из нас ученик, а кто наставник. Мне будет очень не хватать тебя.

Глаза Уинтроу вспыхнули внезапной тревогой.

– Как это – не хватать? Ты что, уезжаешь? Тебя уже призвали к служению? Так скоро?

– Не я уезжаю, а ты. Не так следовало бы мне преподнести тебе эту весть... но, как обычно, беседа с тобой сразу отвлекла меня от того, о чем я первоначально собирался говорить. Итак, ты уезжаешь. Потому-то я и пришел за тобой в мастерскую: сказать, чтобы ты шел укладывать вещи, ибо тебя вытребовали домой. Твои бабушка и мать известили нас, что твой дедушка умирает. Тебе следует быть сейчас с ними.

На лице мальчика отразилось горестное смятение чувств, и Бирандол сокрушенно добавил:

– Вот видишь, как неуклюже я тебе все это вывалил. Прости меня. Ты так редко рассказывал о семье... Я и не подозревал, что дедушка был так близок тебе.

– На самом деле это не так, – просто и прямо ответил Уинтроу. – Правду сказать, я по сути-то едва его знаю. Когда я был маленьким, он все плавал по морю. А когда изредка приезжал, то всегда пугал меня. И не то чтобы он бил меня, нет. Просто... такая сила от него исходила! Когда дед входил в комнату, то казалось, что он в ней не поместится. И голос у него был такой... и борода... Иногда я слышал, как другие люди говорили о нем. Уж на что я был мал, а и то чувствовал, что для них он – герой из легенды. Мне и в голову не приходило назвать его «дедулей». Даже «дедушкой» не осмеливался. Он приезжал и врвался в дом, точно северный шторм, и я, вместо того чтобы радостно бросаться навстречу, большей частью старался спрятаться где-нибудь подальше. Меня, конечно, вытаскивали и ставили перед ним. И я только помню – он всякий раз возмущался, как я плохо расту. «Это что за тщедушная былинка? – громыхал он. – Выглядит так, словно кто взял других моих мальчуганов да в два раза уменьшил! Вы тут что, его плохо кормите? Или он есть не желает?» А потом подтащит меня поближе и давай шупать мою руку, словно я скотина, которую откармливают на убой. И я все время стыдился своего маленького роста, словно был в том виноват. А потом меня отдали в послушники, и мы стали встречаться еще реже. Но тот его образ остался жить в моей памяти, нисколько не изменился. Однако сейчас я страшусь не своего деда... и даже не бдения у его смертного ложа. Я просто не хочу домой, Бирандол. Там... так шумно...

Молодой жрец сочувственно покачал головой.

– По-моему, пока я сюда не попал, и думать-то как следует не выучился, – продолжал Уинтроу. – Там было слишком шумно. И суетно. Не помню, чтобы у меня когда-нибудь было время поразмыслить. Утром Нана вытаскивала нас из постелей... и до самого вечера, пока нас не вымоют и опять не уложат, все какая-то беготня. Одевают... тащат куда-то на улицу... уроки, еда, посещение друзей, переодевания, снова еда... и вот так без конца. Знаешь, когда я сюда приехал, то два дня из кельи не выходил. Не стало рядом Наны, мамы и бабушки, которые меня туда-сюда гоняли, – я и не знал, чем заняться. И потом, мы с моей сестренкой очень долго были как одно целое. Нас дома и звали-то куда-то не порознь, а всегда одним словом: «дети». «Детям пора спать». «Детям пора ужинать»... Так что, когда нас наконец разделили, у меня словно бы полтела отрезали.

– Ага! – усмехнулся Бирандол. – А я-то всегда гадал, что это значит – принадлежать к роду Вестритов. Все пытался представить, как живет детворе в старых купеческих семьях Удачного. У меня-то детство было совсем другое... хотя и в чем-то очень похожее. Я, знаешь ли, из семьи свинопасов. Ни тебе няньки, ни торжественных выходов, зато такая тьма тяжелой и грязной работы, что за целый день спину не разогнешь. Как я теперь понимаю, мои домашние из кожи вон лезли, чтобы хоть как-нибудь выжить. Недоедали, чтобы запасы еды растянуть. Чинили одежду, которую давно пора было выбросить. Возились со свиньями – вот кому доставалась и забота, и лучший кусок. Ну и о том, чтобы отдать ребенка в храм, ни у кого даже мысли не возникало. Но потом мать заболела, и отец дал обет: если она останется жить, он посвятит Са одного из детей. Мать поправилась, и меня отослали. Тем более что я считался

заморышем, паршивой овцой в стаде. Ну как же, самый младший из выживших, да еще косо-рукий. Мой отъезд был для них, конечно, убылью в хозяйстве, но далеко не такой, как если бы пришлось расстаться с одним из моих крепких старших братишек.

– Косорукий? – изумился Уинтроу. – Ты? Косорукий?

– Был. Однажды в детстве я покалечился – и рука долго не заживала. А когда наконец срослась, силы в ней никакой не было. Жрецы вылечили меня. Я шел поливать сад, и жрец, который нами распоряжался, всякий раз выдавал мне два неодинаковых ведерка. И заставлял таскать в больной руке более тяжелое. Скажу тебе, я вначале посчитал его за сумасшедшего. Меня ведь дома приучили все делать одной здоровой рукой... Вот так я впервые соприкоснулся с помыслами о Са.

Уинтроу призадумался, но почти сразу просиял:

– «Ибо слабейшему следует лишь обратиться на поиски своей силы, и он найдет ее и сделается силен»!

– Вот именно. – Молодой жрец указал на длинное низкое строение, показавшееся впереди. Они вышли как раз к покоям слугителей. – Случилось так, что гонец был вынужден задержаться в пути. Скорей собирай вещи и отправляйся прямо сейчас, чтобы не опоздать на корабль. Отсюда до гавани еще шагать и шагать.

– Корабль! – Отчаяние, сошедшее было с лица Уинтроу, тотчас вернулось. – Ох, только не это! Терпеть не могу путешествовать морем. А впрочем, до Удачного отсюда иначе не доберешься... – И совсем помрачнел: – Ты сказал – *идти* в гавань? Они что, даже лошади для меня не прислали?

– Быстро же ты вспомнил о радостях богатой жизни, Уинтроу! – слегка упрекнул его Бирандол. Мальчик смущенно потупился, а жрец продолжал: – Нет, в письме говорится, что некий друг предложил помочь тебе в поездке и ваша семья с радостью приняла его помощь. – И пояснил: – Похоже, достаток в твоей семье уже не таков, каким был когда-то. Северная война жестоко прошла по многим купеческим домам. Сколько товаров не удалось ни отправить по Оленьей реке на продажу, ни получить из верховий! – Он задумчиво вздохнул. – К тому же наш молодой сатрап не так благоволит Удачному, как, бывало, благоволили его предки. Те-то понимали, что люди, отважившиеся поселиться на Проклятых берегах, заслуживают щедрой доли во всех сокровищах, которые там найдутся. Увы, молодой Касго так не считает. Говорят даже, будто он полагает, что они давно уже получили все причитающееся за тот давний подвиг – когда Проклятые берега были счастливо заселены, – а если над ними и тяготело какое проклятие, то оно успело рассеяться. Вот он и обложил их новым налогом, а земли вокруг Удачного поделил на поместья для своих приближенных. – Бирандол осуждающе покачал головой. – Тем самым он нарушает слово, данное его пращуром, и обрушивает тяготы на людей, которые всегда оставались ему верны. Не к добру это, не к добру...

– Я знаю, Бирандол. Знаю, мне следует радоваться, что не заставили тащиться пешком до самого дома. Но... тяжело это – отправляться туда, куда я не хочу и боюсь возвращаться... да еще и на корабле. Нерадостно будет мне в этом путешествии.

– Тебя что, укачивает в море? – спросил Бирандол. – А я-то думал, потомкам моряков морская болезнь не грозит!

– Даже на самого закаленного моряка найдется достаточно сильная буря, в которую его укачает. Но не в том дело. Весь этот шум, беготня вокруг... куда ни ткнишь, всюду люди, и от них некуда деться... и так пахнет... А матросы! Наверное, это по-своему славные люди, но... – мальчик пожал плечами, – совсем не такие, как мы. Им некогда размышлять и беседовать о чем-либо из того, что занимает нас здесь, Бирандол. А попробуй они – их суждения окажутся столь же обыденными, как у самого последнего из наших слугителей. Они живут как животные и соответственно рассуждают. Мне будет все время казаться, что я нахожусь среди неразумного

зверья. Хотя сами они, конечно, в этом не виноваты, – поспешил добавить он, заметив, как сдвинул брови молодой жрец.

Бирандол в самом деле набрал полную грудь воздуха, словно бы для того, чтобы говорить долго и страстно, но внезапно раздумал. И, помолчав, сказал лишь:

– Ты уже полных два года не бывал в родительском доме, Уинтроу. Два года ты не покидал монастыря и не общался с мирскими тружениками. Смотри же кругом хорошенько. И внимательно слушай. А когда возвратишься – расскажешь мне, придерживаешься ли ты еще того мнения, которое только что высказал. Не забудь об этом – потому что и я не забуду.

– Обязательно, Бирандол, – искренне пообещал мальчик. – И мне тоже будет очень тебя не хватать.

– В таком случае радуйся, ибо наше расставание откладывается на несколько дней. Я провожу тебя до гавани. Давай же соберемся поскорее – и в путь!

Дальний конец берега был еще далеко, когда Кеннит ощутил, что оттуда за ним наблюдает Иной. Собственно, этого он и ожидал, но все равно ощутил укол любопытства: разноречивые слухи об Иных сходились на том, что они суть создания сумерек и зари, избегающие прямого солнечного света. Кто-нибудь более робкий, нежели Кеннит, мог бы и испугаться; но робкому человеку и во сне не приснилась бы удача, сопровождавшая Кеннита. Равно как и его меч и умение им владеть. А потому Кеннит просто продолжал неторопливо шагать вперед – и подбирать, что под ноги попадалось. Он делал вид, что ничего не случилось. И в то же время его не оставляло чувство, что и этот его обман не остался незамеченным. Жутковатое, надо сказать, ощущение. «Началась игра в кошки-мышки», – подумал он и тайком улыбнулся.

Какое же раздражение охватило его, когда буквально тут же к нему во всю прыть подлетел Ганкис – и вывалил, задыхаясь, что-де вон там, наверху, сидит Иной и наблюдает за ними!

– Без тебя знаю! – оборвал его капитан. Но тут же взял себя в руки и пояснил обычным своим спокойно-насмешливым тоном: – Знаю, Ганкис. Скажу тебе больше: и ему известно, что мы знаем, что он за нами следит. А посему советую тебе просто не обращать на него внимания, как, кстати, делаю я. Обшаривай себе спокойно свою часть берега. Кстати, нашел ты еще что-нибудь стоящее?

– Ну... есть пара вещиц... – без большой радости проговорил Ганкис. Кеннит молча выпрямился во весь рост. Старый моряк порылся в объемистых карманах выдавшей виды куртки. – Вот, например... – И неохотно вытащил не пойми что, составленное из ярко раскрашенных деревяшек. Палочки, реечки и диски, некоторые – осветленные.

Кеннит так и не понял, что бы это могло быть.

– Детская игрушка, – рассудил он наконец. Поднял бровь и стал ждать, что Ганкис покажет ему что-то еще.

– И вот... – Узловатая рука моряка извлекла из кармана... розовый бутон.

Кеннит взял его осторожно, опасаясь шипов. Довольно долго бутон казался ему настоящим – пока он не обнаружил, что черешок очень тверд и не гнется. Кеннит покачал цветок на руке – примерно столько весила бы и настоящая роза. Он повертел бутон так и этак, пытаясь сообразить, из чего тот сделан, но только пришел к выводу, что ни разу еще не встречался с таким материалом. Однако самым удивительным было благоухание, исходившее от цветка: теплое, пряное – именно так пахнет роза, расцветшая в летнем саду. Кеннит прицепил бутон к отвороту камзола (зазубренные шипы надежно ухватились за ткань) и покосился на Ганкиса: дескать, не возражаешь? Моряк поджал губы, но не отважился вымолвить хоть слово.

Кеннит поглядел на солнце, потом на морские волны, еще продолжавшие отступать. Для того чтобы вернуться на ту сторону острова, потребуется час с лишком. Не следовало бы особо задерживаться, а то как бы полный отлив не усадил «Мариетту» на камни...

Это был редкий и необычный для Кеннита миг нерешительности. Он ведь явился на берег Сокровищ не только за удивительными находками; всего более интересовало его предсказание, которое мог сделать Иной. Он был уверен, что Иной не откажет ему в пророчестве. И еще ему нужен был кто-то, кто позже подтвердил бы слова Иного. Для того он и притащил сюда Ганкиса. Ганкис у него на корабле был едва ли не единственным, кто, повествуя о своих приключениях, не приукрашивал и не привирал. Ганкису поверят не только члены команды, но и любой пират, встреченный на улицах Делипая (пиратское гнездо называлось так потому, что там обыкновенно делили добычу и каждый получал свой пай). А кроме того... Если предсказание, сделанное в присутствии Ганкиса, Кенниту не понравится, Ганкиса нетрудно будет заставить умолкнуть навеки.

Свидетель, удобный со всех сторон.

Кеннит еще раз прикинул, как обстоит дело со временем. Благоразумие советовало прекратить поиски прямо сейчас, поторопиться на встречу с Иным – и во весь дух назад к кораблю. Увы, благоразумным редко фартит, а Кеннит давным-давно решил для себя, что у подобного рода людей их удачливость, словно неиспользуемая мышца, только ослабевает, вместо того чтобы расти. Это было его личное открытие, его тайное верование, и он вовсе не рвался к кому-либо к нему приобщать. По крайней мере, до сих пор все громкие деяния капитана были круто замешены на его удачливости и на привычке уповать на нее. Кеннит даже полагал, что, сделайся он в один прекрасный день осмотрительным да благоразумным, госпожа удача смертельно оскорбилась бы и перестала одаривать его своими милостями. Размышляя об этом, Кеннит всякий раз самодовольно хихикал: вот он, тот единственный риск, на который он никогда не пойдет! Не станет полагаться на неизменно вывозивший его авось, проверяя, оставит его удача или не оставит!

Нравились ему такие вот логические завороты. Доставляли удовольствие... Он продолжал двигаться прогулочным шагом вдоль кромки воды. Приблизившись наконец к зубастым утесам, замыкавшим полумесяц песчаного берега, Кеннит ощутил присутствие Иного уже всеми чувственными и даже более тонкими фибрами своего существа. Запах Иного показался было ему заманчиво-сладким, но потом ветер переменялся – и накатила волна тошнотворного зловония, как если бы на берегу что-то протухло. Вонь была такой плотной, что застревала в гортани, спирая дыхание и вызывая дурной вкус во рту. Запах можно было еще вытерпеть, но близость Иного он ощущал буквально всей кожей. От нее закладывало уши, она давила на веки и чувствительную кожу шеи. Кеннит вроде бы и не потел, но все лицо почему-то вдруг сделалось сальным – как если бы ветер перенес кожные выделения Иного и втер ему в плоть. Кеннит яростно подавил позыв к рвоте. Ну уж нет! Никакой слабости он перед ними не обнаружит!

Выпрямившись, он расправил плечи и незаметно одернул жилет. Ветер шевелил перья на его шляпе и развевал блестяще-черные локоны капитана. Без утайки скажем – было на что посмотреть. Кеннит сам знал это и всю пользовался тем впечатлением, которое производил и на мужчин, и на женщин. Он был рослым, хорошо сложенным, мускулистым. И камзол его скроен был так, чтобы подчеркнуть ширину плеч и плоский живот. Да и лицо не подкачало. Высокий лоб, крепкий подбородок, прямой нос и тонкие губы. Борода капитана была, согласно моде, остроконечной, кончики усов тщательно укреплены воском. Не нравились Кенниту только глаза. Ими его наградила мать – бледно-голубыми, водянистыми. Оттого всякий раз, когда он смотрел в зеркало, ему казалось, будто он встретился с нею взглядом и она вот-вот заплачет, огорченная делами своего беспутного сына. Дурацкие, в общем, глаза. Не таким бы глядеть с его загорелой физиономии. У кого другого они сошли бы за вопрошающе-мягкие, но ему даже думать об этом было противно. Он долго пытался выработать этакий «льди-сто-голубой» взгляд, но особого успеха пока не достиг: проклятые глаза были слишком бледны даже для того, чтобы изображать лед.

Усилие, потребовавшееся для обуздания слабости, даже заставило его слегка скривить губы, но все же он выпрямился и наконец посмотрел на Иного.

Тот ждал. И ему, кажется, было наплевать, кто перед ним. И глаза их находились примерно на одном уровне, потому что они были почти одного роста. Пират испытал странное облегчение оттого, что легенды оказались настолько правдивы. Эти перепончатые пальцы на руках и ногах... рыбы зенки в хрящеватых глазницах... плотная чешуйчатая кожа на теле. То бишь все в точности так, как Кеннит и ожидал. Тупорылая, лишенная волос голова не принадлежала ни человеку, ни рыбе. Угол челюсти располагался ниже ушных отверстий, так что пасть запросто могла вместить голову человека. За тонкими губами угадывались ряды мелких острых зубов. Плечи сутулились, обвисая вперед, но осанка существа говорила отнюдь не о вялости, скорее наоборот – о животной силе. Иной был облачен в одеяние вроде плаща, бледно-лазурное и сотканное столь искусно, что отдельные нити были немногим заметней прожилок на цветочном лепестке. Плащ облегал тело Иного, словно стекающая вода... Да! Все именно так, как Кенниту доводилось читать. За исключением одного.

Для капитана полной неожиданностью явилась его приязнь к этому созданию. Зловоние? Должно быть, мерзость, которую он только что ощущал, порывом ветра донесло совсем с другой стороны. Запах Иного был запахом сада в цвету, его дыхание отдавало букетом дорогого вина, а в непостижимых глазах таилась бездонная мудрость. Кенниту захотелось понравиться дивному существу. Заслужить его одобрение. Чем? А хотя бы своим великодушием и умом. Ах, как хотелось бы, чтобы Иной стал думать о нем хоть чуточку лучше...

За спиной капитана глухо прошуршали по песку шаги подошедшего Ганкиса. Чужой чуть отвлёкся, взгляд рыбьих глаз, неподвижно созерцавших Кеннита, на мгновение скользнул прочь... и этого мига хватило, чтобы наваждение растаяло. Поняв, что произошло, Кеннит едва не подпрыгнул. Потом скрестил на груди руки, дабы сработавшая из диводрева личина как можно плотнее вжалась в его плоть. Оживший или еще не оживший, но амулетик, похоже, все-таки сработал. Не дал колдовству чужака совсем уж опутать сознание. Ладно! Теперь, когда он сообразил, что на уме у Иного, тот нипочем волю Кеннита не согнет.

И вот их взгляды снова скрестились, но пирату более ничто не мешало видеть истинное обличье Иного. Это было холодное чешуйчатое порождение морской бездны. И оно, кажется, смекнуло, что Кеннит сумел одолеть навеянный им морок. Во всяком случае, когда оно набрало воздуха в особые мешки позади челюстей и заговорило, как бы отрывая слова, пирату послышался в его голосе некий оттенок сарказма.

– Добро пожаловать, путешественник. Ты искал, и я вижу, что море щедро вознаградило тебя. Желает ли ты сделать добровольное приношение и выслушать прорицателя, который объяснит смысл найденного тобой?

Так могли бы разговаривать скрипучие несмазанные ворота. Кеннит про себя оценил то усилие, которое, должно быть, потребовалось этому существу для овладения столь мало подходящей для него человеческой речью, и испытал невольное восхищение. Однако другая, более жесткая и заскорузлая часть его существа тотчас отмела это восхищение, ибо на самом деле необыкновенное достижение Иного было, конечно, простым актом услужливости. Даже раболепия. Вот оно стоит перед ним, это создание, во всех отношениях чуждое человечеству. Стоит, между прочим, на своей собственной территории. И тем не менее прислуживает ему, Кенниту. Говорит, как умеет, на его языке. Просит подачку в обмен на свое предсказание.

Возникает только вопрос: коли все так, коли оно действительно признает его своим господином, откуда в нечеловеческом голосе эта беспокоящая нотка насмешки?

Эта мысль была лишней, и Кеннит досадливо отбросил ее. Взявшись за кошелек, он вытащил две золотые монеты – освященное обычаем «добровольное приношение». Что бы он там ни плел только что простодушному Ганкису – на самом деле Кеннит произвел определенные

изыскания, выясняя, какого именно приношения будет ждать от него Иной. Госпожа удача не любит, когда ее застигают врасплох. Ей нужно, чтобы все было как следует приготовлено.

Так что капитан был готов. Он глазом не моргнул, когда, вместо того чтобы протянуть руку-лапу, существо высунуло длинный сероватый язык. Кеннит, не дрогнув, опустил на него свои монеты. Язык мгновенно втянулся назад в пасть. Проглотило оно золото или сотворило с ним еще что-нибудь – сказать было невозможно. Так или иначе, приняв подношение, Иной отвесил Кенниту короткий деревянный поклон – и разгладил перед собой полукруг песка, приглашая пирата разложить найденное на берегу.

Он проделал это без спешки и суеты. Первым лег на песок стеклянный шар с движущимися фигурками внутри. Подле него Кеннит положил розу, а вокруг нее, в аккуратном порядке, – двенадцать накладных ногтей. Рядом устроил сундучок с крохотными чашечками. Высыпал в ямку горсть хрустальных шариков, попавшихся ему уже в самом конце. А вот и самая последняя находка – медное птичье перышко, весившее, кажется, немногим более настоящего.

И Кеннит с легким кивком отступил прочь. Все, дескать. Закончил.

Ганкис виновато посмотрел на своего капитана и застенчиво пристроил с краешка оставшуюся у него непонятную раскрашенную игрушку. Потом тоже отступил прочь.

Довольно долго Иной молча рассматривал предъявленные ему сокровища. Наконец его непривычно плоские зенки обратились вверх и встретились с голубыми глазами Кеннита. Он сказал:

– Это все, что тебе удалось найти?

Он явно намекал, что у Кеннита могло быть еще кое-что припрятано. Но капитан лишь неопределенно и молча пожал плечами и мотнул головой: то ли да, то ли нет, понимай как знаешь. Ганкис беспокойно переминался у него за спиной.

Иной шумно втянул воздух в свои речевые мешки.

– То, что выносят на здешний берег океанские волны, не предназначено быть добычей людей, – проскрежетал его голос. – Если пучина извергает что-либо, то лишь потому, что на то случилась ее воля. Не дерзай же противиться воле пучины, ибо так не поступает ни одно осененное разумом существо. Никому из людей не позволено уносить с собой то, что он может найти на берегу Сокровищ!

Кеннит спокойно поинтересовался:

– Ты хочешь сказать, что все здешние находки – собственность Иных?

Как ни различались их расы, он явственно видел, что сильно смутил своего собеседника. Тому понадобилось время, чтобы собраться с мыслями. Потом он ответил очень серьезно:

– То, что пучина выбрасывает на берег Сокровищ, не перестает ей принадлежать. Мы здесь всего лишь наблюдатели.

Тонкие губы Кеннита сделались еще тоньше, растянувшись в улыбке:

– В таком случае это вообще не твое дело. Я – капитан Кеннит, и, верно, я не буду единственным, кто в разговоре с тобой назовет себя хозяином моря. Потому что мы бороздим океан, где хотим, а значит, все, что принадлежит океану, принадлежит также и нам. Ты свое золото получил? Вот и давай прорицай. А о чужом имуществе задумывайся поменьше.

Было отчетливо слышно, как ахнул перепуганный Ганкис. Иной, напротив, никак не отреагировал на слова капитана. Лишь в глубокой задумчивости нагнул голову, а за ней и все лишенное шеи тело – ни дать ни взять глубоко склонился перед Кеннитом, как бы вынужденно признавая его превосходство. Когда же Иной выпрямился вновь, его рыбий взгляд уперся прямо в душу Кенниту, словно указательный палец, твердо прижавший карту.

– Простое толкование. Настолько простое, что иные и из вашего племени сумели бы его сделать! – Голос существа стал ниже, точно шел откуда-то из недр его тела, а не из мешков под ушами. – Ты берешь чужое, капитан Кеннит, и называешь его своим. И сколько бы ни попало

тебе в руки, ты никогда не ведаешь удовлетворения. Те, кто следует за тобой, довольствуются лишь тем, что ты бросаешь, считая ни к чему не годными безделушками... или игрушками. Себе же ты берешь то, что сочтешь наиболее ценным. – Тут Иной покосился на Ганкиса, потрясенно тарашившего глаза. – Такое понимание ценностей и обманывает, и грабит вас обоих.

Но Кеннит пришел сюда не затем, чтобы выслушивать нравоучения.

– Своим золотом я оплатил право задать один вопрос, так? – перебил он предсказателя.

Челюсть Иного резко отвисла. Но не от изумления, скорее с угрозой. Многочисленные ряды зубов в ней и правда оказались весьма впечатляющими. Пасть захлопнулась, словно капкан. Холодные губы чуть шевельнулись, выплевывая ответ:

– Спраш-ш-ш-ивай ж-же...

И Кеннит спросил:

– Преуспею ли я в том, к чему ныне стремлюсь?

Воздушные мешки Иного пульсировали как бы в задумчивости.

– Не желаешь ли выразиться определенной?

Кеннит терпеливо проговорил:

– А разве знамения, явленные тебе, требуют уточнений?

Иной вновь уставился на предметы, разложенные перед ним на песке. Роза. Чашечки. Перламутровые ноготки. Плясуны в шаре. Перышко. Хрустальные шарики...

– Ты преуспеешь в том, чего жаждет твое сердце, – прозвучал краткий ответ. По лицу Кеннита начала было расползаться улыбка, но голос Иного, ставший откровенно зловещим, так и заморозил ее. – Ты исполнишь то, что всего более возжелаешь исполнить. То деяние... тот подвиг, коему посвящены твои грезы, ты воплотишь своими руками...

– Довольно, – проворчал Кеннит.

Внезапное нетерпение охватило его, и он раздраженно отринул мысль о том, чтобы испросить право лицезреть их Богиню. И слушать предсказателя дальше у него никакого желания уже не было. Он нагнулся собрать с песка разложенные сокровища, но Иной быстрым движением растопырил над ними перепончатые лапы. Пальцы оканчивались когтями, и на каждом остром выступила зеленоватая капелька яда.

– Находки, – проскрипел Иной, – как им и положено, останутся на берегу. Я прослежу за тем, чтобы они были должным образом размещены.

– Премного благодарен. – Голос Кеннита так и дышал искренностью.

Капитан начал медленно выпрямляться. Но стоило Иному чуть-чуть потерять бдительность, как пират мгновенно шагнул вперед и наступил сапогом на стеклянный шар, приютивший ярмарочных акробатов. Тот лопнул, прозвенев, словно колокольчик на ветру. Ганкис вскрикнул так, словно Кеннит заколол его первенца. Отшатнулся даже Иной, пораженный столь преднамеренным разрушением красоты.

– Вот жалость какая! – отворачиваясь, бросил Кеннит. – Но если мне им не владеть, с какой стати отдавать его другим?

На самом деле сначала он подумывал раздавить сапогом розу, но удержался, да и правильно сделал. Хрупкий с виду бутон был явно сработан из чего-то такого, что не очень просто окажется расколошматить. Еще не хватало уронить себя, безуспешно пытаясь его сломать! А остальные вещички, на взгляд Кеннита, немногого стоили. Пускай Иной и поступает с ними, как ему заблагорассудится.

Он повернулся и зашагал прочь.

У него за спиной Иной издал яростное шипение. Он долго втягивал в себя воздух, чтобы затем произнести нараспев:

– Тот, чья пята попирает и рушит принадлежащее морю, морю в конце концов и достанется!

И зубастые челюсти захлопнулись с лязгом, словно обкусив хвост этого последнего предсказания. Ганкис рысцой догнал своего капитана. Он был из тех, кому хорошо известны опасности милее неизвестных. Удалившись по берегу на десяток шагов, Кеннит остановился и вновь обернулся к Иному.

Тот так и сидел над разложенными сокровищами.

– Да, кстати! – крикнул ему Кеннит. – Там было еще кое-что, но, по-моему, океан преподнес этот подарок не мне, а тебе, так что я там его и оставил. Мне кажется, ни для кого не тайна, что Иные не очень-то жалуют кошек?

Это было правдой: Иные испытывали перед кошками и всеми их родственниками прямо-таки панический ужас.

Предсказатель не снизошел до ответа. Но Кеннит с удовлетворением увидел, как встревоженно дрогнули его речевые мешки.

– Целый выводок маленьких котят, голубенькие такие! – продолжал капитан. – Ты без труда найдешь их неподалеку отсюда. В красно-синем кожаном мешочке. Семь или даже восемь прелестных созданий. Боюсь, некоторым из них не пошло на пользу морское купание, но те, которых я выпустил, наверняка здесь приживутся! Уж вы их не обижайте, пожалуйста!

Иной издал странный звук, нечто вроде свиста.

– Забери их! – взмолился он. – Забери их отсюда! Всех! Пожалуйста!

– Забрать с берега Сокровищ то, что по своей всевышней воле выбросил океан? Даже помыслить о таком не дерзну! – В голосе Кеннита звучала алмазная искренность.

Он не засмеялся, даже не улыбнулся, наоборот, уходя, всем видом изображал скорбное недоумение. Зато чуть позже поймал себя на том, что мурлычет непристойный мотивчик, подслушанный на улицах Делипая. А шагал капитан Кеннит так широко, что бедного Ганкиса, трусой спешившего за ним, очень скоро замучила одышка.

– Господин мой, – пропыхтел он наконец. – Можно спросить кое о чем, господин капитан?

– Спрашивай, – милостиво разрешил пиратский вожак.

Он был наполовину уверен, что Ганкис попросит идти чуть помедленнее, и уже решил, что ответит отказом. Им следовало поторопиться на корабль, чтобы успеть вывести его в море, пока набравший силу отлив не обнажил в устье бухты непреодолимые подводные скалы.

Но Ганкис заговорил совсем о другом. Он спросил:

– А что это такое – то, в чем ты обязательно преуспеешь?

Кеннит едва не поддался искушению рассказать ему, но вовремя спохватился. Нет. Зря, что ли, он так долго обдумывал свой нынешний поход за предсказанием, зря, что ли, загодя взвешивал в уме каждый свой шаг! И он точно знал, когда ему следует заговорить. Он подождет, пока они выйдут в море и Ганкис во всех подробностях изложит команде свое видение их приключений на острове. Долго этого ждать навряд ли понадобится. Старик словоохотлив – а команду, истомившуюся в неизвестности, наверняка снедает нетерпение узнать все как есть. Итак, он подождет, пока они не поймут попутный ветер и не лягут на курс, направляясь назад в Делипай, и тут-то он велит всем собраться на палубе. Кеннит живо вообразил себе лунный свет и своих моряков, выстроенных на шкафуте...¹ В бледно-голубых глазах капитана разгорелся огонек предвкушения.

И потому ответа на свой вопрос Ганкис не получил.

Они преодолели пляж берега Сокровищ гораздо быстрее, чем когда высматривали находки. Вскоре они уже карабкались на откос. Там начиналась тропинка через заросшую лесом внутреннюю часть острова. Кеннит не желал показывать Ганкису, как беспокоила его судьба «Мариетты». Здешние приливы и отливы менее всего считались с лунными фазами и

¹ Шкафут – на парусных кораблях палубный настил вдоль бортов в средней части корпуса.

тому подобными мелочами. Корабль, поставленный на якорь вроде бы в совершенно безопасном местечке, в один прекрасный момент запросто мог сесть днищем на скалы, которых определенно не было там в предыдущий отлив. Так что у Кеннита не было ни малейшего желания рисковать «Мариеттой». Лучше убраться с этого колдовского острова, куда отлив не запер их в бухте!

В лесу, куда не мог добраться морской ветер, воздух был неподвижен, а солнечный свет отливал золотом. Косые лучи проникали между ветвей, пронизывая легкий туман, напоенный ароматами перегноя и зелени, и все вместе неуловимо навевало на путников сон. Кеннит сам обратил внимание, как замедлился его стремительный шаг, – таким уж покоем дышало все вокруг. Прежде, когда с ветвей опадала наземь влага ночного дождя, лес отнюдь не манил Кеннита под свою сень: не было никакой охоты соваться в мокрую чашу, заваленную буреломом. Зато теперь... зато теперь как-то само собой разумелось, что этот лес – поистине место чудес. Чудес, тайн и сокровищ не менее заманчивых, чем ожидавшие на берегу...

Беспокойство за судьбу «Мариетты» незаметно рассосалось и позабылось. Вот уж тоже – печься о таких мелочах! Да что с ней делается?! Кеннит обнаружил, что остановился посреди галечной дорожки. Сегодня он пойдет исследовать остров. Перед ним распахнутся дивные сокровищницы Иных, те самые, где единственная ночь созерцания оборачивается столетием внешнего мира. Он познает их все. И все покорит. И произойдет это скоро. А пока он просто постоит здесь, постоит неподвижно, вдыхая чудесный золотой воздух этого места...

Ничто не мешало бы ему наслаждаться дивным покоем – если бы не Ганкис. Матрос знай бормотал что-то о «Мариетте» и об опасностях здешних приливов-отливов. Кеннит не обращал внимания на его болтовню, но старик лопотал свое без умолку.

– И на что мы остановились здесь, а, капитан? Капитан Кеннит? Господин мой, да ты слышишь ли меня? Тебе, может, нехорошо?

Кеннит рассеянно отмахнулся – отвяжись, мол. Но на старого липучку и это не подействовало. Тогда капитан призадумался, какое бы дать ему поручение, чтобы этот шумный и такой вонючий ублюдок перестал осквернять собой покой лесного чертога. Он порылся в кармане, и его рука натолкнулась на цепочку и медальон. Кеннит тайком улыбнулся, вытаскивая его наружу.

– Вот что, – сказал он, прерывая на середине очередную струю Ганкисовой чепухи. – Смотри-ка, что я нечаянно прихватил с собой с ихнего берега. Так ты уж сделай доброе дело, сбегай туда. Отдай эту побрякушку Иному и проследи, чтобы он убрал ее куда следует.

Ганкис воззрился на него в немом изумлении.

– Нет времени, господин мой! – выдохнул он наконец. – Уж лучше ты, господин капитан, прямо здесь ее положи! И скорее бежим на корабль, пока он на скалы не сел или пока ребята с горя без нас не отчалили! Теперь, может, месяц не случится такого прилива, чтобы в Обманную бухту спокойно входить-выходить! А ночи на этом проклятом острове ни одному человеку не пережить!

Старый паршивец определенно начинал действовать на нервы своему капитану. Вот он уже спугнул маленькую зеленую пичугу, собравшуюся было сесть неподалеку.

– Иди, я кому говорю! – рявкнул Кеннит. – Ну? Пошел!

В его голосе явственно прозвучали плети и кандалы – наказание для нерадивых. Он был весьма удовлетворен, когда бывалый матрос подхватил медальон у него из руки и опрометью бросился туда, откуда они только что пришли.

Стоило ему скрыться, и Кеннит расплылся в широкой ухмылке. А потом быстро зашагал вперед по тропе, постепенно забиравшейся на холмы. Он еще немножко отойдет от того места, где они расстались с Ганкисом. А потом шагнет с тропы в сторону. Вот тогда Ганкису нипочем его не найти, и он вынужден будет вернуться на корабль в одиночестве, а потом поднять якоря. Вот когда никто и ничто не помешает ему, Кенниту, спокойно прибрать к рукам остров Иных...

– А вот и ошибаешься. Это они тебя к рукам приберут.

Кеннит вздрогнул. Это прозвучало... его собственный голос. Вернее, прошептал до того тихо, что сам Кеннит еле расслышал. Он облизнул губы и огляделся. Слова, произнесенные неведомо кем, словно пробудили его ото сна. Кажется, он как раз собирался что-то сделать, но вот что именно?

– Ты собирался с потрохами отдаться им в лапы. Любое заклятие, знаешь ли, – палка о двух концах. Чары этой тропы понуждают тебя с нее не сходить, но они же отпугивают Иных. А вот если они уговорят тебя оставить ее – тут-то ты и попался. Я бы не назвал это разумным.

Кеннит наконец-то догадался поднести к глазам запястье. Ему насмешливо улыбалось его собственное лицо. Амулет, оказывается, ожил, и диводрево само собой процвело красками. Завитки деревянных волос обрели черноту, лицо стало казаться обветренным и загорелым, а глаза – светло-голубыми и обманчиво безвольными.

– А ты не подарок, я гляжу, – сообщил Кеннит амулету.

Тот оскорбленно фыркнул и посоветовал:

– На себя лучше посмотри. Мне вправду начало казаться, будто меня пристегнули к руке лежачего идиота, готового радостно сунуть башку в первую же петлю. По счастью, ты все-таки стряхнул с себя морок, или, вернее сказать, это я тебя от него спас.

Кеннит спросил требовательно:

– Какой еще морок?

Амулет скривился с видом величайшего презрения:

– Обратный тому, который ты чувствовал, идя сюда. Ему поддаются все, кто тут проходит. Магия Иных столь сильна, что нет никакой возможности миновать их земли, не ощутив ее и не испытав притяжения. Вот они и наложили на тропу чары, вынуждающие оттягивать удовольствие. Всем хочется посетить их владения, но каждый откладывает посещение на завтра. Снова и снова – на завтра, и так до бесконечности. Но от твоей угрозы насчет котят они прямо забегали. Тебя они точно сманили бы с тропы в лес, чтобы использовать для избавления острова от котов!

Кеннит позволил себе самодовольную улыбочку.

– Чего они не предвидели, так это пробуждения моего амулета, о который все их волшебство расшибается, как о...

Резная личина подобрала губы.

– Я лишь предупредил тебя о мороке. Если ты знаешь, что тебя пытаются околдовать, ты уже защищен, и это самое лучшее средство. А собственной магии, чтобы закрываться от враждебных воздействий или наносить ответный удар, у меня нет. – Крохотные голубые глаза вращались туда-сюда, оглядываясь. – Между прочим, нам обоим плохо придется, если ты так и будешь здесь торчать, болтая со мной. Вода стоит уже низко, и скоро старшему помощнику придется выбирать, что ему делать – бросить тебя на берегу либо погубить «Мариетту»! Словом, поторопись!

– Ганкис! – вырвалось у Кеннита.

Ругаясь, он во всю прыть устремился вперед – к бухте, где оставил корабль. Бежать за стариком все равно бесполезно. Придется оставить его. Ах ты, он же еще и золотой медальон ему отдал! Надо ж было так дать себя одурачить! И свидетеля угробил, и сувенирчика с берега не прихватил.

Он несся по извилистой тропке во всю мощь длинных ног. Золотой свет, только что казавшийся столь привлекательным, теперь дышал зноем жаркого дня. Горячий воздух не давал легким ни пищи, ни освежения.

Вот деревья впереди сделались реже, и он понял, что бухта уже недалеко. Еще немного – и...

И тут на дорожке у него за спиной раздался топот отчаянно бегущего Ганкиса. Что самое удивительное – старый моряк пронесся мимо своего капитана, не обратив на него никакого внимания. Кеннит лишь мельком рассмотрел осунувшееся лицо, искаженное гримасой несусветного ужаса, – и вот уже камушки полетели из-под башмаков стремительно умчавшегося матроса. Что касается Кеннита, он, кажется, не мог уже быстрее переставлять ноги... Но нечто заставило его наддать еще – и он стрелой вырвался из-под деревьев на открытое место.

Он услышал, как впереди него Ганкис вопил не своим голосом, призывая юнгу подождать, подождать, подождать! Ибо мальчишка явно решил, что уже не дожидается своего капитана, и как раз тащил шлюпку по лужам, водорослям и камням – к кромке далеко отступившей воды. Тем временем Кеннита и Ганкиса увидели с корабля, и бухту огласил дружный крик множества голосов. Кто-то отчаянно махал им с юта², понуждая выложиться до конца. Кеннит сразу увидел, что положение «Мариетты» иначе как отчаянным назвать было нельзя. Еще немного – и она оказалась бы на мели. Матросы уже крутили брашпиль³, выбирая якорные цепи. На глазах у своего капитана корабль дал легкий бортовой крен, потом выпрямился – кстати набежавшая волна приподняла его и помогла сползти с камня. На какой-то миг сердце Кеннита попросту перестало биться. Превыше всего в этом мире пират ставил себя. Корабль был на втором месте.

Скользя по раскисшей глине, давя сапогами облепившие камни ракушки, Кеннит во весь дух ринулся в погоню за уходящей водой, за юнгой и шлюпкой с «Мариетты». Ганкис бежал впереди. Без всяких команд, все втроем, они ухватились за планширы⁴ шлюпки и выволокли ее на глубину. И, мокрые до нитки, взобрались на борт. Ганкис с мальчишкой бросились к веслам и живо вставили их в уключины, а Кеннит без промедления сел за руль. Было видно, как поднимаются из воды облепленные водорослями якоря «Мариетты». Мачты одевались парусами, но беглецы гребли с силой отчаяния, и расстояние начало сокращаться. Вот шлюпка подобралась к самому борту, сверху спустились шлюп-тали...⁵ и еще через несколько мгновений Кеннит оказался-таки на родной палубе. Старший помощник, по имени Соркор, стоял у штурвала. При виде счастливо вернувшегося капитана он заревел во все горло, отдавая команды. Живо развернулись все паруса, и «Мариетта» вспенила волны, ища стремительное течение, которое, может, и потреплет ее, но все-таки унесет подальше от гнилых зубов Обманной бухты и всего этого острова.

Кеннит обежал палубу быстрым взглядом и убедился, что все было в должном порядке. Юнга, попавшийся ему на глаза, испуганно съезжился, и, хотя капитан едва на него покосился, мальчик явно понял – его непослушания не позабудут и не простят. Вот ведь несчастье. У парнишки была гладкая, нежная, как у девочки, спинка. Завтра она такой уже не будет. И завтра наступит очень скоро... «Тогда и разберусь с ним», – сказал себе Кеннит. А до той поры пускай предвкушает награду за свою трусость.

Кеннит коротко кивнул старшему помощнику и отправился к себе. Хотя дело едва не кончилось бедой, сердце у него в груди гудело торжественным колоколом. Он сыграл с Иными в их игру – и выиграл. Удача его не оставила. По обыкновению. И стоивший так дорого амулет очень вовремя пробудился, как нельзя лучше доказав свою полезность.

Но что самое замечательное – он располагал теперь предсказанием Иных, и оно сообщало его честолюбивым замыслам пророческую ауру.

Он станет самым первым повелителем Пиратских островов.

² Юта – на парусных кораблях – кормовая надстройка.

³ Брашпиль – лебедка с горизонтальным валом на судне для поднятия якоря и выбирания тросов.

⁴ Планшир – на открытой шлюпке планка твердого дерева, прикрепляемая поверх кромки бортовой обшивки для ее усиления.

⁵ Шлюп-тали – устройство для поднятия и опускания шлюпок. Состоит из двух блоков с проходящим через них тросом и служит для достижения выигрыша в силе.

Станет!

Глава 2

Живые корабли

Змей скользил в прозрачной воде, без видимого усилия держась в кильватере⁶ корабля. Гибкое тело напоминало дельфинье, но отливало более глубокой радужной синевой. Змей нес голову над водой, и с нее сплошной колючей накидкой свисали обмякшие иглы. Вот Брэшен встретился с ним взглядом, и темно-синие глаза твари расширились, точно у девушки, заигрывающей с кавалером... И тотчас распахнулась ярко-алая пасть с бесчисленными рядами зубов, хищно загнутых внутрь, а колючая накидка взметнулась лвиной гривой ядовитых шипов. Пасть, в которую не ссутулившись мог бы войти человек, мгновенным броском метнулась к Брэшену, чтобы его поглотить...

В разверзшейся глотке змея царила холодная тьма, налитая вонью дыхания хищника. С невнятным криком Брэшен шарахнулся прочь...

...И его руки натолкнулись на деревянную поверхность, тотчас подарив чувство неизъяснимого облегчения.

Змей оказался всего лишь порождением кошмарного сна.

Судорожно переведя дух, Брэшен некоторое время лежал неподвижно, прислушиваясь к таким знакомым звукам вокруг. Поскрипывал деревянный корпус корабля, раздавалось сопение спящих людей да плеск волн, разбиравшихся о борт «Проказницы». Вот где-то наверху прошлепал босыми пятками матрос, торопившийся исполнить команду... Все знакомо. Все в порядке. Все хорошо.

Брэшен задыхался спокойнее. Воздух был насыщен запахами смоленого дерева и человеческих тел, скученных в тесном пространстве, но сквозь эту плотную пелену пробивался тонкий, словно аромат женских духов, запах пряностей, которые перевозила «Проказница». Брэшен потянулся так, что его плечи и ступни уперлись в края узкой деревянной койки. Потом вновь закутался в одеяло. Его вахта начнется еще через несколько часов. Если он не выспится сейчас, потом об этом придется пожалеть.

Брэшен прикрыл глаза, но очень скоро вновь поднял веки и уставился в полутьму кубрика. Он явственно ощущал, что мучивший его кошмар и не думал рассеиваться. Стоит только задремать – все начнется снова. Брэшен еле слышно, но с большим чувством выругался. Ему все же непременно нужно было поспать. Но что проку от сна, если на него будет снова и снова накидываться морской змей?

Кошмар, так упорно преследовавший Брэшена, стал для него реальней воспоминания о подлинном происшествии, случившемся когда-то. Страшный сон еще и отравлял ему ночной отдых не абы когда, а будто нарочно дожидался тех случаев, когда Брэшену предстояло сделать какой-нибудь важный жизненный выбор. Вот тут-то чудовище и поднималось из глубины его сновидений, чтобы запустить зубы в его душу и уволочь ее в бездну. Кошмар определенно не желал считаться с тем, что Брэшен был теперь взрослым мужчиной и моряком ничуть не хуже других бороздивших моря. Да какое там не хуже – он был лучше очень и очень многих. И все впустую. Навалившийся ужас опять и опять отбрасывал его в детство, в те времена, когда все кругом презирали его, когда он сам себя презирал, – и было за что.

Он попробовал разобраться, что же беспокоило его всего больше. Да, его терпеть не мог капитан. Ну и что? Его искусство мореплавателя никак от этого не страдало. Он был старшим помощником при капитане Вестрите, и у того не было повода сомневаться в его полезности. Когда Вестрит расхворался, Брэшен даже позволил себе понадеяться, что «Проказница» будет

⁶ Кильватер, кильватерный след, – след в воде после прохождения судна.

передана под его начало, но не тут-то было. Старый купец отдал ее Кайлу Хэвену, своему зятю. Что ж, Брэшен вполне понимал и принимал его выбор: как-никак семья есть семья. Но вновь назначенный капитан решил воспользоваться своим правом выбрать себе старпома. И выбрал. Но не Брэшена Трелла.

Конечно, само по себе такое понижение в должности отнюдь не было бесчестьем. Каждый моряк, плававший на «Проказнице», – да что там, любой житель Удачного – подтвердил бы: все правильно, Кайлу просто захотелось видеть рядом с собой своего ставленника. Брэшен много думал об этом и наконец решил, что лучше уж остаться вторым помощником, но на «Проказнице», чем быть первым – но на другом судне. То есть это было его собственное решение, и он в нем никого не винил.

И даже когда они вышли в море и капитан Хэвен запоздало решил, что и на посту второго помощника ему жизненно необходим свой человек, Брэшен лишь сжал зубы – и вновь подчинился капитану.

Но про себя решил, что это будет его последнее плавание на «Проказнице». После всех лет, прожитых на этом корабле. И при всей его благодарности лично Ефрону Вестриту. Видно, ничего не поделаешь.

Капитан Хэвен явно задался целью выжить Брэшена с корабля и не слишком это скрывал. Последнее время в особенности. Капитан все время был им недоволен. Если Брэшен представлял матросов к какой-нибудь работе, ему немедленно сообщали, что он превысил-де свои полномочия. Если он занимался лишь тем, что входило в круг его обязанностей по должности, капитан именовал его лодырем. Скудоумным к тому же. И чем ближе становился Удачный, тем несносней делался Хэвен. Теперь разжалованный старпом думал: вот ошвартуемся дома – и если Вестрит не сможет вновь возглавить «Проказницу», он, Брэшен, покинет ее палубу навсегда. От одной мысли об этом больно екало сердце, но он твердо напоминал себе, что «Проказница» не единственное судно на свете, ходят по морям и другие, и среди них есть вовсе не плохие. Опять же и у него давно имелась неплохая репутация среди моряков. Давно прошли времена, когда он отправлялся в свое первое плавание и рад был самому распоследнему месту на любом прогнившем корыте. Он тогда вообще не помышлял ни о чем, кроме как вернуться из плавания живым.

Тот самый первый корабль, то самое первое плавание и преследовавший Брэшена кошмар были неразрывно связаны вместе.

Когда он впервые увидел морского змея, ему было четырнадцать. То есть десять лет назад. Он был молод и зелен, зеленей, чем травяные пятна на юбке резвой девчонки. Он всего третью неделю мотался по морю на борту неуклюжей калсидийской галоши, гордо именовавшейся «Спрай». Даже при самых выгодных обстоятельствах это недоразумение изяществом своего хода напоминало беременную бабу, катящую тачку. А уж на полных курсах⁷, когда волна подавала «Спрай» под корму, его валяло с борта на борт уже вовсе непредсказуемым образом. Брэшен жестоко мучился морской болезнью, и к тому же у него болело все тело – наполовину от тяжелой непривычной работы, наполовину от весьма заслуженной взбучки, которую тамошний старпом задал ему накануне. А уж как пакостно было на душе! Минувшей ночью, когда он спал в форпике⁸, к нему подобрался этот мерзкий толстяк Фарзи и принялся утешать, а потом... запустил руку под одеяло. Брэшен умудрился отбиться, но унижений наглотался по самое некуда. Похотливый толстяк, оказывается, прятал под своим салом железные мышцы – и успел всячески обтискать подростка, пока тот яростно молотил кулаками и выкручивался из его хватки.

⁷ *Полный курс* – курс судна относительно ветра, при котором угол между направлением ветра и направлением движения судна превышает 90°.

⁸ *Форпик* – крайний носовой отсек судна.

Что самое гнусное, они были в форпике далеко не одни. Но никто из матросов даже не шелохнулся под одеялом, не говоря уже о том, чтобы прийти юнге на помощь. Брэшен не был любимцем команды. Да и за что такого любить? Ни единого шрама на шкуре, да и говорит все по-книжному, прямо слушать тошно. Они и дали ему прозвище Школьник, что особенно ранило, потому что на самом деле его никто ничему учить не желал. Команда «Спрая» считала, что подобных мальчишек не то что наставлять в морском ремесле – даже и держать на борту опасно. Из-за таких вот корабли и разбиваются!

А потому, спасшись наконец из форпика и от Фарзи, он укрылся на кормовой палубе и там, закутавшись в одеяло, решил тихонько поплакать о своих бедах. Школа, учителя, бесконечные уроки, казавшиеся ему раньше такими невыносимыми... теперь-то он понимал, какая это была благодать. Мягкая постель, горячая пища и уйма времени, когда он мог заниматься чем хотел! Здесь, на «Спрае», если его видели праздным, ему немедленно доставалось линьков⁹. Даже сейчас, попадись он только под ноги старпому, его либо отправили бы обратно под палубу, либо приставили к делу. Он знал, что ему надо поспать, но вместо этого смотрел и смотрел на маслянисто-гладкие волны, тяжело накатывавшиеся из темноты за кормой, и ощущал, как противно бурчит в животе. В желудке уже давно было совсем пусто, но тем не менее Брэшена опять вывернуло наизнанку. Уткнувшись лбом в фальшборт¹⁰, он задыхался, тщетно сисясь ухватить хоть струйку ветерка, которая не смердела бы корабельной смолой и не отдавала бы солью опостылевшего океана...

И вот тут, пока он стоял скрючившись и чувствовал себя полностью затравленным, его посетила очень простая мысль, отчего-то никогда прежде ему не являвшаяся: «Выбор есть всегда. Сделай его. Соскользни вниз, в воду. Несколько мучительных мгновений – и все твои несчастья кончатся навсегда. Больше ни перед кем не придется держать ответ, и линек больше никогда не просвистит в воздухе, обрушиваясь на твои ребра. Довольно стыда, разочарования и унижений... И что самое важное, тебе уже не придется запоздало раскаиваться в решении, которое ты сейчас примешь. Не будет даже напрасной молитвы о том, чтобы все стало как прежде. Один миг решимости – вот и все, что требуется от тебя».

Брэшен приподнялся и начал перегибаться через фальшборт, пытаясь найти в себе силы хоть раз принять судьбоносное решение по собственной воле. Он даже воздуха в грудь побольше набрал, полагая, что именно так следует собираться с духом для одного-единственного необратимого шага...

И увидел за бортом ЭТО.

Оно скользило в воде, беззвучное, словно течение времени. Громадное гибкое тело ловко пряталось в кильватерном буруне, и его присутствие трудно было заподозрить. Брэшен нипочем бы и не заметил его, если бы не лунный луч, нечаянно блеснувший на чешуе.

Несчастный юнга так и замер с полной грудью воздуха: легкие свело болезненной судорогой. Он хотел заорать во все горло – так, чтобы примчались вахтенные и подтвердили, что ему не причудилось, – в те времена морских змеев видели до того редко, что иные сухопутные крысы вовсе не желали верить в их существование. Но Брэшен помнил и то, что рассказывали о змеях бывалые моряки. «Увидевший эту тварь, – говорили они, – лицом к лицу повстречал смерть». И мальчик со всей ясностью понял: объяви он о том, что на поверхности показался морской змей, это сочтут дурным предзнаменованием для всего корабля. И был только один способ отвести от него злую судьбу. Он, Брэшен, попросту свалится с рея¹¹, когда кто-нибудь (конечно случайно!) не сможет удержать рвущийся на ветру парус. Или, опять же случайно,

⁹ *Линьки*, линь, – пеньковый трос диаметром до 25 мм. Во времена телесных наказаний на флоте отрезки такого троса – «линьки» – использовались для порки матросов.

¹⁰ *Фальшборт* – пояс обшивки выше палубы судна, выполненный как продолжение борта. Служит ограждением палубы.

¹¹ *Рей* – на парусном судне горизонтальная поперечина на мачте, служащая для крепления и натяжения парусов.

свалится в приоткрытый люк, чтобы сломать себе шею. Или просто однажды бесследно исчезнет посреди длинной и скучной ночной вахты.

Он только что был нешуточно близок к тому, чтобы совершить самоубийство, но в этот миг твердо решил, что совсем не собирается умирать! Ни от собственной руки, ни от чьей-то еще! Нет уж! Он вытерпит это треклятое плавание, он останется жив, он сойдет обратно на берег и вернется в прежнюю жизнь. Он отправится к отцу, он будет умолять и валяться у него в ногах, как никогда прежде. И они примут его обратно в семью. Может быть, уже не в качестве наследника фамильного состояния Треллов, но, право, какое это имело значение! Да пускай Сервин будет наследником, а ему, Брэшену, вполне хватит и доли младшего сына. Он бросит пить, он оставит азартные игры, он навсегда забудет циндин и вообще сделает все, чего бы ни потребовали от него дед и отец.

Брэшен внезапно обнаружил, что цепляется за жизнь той же мертвой хваткой, какой вцепились в фальшборт его намозоленные пятерни.

А бесконечное чешуйчатое тело все так же легко скользило в кильватерном буруне...

Вот тут и случилось самое скверное. То, что доселе продолжалось во снах. Змей понял, что проиграл. Понял, что не дождется добычи. А Брэшен с содроганием осознал, что мысль о самоубийстве, о милосердном забвении в темной воде пришла ему не сама по себе. Ему ее подсказали извне, и сделала это чешуйчатая тварь, сопровождавшая судно.

Такое же содрогание охватило подростка, когда он обнаружил руку Фарзи, накрывшую его пах.

Змей небрежным движением покинул пенистый след судна и предстал перед его глазами весь, во всей своей жуткой красе. Он был длиной в полкорабля и так и переливался яркими красками. Он двигался без всякого видимого усилия, словно струясь вместе с водой. Его голова вовсе не была клиновидно-плоской, как у змей, живущих на суше, нет, у него был крутой лоб и два огромных глаза с каждой стороны, и шея выгибалась, как у породистого коня, и бахрома ядовитых шипов колыхалась под челюстью.

Чудовище легло в воде на бок, показывая беловатую чешую брюха и созерцая Брэшена одним мерцающим глазом. Этот взгляд вконец лишил его мужества – юнга шарахнулся прочь от фальшборта и чуть не на четвереньках удрал назад в форпик. Этот взгляд и до сих пор заставлял его просыпаться посреди ночи, корчась от ужаса. Взгляд громадного круглого глаза, лишённого бровей и ресниц, был подобен человеческому. В темно-синей глубине его таилась вполне человеческая насмешка.

Больше всего на свете Альтии хотелось принять ванну из настоящей пресной воды. Она взбиралась по трапу на палубу, и каждая мышца в ее теле отзывалась болью, а в голове стучало. Слишком уж спертый был воздух в кормовом трюме. Ну наконец-то она выполнила, что требовалось. Теперь можно уйти к себе. И вымыться! Хотя бы обтереться влажным полотенцем. Переодеться. Немножко вздремнуть, если повезет... А потом пойти к Кайлу для окончательного разговора. И так уже она этот момент слишком долго откладывала, и чем дальше, тем хуже становилось на душе. Пора уже собраться с духом и сделать решительный шаг. А там – будь что будет. Она примет и переживет все.

– Госпожа Альтия? – Едва она высунулась на палубу, как увидела перед собой Майлда. Юнга неуверенно улыбался, как бы извиняясь перед ней и одновременно предвкушая: ой, что-то будет! – Тебя капитан спрашивает!

– Хорошо, Майлд, – отозвалась она спокойно.

Куда уж лучше! Стало быть, не удалось ни вымыться, ни тем паче поспать. Прямо лучше не бывает... Альтия на мгновение задержалась лишь для того, чтобы пригладить волосы да поплотнее заткнуть рубашку в штаны. Когда она некоторое время назад надевала то и другое, это была ее самая чистая пара рабочей одежды. А теперь грубая бязь рубахи, промоченная

пóтом, липла к лопаткам и шее, а штаны были перемазаны смолой и облеплены клочьями пакли – в трюме было тесно и грязно. И на лице наверняка остались разводы. Ну и наплевать. Ну и пусть Кайл обрадуется такому ее виду, вообразив, будто получил преимущество.

Она нагнулась якобы для того, чтобы застегнуть башмак, и украдкой прижала ладонь к дереву палубы. На миг прикрыла глаза – и вобрала ладонью толику силы «Проказницы».

– О корабль, – тихо-тихо, словно молясь, прошептала она, – помоги мне выстоять перед ним...

И выпрямилась, чувствуя, как крепнет ее решимость.

Стояли сумерки. Альтия шла по палубе, направляясь к двери в покои капитана, и моряки отводили глаза. Все, мимо кого она проходила, были страшно заняты. Либо просто смотрели в другую сторону. Она не оглянулась проверить, глядят ли они ей в спину. Расправив плечи и подняв голову, она шагала навстречу своей судьбе.

Короткий стук в дверь. Грубый голос ответил ей изнутри. Альтия вошла и на мгновение замерла на пороге, пока глаза привыкали к желтому свету лампы. Краткого мига хватило, чтобы на нее накатила сокрушительная волна ностальгии. Но тоска эта относилась не к какому-то дому на берегу – Альтия вспомнила, какой была когда-то эта каюта. Вон на том крючке висел непромоканец отца, а в воздухе витал аромат его любимого рома... А вон в том уголке он повесил для нее гамак – это когда он впервые взял ее с собой на «Проказницу», чтобы маленькая дочка всегда была у него на глазах... А теперь поверх всего привычного и такого домашнего воцарился принесенный Кайлом беспорядок и хлам. Альтия ощутила, как внутри просыпается гнев. Даже полированный пол был весь исцарапан, – наверное, у Кайла где-нибудь в подошве сапога торчал гвоздь. Нет, Ефрон Вестрит такого бы не потерпел. Не убранные на место карты, грязная рубаха на спинке стула... Отец не выносил беспорядка в корабельном хозяйстве, и его собственная каюта не была исключением.

Увы, зять Ефрона больше ценил другое.

Альтия перешагнула через какие-то штаны, валявшиеся прямо на полу, и остановилась перед сидевшим за столом капитаном. Ей пришлось постоять так некоторое время, пока Кайл внимательно изучал пометки на карте. Альтия присмотрелась и узнала четкий почерк отца. И это стало для нее еще одной ниточкой в прошлое – как ни больно было ей оттого, что Кайл вот так запросто ворошил их семейные карты. Карты ведь были одним из наиболее ревностно хранимых сокровищ любой купеческой семьи. Иначе как уберечь в тайне лучшие и быстрейшие способы плавания по Внутреннему проходу и собственные торговые пристани в мало кому известных селениях?

Однако ее отец доверил Кайлу даже карты. И не ей было оспаривать решение Ефрона Вестрита.

Тем временем капитан продолжал притворяться, будто не обращает на нее внимания. Альтия не поддавалась на уловку. Она стояла терпеливо и молча, и по прошествии некоторого времени он поднял на нее глаза. Как все же он не походил на ее отца! У отца глаза были черные, а у Кайла – синие. У отца были гладкие черные волосы, убранные в косицу, а у Кайла – нечесанные светлые космы. В который раз Альтия с отвращением спросила себя, что могло заставить ее старшую сестру пожелать для себя подобного мужа. Это притом что его калсидийское происхождение запечатлелось не только во внешности, но и сквозило во всем поведении.

Конечно, она постаралась никоим образом не выдать своих чувств, но сама понимала, что не сможет сдерживаться вечно. И так уже она слишком долго пробыла в море с этим человеком.

Последнее плавание вовсе грозило стать нескончаемым. Задумывалось оно как самый простой двухмесячный поход туда и обратно. Кайл умудрился растянуть его на целых пять месяцев. Сколько было ненужных остановок, сколько раз они брались за дела, приносившие едва ощутимую выгоду! Наверное, Кайл таким образом пытался доказать ее отцу, какой он изворотливый и хитроумный торговец. Ну так если кого-то интересовало мнение Альтии – на

нее он благоприятного впечатления не произвел. В Таске, например, он взял на борт маринованные яйца морской утки, очень скоропортящийся груз, и еле-еле успел причалить в Корабелях: еще чуть – и они бы протухли. Потом он загрузил корабль кипами хлопка. Причем разместил их не только в освободившихся трюмах, но и на палубе. Альтия прикусила язык и только наблюдала, как команда лазает туда-сюда через тяжелые тюки. А потом налетел ночной шквал, который насквозь промочил и, всего скорее, испортил палубный груз. Кайл попытался сбить этот хлопок в Дюрсее. Альтия не стала его спрашивать, насколько выгодной оказалась сделка – и выгодной ли вообще. Там, в Дюрсее, команде пришлось снова таскать с места на место бочонки вина, чтобы освободить в трюмах место для очередной прихоти Кайла. На сей раз – для упакованных в деревянные ящики орехов. Он, видите ли, рассчитывал выручить за них уймаищу денег, потому что из ядрышек этих орехов отжимали душистое масло, использовавшееся мыловарами, а из скорлупы делали отличную желтую краску. «Если он, – решила про себя Альтия, – еще раз упомянет о необыкновенной доходности этого плавания – придушу мерзавца на месте!»

Но в обращенном на нее взгляде Кайла не было самодовольства. Глаза капитана были холодны, как вода за бортом. И в них тлели огоньки гнева.

Он не улыбнулся ей и не предложил сесть. Лишь требовательно спросил:

– Что ты делала в кормовом трюме?

Значит, кто-то успел сбегать к капитану и доложить. Альтия ответила:

– Груз перекладывала.

– Вот как.

Это был не вопрос, а утверждение, почти обвинение. Альтия промолчала в ответ, лишь еще больше выпрямилась под его пронзительным взглядом. Она знала, что он ждет от нее невнятных объяснений и извинений. «Не дожدهшься. Я тебе не сестричка Кефрия, твоя послушная женушка».

Он вдруг шарахнул ладонью по столешнице. Альтия вздрогнула от неожиданности, но опять промолчала. Она чувствовала, как ему хотелось, чтобы она хоть что-нибудь сделала или сказала. Наконец его терпение лопнуло, и она почувствовала себя победительницей.

Он рывкнул:

– А тебе не приходило в голову сказать людям, чтобы переставили груз?

Альтия проговорила очень спокойно и тихо:

– Нет. Не пришло. Я сделала это сама. Когда мой отец учил меня управляться на корабле, он внушил мне: если видишь что-то, что требуется сделать, – возьми и сделай. Вот я и сделала. Я переставила бочонки так, как расположил бы отец, будь он на борту. Так, как на этом корабле устраивали каждый груз вина, – а я это видела с тех пор, как мне исполнилось десять. Теперь все стоят втулками вверх, и трюмная вода под них не затекает, каждый принайтовлен. И если их до сих пор не испортили, распахивая туда-сюда, чего доброго в Удачном их и правда кто-нибудь купит!

Щеки Кайла порозовели. Альтия спросила себя: как это Кефрия могла терпеть человека, у которого щеки розовеют от гнева? Сейчас заорет...

Но обошлось без крика. Правда, по голосу Кайла чувствовалось, что именно этого ему хотелось бы больше всего.

– Твоего отца здесь нет, Альтия. Нет, понимаешь? На судне распоряжаюсь я. Именно я приказываю, каким образом устроить тот или иной груз. А ты идешь против моих распоряжений, причем у меня за спиной. Вбиваешь клинья между мной и командой. Мне это надо?

Она ответила очень спокойно:

– Я сделала все сама, не прибегая ни к чьей помощи и не отдавая никаких приказаний. Я даже никому не говорила, чем собираюсь заняться. Так что между тобой и командой я никоим образом не становилась.

И она сжала зубы, чтобы не наговорить чего лишнего. А могла бы сказать Кайлу многое. О том, например, что в действительности между ним и командой стояло его собственное недостаточное знание дела! Не зря моряки, которые ради ее отца с радостью пошли бы на смерть, – эти самые моряки у себя в кубрике уже в открытую рассуждали, а не податься ли им в следующее плавание на каком-нибудь другом судне. Так что Кайл вполне мог потерять замечательную команду, которую ее отец так любовно, по человеку, собирал последние десять лет.

Между тем капитан пришел в ярость – как она осмелилась ему противоречить?

– Ты пошла против моего приказа, довольно и этого. Ты всем показала, что я для тебя не авторитет. Скверный пример для команды. Вызывает всякие ненужные разговоры. Что мне остается, как не ужесточить дисциплину? Тебе устыдиться бы, ведь ты навлекаешь на них мой гнев! Но какое там! Тебе на все наплевать! Ты у нас превыше капитана! Альтия Вестрит у нас чхать хотела и на всемогущего Са! Иначе решила бы ты показывать команде, куда я могу катиться со своими приказами? Будь ты настоящим матросом... я такой пример бы из тебя сделал! Все бы сразу поняли, чьих приказов следует слушаться здесь на борту! Но ты – всего лишь избалованная девчонка купца. И отныне я буду соответственно с тобой обращаться. Нет, можешь не волноваться за нежную шкурку у себя на спине. Но – только пока еще чем-нибудь меня не рассердишь. И тогда берегись! Я здесь – капитан, и мое слово – закон!

Альтия не ответила. Но и взгляда не отвела. Она прямо смотрела ему в глаза, строго следя за тем, чтобы не показать никаких чувств. Она видела, как краснота, залившая щеки Кайла, переползла на лоб. Вот он тяжело перевел дух. Попытался овладеть собой...

– Я – капитан. – Он сверлил ее глазами. – А ты, Альтия, что собой представляешь?

Она не ждала такого вопроса. Обвинения и попреки – чепуха, она их могла выслушивать молча и не моргнув глазом. Но вот он задал вопрос, на который следовало отвечать, и она заранее знала, что ее слова будут истолкованы как прямой вызов. Что ж... быть по сему.

– Я, – проговорила она со всем достоинством, которое могла выразить, – владелица этого корабля.

– Нет!!! – Кайл действительно заорал. Но тут же взял себя в руки. И перегнулся через стол, так что каждое слово казалось плевком: – Не владелица! Ты – всего лишь дочь владельца! Но даже будь ты сама хозяйкой, это ни вот настолько ничего бы не изменило! Не владелец командует кораблем, а капитан! А ты не капитан и не помощник! Ты даже вообще не моряк! Ты просто живешь в каюте, где полагалось бы жить второму помощнику, и делаешь только ту работу, которая тебе по душе! А хозяин корабля – Ефрон Вестрит, твой отец. И это именно он отдал под мое начало «Проказницу». Так что, если ты не в состоянии уважать лично меня, уважай хоть выбор, сделанный твоим отцом!

– Будь я постарше, – сказала Альтия, – он назначил бы капитаном меня. Уж я-то знаю «Проказницу». И по праву должна была бы ею командовать!

Она тотчас пожалела о вырвавшихся словах. Кайл ведь того только и ждал. Чтобы она вслух произнесла правду, хорошо известную им обоим.

– Снова вранье! Тебе следовало бы сидеть дома, замужем за каким-нибудь хлыщом, таким же капризным и избалованным, как ты сама. У тебя ни малейшего понятия нет, как управлять судном! Ты воображаешь: если твой папаша разрешал тебе поиграться на корабле, ты уже готова стать капитаном? И с чего ты вбила себе в голову, что должна занять место отца? Он вообще взял тебя на борт только потому, что не родил сыновей. Он, почитай, напрямую высказался об этом, когда родился Уинтроу. Да не будь «Проказница» живым кораблем, которому непременно подавай, чтобы на борту присутствовал член семейства, – я бы тебя с твоими притязаниями и близко сюда не подпустил! А теперь запомни-ка вот что! Корабль нуждается в каком-нибудь Вестрите, но совсем не обязательно лично в тебе. Ему, кстати, прекрасно сойдет, скажем так, и Вестрит-Хэвен. Мои сыновья – не только мои дети, но и твоей сестры тоже.

И когда мы в следующий раз покинем Удачный, я возьму с собой кого-нибудь из них. А ты останешься на берегу!

Альтия сама почувствовала, как побледнела. Кайл понятия не имел, о чем болтал его язык и насколько страшной на самом деле была его угроза. Это, кстати, лишний раз подтверждало, что он имел весьма слабое понятие о живых кораблях и о том, как с ними следует обращаться. Нет, нет, ни в коем случае не следовало доверять этому человеку «Проказницу». Если бы болезнь не скрутила отца, он наверняка и сам бы это понял.

Наверное, отчаяние и ярость все-таки до некоторой степени проявились у нее на лице, потому что губы Кайла Хэвена странным образом дрогнули. Ей показалось, что он подавил улыбочку, говоря:

– Отныне и до конца плавания тебе воспрещается покидать каюту. А теперь поди вон.

Альтия решила не отступать и не уступать. Все равно терять было уже нечего.

– Ты только что объявил, что я даже и не матрос на этом корабле. Ну и отлично. А коли так, то и командовать мной не моги. И с чего, кстати, ты вообразил, будто именно ты поведешь «Проказницу» в ее следующий рейс? Я лично очень надеюсь, что ко времени нашего возвращения в Удачный отец выздоровеет и по праву займет свое место. И никому больше его не уступит, пока не сможет передать мне «Проказницу» всю целиком – и владение, и капитанство!

Кайл пригвоздил ее взглядом к полу.

– Скажи правду, ты в самом деле в этом уверена?

Она задохнулась от ненависти, решив, что он подвергает сомнению ее веру в выздоровление батюшки. Но он продолжал:

– Твой отец – отличный капитан. И когда он узнает, что ты перечила моим приказам, сеяла рознь между мной и командой, выставляла меня на посмешище...

– На посмешище?

Кайл фыркнул:

– Ты воображаешь, будто можешь напиться в зюю и болтать всякую всячину про мои дела в Дюрсее, а мне и не передадут? Сразу видно, какая ты дура.

Альтия лихорадочно силилась вспомнить, что именно происходило в Дюрсее. Да, там она действительно напилась... всего один раз... И жаловалась на жизнь кому-то из команды. Кому? Она не могла толком припомнить. Только то, что Брэшен еще попрекал ее и самым дерзким образом советовал закрыть варежку и не болтать вслух о личных проблемах... Что именно она несла тогда, так и не вспомнилось. Зато она, кажется, догадалась, кто был доносчиком.

– Вот как, значит, – проговорила она. – И что еще, интересно, тебе про меня Брэшен наплел? – О рыбий бог, что все-таки она тогда говорила? Если это касалось семейных дел и Кайл расскажет дома, а он ведь расскажет...

– Брэшен? Нет, это был не он. Хотя ты с ним одного поля ягода. Он такое же неудачное отродье старой семьи, пытающееся поиграть в моряка. Я и то удивляюсь, чего ради твой папенька пригрозил его у себя на судне? Не иначе, думал воспитать из него тебе жениха... А впрочем, будет моя воля, я и его в Удачном высажу на берег, так что сможешь наслаждаться его обществом, сколько тебе будет угодно. Лучшего мужа тебе все равно не найти – советую хватать, пока плохо лежит.

И Кайл откинулся в кресле, явно наслаждаясь молчанием потрясенной Альтии. Потом он заговорил тихо и с удовлетворением:

– Я вижу, сестричка, тебе не очень-то нравится, когда говорят правду в глаза? А теперь представь мое состояние, когда корабельный плотник вернулся с берега, пошатываясь от выпитого грога, и во всеуслышание заявил, как ты во хмелю утверждала, будто я женился на твоей сестрице ради того только, чтобы наложить лапу на фамильный корабль, потому что ублюдкам вроде меня иным способом капитанами живых кораблей не сделаться, хоть в лепешку разбейся.

Спокойный вроде бы голос вдруг сорвался от ярости, и Альтия узнала свои собственные слова, произнесенные в Дюрсее. Да... если уж она болтала подобное, значит она напилась-таки сильнее, чем ей казалось... И что ей осталось теперь? Лгать либо трусить. Признать эти слова и отречься от них. Либо солгать, что-де она никогда такого не говорила. Ладно, что бы там ни думал о ней Кайл Хэвен, она – дочь Ефрона Вестрита. Альтия собрала в кулак всю свою волю.

– Все правильно. Именно так я и сказала тогда, и это правда святая. А теперь объясни, каким образом правда делает из тебя посмешище?

Кайл неожиданно поднялся и обошел стол. Он был здоровяком. Альтия попятилась, но пощечина отшвырнула ее прочь. Она схватилась за край переборки и сумела устоять на ногах. Кайл вернулся к своему креслу и сел. Он был очень бледен. Оба они зашли слишком далеко... случилось то, чего она всегда боялась. Неужели и он боялся подобной стычки? Кажется, его трясло не меньше, чем ее.

– Я тебе не за себя врезал, – прохрипел он. – За твою сестру. Ты надралась в портовом кабаке, точно распоследний боцман, и, можно сказать, при всем народе ее потаскухой обозвала. Это-то ты хоть понимаешь? Ты считаешь, она только и могла замуж выйти, соблазнив жениха возможностью заполучить капитанство на живом корабле? Ну и дура же ты. Такой женщиной, как твоя сестра, любой мужчина мог бы гордиться, даже если бы у нее медного гроша за душой не было. Не в пример, кстати, тебе. Вот тебе-то уж точно мужа без хорошей взятки не заполучить. Так что молись всем богам, чтобы у твоей семьи не оскудел кошелек. Тебе в приданое полгорода придется дать, прежде чем какой-нибудь приличный мужик на тебя посмотреть захочет! А теперь – катись вон отсюда, пока я в самом деле не вышел из себя! Ну?!!

Она повернулась и хотела было со всем возможным достоинством покинуть каюту, но не тут-то было. Кайл догнал ее и, уперев широченную ладонь ей в спину, буквально вышвырнул ее вон. Закрывая дверь, Альтия увидела юнгу Майлда, сосредоточенно шкурившего заусенец на поручне неподалеку. Слух у мальчишки был как у лисы; он наверняка все слышал. Что ж... она не сказала и не сделала ничего, чего следовало бы стыдиться. А вот Кайлу этим не похвастаться.

Высоко подняв голову, она прошла в свою каюту. Здесь она жила с двенадцати лет. Затворила за собой дверь... И тут осознала весь ужас угрозы Кайла – вышвырнуть ее вон с корабля.

Это был ее дом. Так не может же он ее выкинуть из дома...

Или все-таки может?

Альтия с детства любила эту каюту. Она до сих пор явственно помнила тот восторг, с которым в самый первый раз вошла сюда как хозяйка, бросила на койку матросский мешок с вещами и подумала: МОЕ! С тех пор минуло почти семь лет, и все это время собственная каюта была для Альтии неотделима от чувства дома и безопасности. И вот теперь она легла на ту же самую койку с ощущением, что все это у нее могут очень скоро отнять. Щека, обожженная пощечиной, так и горела, но приложить к ней ладонь Альтия и не думала. Удар есть удар, что его прятать? Ну и пусть распухнет, зальется темным синяком! Может, когда они причалят в Удачном, родители и сестра увидят ее обезображенное лицо и поймут наконец, какого паразита приняли в семейство, выдав Кефрию за Кайла Хэвена. Он ведь даже не из купцов. Он – помесь, дворяжка, метис, наполовину калсидиец, наполовину... портовая крыса. Не выскочи за него сестра, сейчас он был бы нищим. Нищим! Кусок дерьма, вот что он такое. Он ударил ее, но Альтия не заплачет, потому что он не стоит ее слез. Ему достанется только ее гнев.

Только ее гнев!

Прошло немного времени, и вот бешеный ритм ее сердца понемногу начал успокаиваться. Рука произвольно разгладила пестрое лоскутное одеяло, сшитое для нее Наной. Потом она повернулась на койке, чтобы поглядеть в бортовой иллюминатор. Большую его часть занимало беспредельное серое море. А верхнюю треть – еще более беспредельное небо. Это был ее любимый вид, ее любимый образ мира. Неизменный – и такой переменчивый.

Альтия оторвалась от иллюминатора и вновь оглядела каюту. Маленький стол, надежно привертнутый к переборке и снабженный ограждением, чтобы в шторм не скатывались бумаги. Рядом – книжная полка и подставка для свитков, то и другое тоже устроено в расчете на свирепейшую непогоду. У нее был даже маленький складной столик для карт, имелись и сами карты, очень тщательно подобранные, ибо отец считал, что ей необходимо выучиться навигации. В том числе – определять местоположение корабля. Навигационные инструменты хранились в особой коробке с мягким подбоем. На стенах крючки, на крючках – непромоканцы. Единственным украшением каюты служила маленькая картина, изображавшая «Проказницу» в море: паруса наполнены ветром, форштевень¹² стремительно режет волну... Альтия сама ее заказала и оплатила. Картину написал Джаред Паппас, что само по себе придавало ей немалую ценность, но для Альтии главное всего было само изображение. Корабль. Ее корабль...

Лежа на койке, Альтия потянулась вверх, прижала ладони к обнаженному дереву тела «Проказницы» и сразу ощутила биение *полужизни*, присущей кораблю подобного рода. О нет, это была не просто дрожь корпуса, рассекающего морские хляби, дополненная топотом матросских ног и эхом их криков! Это было биение совсем особого рода. Это говорила полужизнь, почти-жизнь, очень близкая к пробуждению.

Ибо «Проказница» была живым кораблем. Ее заложили шестьдесят три года назад, и киль будущего корабля был вытесан из цельного диводрева. Равно как и обшивка бортов, и носовая фигура – причем все из одного и того же ствола. Все оплатила прабабушка Вестрит. Для этого она заложила семейную собственность, и отец Альтии, Ефрон, до сих пор расплачивался по закладным. Это было давно, еще в те времена, когда женщины спокойно участвовали в деловой жизни и никому в голову не приходило об этом судачить. Тогда в Удачном еще не прижился дурацкий калсидийский обычай, согласно которому мужчина держит своих женщин дома и в праздности, чтобы все видели – он достаточно богат и может себе это позволить. Не зря отец любил повторять: «Что бы там ни думали люди, бабушка никогда не позволяла им становиться между нею и ее кораблем!» Тридцать пять лет она водила «Проказницу» по морям, и даже когда ей уже было за семьдесят. А потом в один жаркий солнечный день она попросту присела на баке¹³, сказала: «Ну что, мальчики, хватит, пожалуй» – и... умерла.

После нее на корабле плавал дедушка. Альтия помнила его очень смутно. Он был огромен и черноволос, и в его голосе слышался рев морских волн – даже когда он разговаривал дома. Он умер четырнадцать лет назад, и тоже на палубе «Проказницы». Ему было шестьдесят два, Альтии же – всего четыре. Но вместе с остальными Вестритами она стояла у его смертного ложа и, несмотря на столь ранний возраст, ощутила слабую судорогу, пронизавшую корабль в миг, когда отлетела душа. И уже тогда она знала, что это едва заметное содрогание означало и скорбь расставания, и приветствие: «Проказница» будет скучать по своему храброму капитану, но в то же время радовалась его жизненной силе, напитавшей ее диводрево.

Для корабля его смерть означала еще один шаг к пробуждению.

Альтия знала: пробуждение «Проказницы» должно было состояться после смерти отца.

Эта мысль, как всегда, вызвала в ней вихрь разноречивых чувств. С одной стороны, близость смерти отца наполняла ее черным ужасом. Страшная потеря – и не для нее одной, для всей семьи. Опять же, если он умрет прежде, чем она достигнет совершеннолетия, и она угодит под опеку к матери и Кайлу... Ох, только не это! Альтия торопливо погнала скверную мысль прочь и стукнула костяшками пальцев по диводреву «Проказницы», дабы она, чего доброго, не сбылась.

¹² *Форштевень* – передний брус по контуру носового заострения судна, соединяющий обшивку правого и левого бортов.

¹³ *Бак* – возвышенная носовая палуба судна.

А с другой стороны – Альтия ждала и дожидаться не могла, чтобы «Проказница» пробудилась. Сколько часов провела она, растянувшись на самом бушприте¹⁴ идущего корабля, чтобы быть как можно ближе к носовой фигуре, и смотрела, смотрела, смотрела в закрытые веки деревянного изваяния! Когда-нибудь эти глаза должны были открыться. Ибо статуя, венчавшая корпус «Проказницы», была не простой раскрашенной деревяшкой, как на других кораблях. Это было диводрево! И хоть сейчас – временно – оно тоже было раскрашено, в миг, когда Ефрон Вестрит сделает на палубе «Проказницы» свой последний вздох, позолоченные деревянные локоны станут настоящими золотыми волосами, а щеки сбросят искусственные румяна и процветут истинной жизнью. И глаза, которые откроет «Проказница», будут зелеными. Альтия знала это наверняка. Хотя все говорили, будто предугадать цвет глаз живого корабля невозможно, пока не отлетят души трех поколений и они не откроются сами. Пусть говорят! Альтия знала: они будут изумрудно-зелеными.

Даже теперь, представив, как открываются эти замечательные глаза, она не могла сдержать улыбки.

Но улыбка скоро погасла: слова Кайла опять всплыли у нее в памяти. Ясно как день, что он намеревается сделать. Спихнуть ее на берег и заменить одним из своих сынков. А когда рано или поздно умрет отец, Кайл сделает все, чтобы оставить корабль за собой. Мальчишку же будет держать в качестве «Вестрита-на-борту», чтобы кораблю было покойно. С этим-то вряд ли что выйдет, сказала она себе. Ни один из сыновей Кайла тут не годится. Один слишком мал, другой отдан жрецам. Альтия вообще-то ничего не имела против племянников. Но даже будь Сельден постарше, у него все равно душа земледельца, а не моряка. Что же касается Уинтроу, так его Кефрия отдала в храм давным-давно. Он думать не думал о «Проказнице» и вообще понятия не имел о кораблях; сестрица Кефрия о том позаботилась. Жрец из него, кстати, обещал выйти хороший. Кайл от своего старшего не был в особом восторге, но, когда Альтия в последний раз видала парнишку, ей стало ясно – он занимался именно тем, что ему было уготовано. Маленький, худенький, смотрит все куда-то вдаль и тихо улыбается своим мыслям, а мысли у него только о Са... Вот и весь Уинтроу.

Ну, то есть Кайлу наверняка наплевать на склонности и пристрастия сынишки. Вряд ли он остановится даже перед тем, чтобы пойти на попятную и отменить собственное решение о посвящении старшего сына Са. Дети Кайла от Кефрии были для него всего лишь разменной монетой, вместилищами наследственной крови, без которой ему и думать нечего было бы о командовании живым кораблем. Что ж... сегодня он продемонстрировал свои намерения слишком уж открыто... и воистину ЗРИМО. Только бы скорее добраться до порта! Отец сразу узнает, какие планы вынашивает Кайл. И как дурно он с ней обращался. Может, тогда он перестанет считать, будто Альтия слишком молода и не может быть капитаном. А Кайл пусть поищет себе какое-нибудь мертвое, наспех сколоченное корыто – и на нем-то ходит по морям. Альтия сумеет позаботиться о «Проказнице». Она станет уважать ее и никому не даст в обиду.

Она была уверена, что ладони рук, все еще прижатые к переборке над головой, ощутили ответ корабля.

«Проказница» принадлежала ей, и только ей. И пусть Кайл вынашивает какие угодно планы. Он ее никогда не получит!

Альтия поудобнее устроилась на своей койке. Пожалуй, она из нее уже выросла. Надо будет сказать корабельному плотнику, чтобы занялся переделкой. Если перенести койку и расположить ее под иллюминатором, можно будет выгадать немного места. Совсем немного, но все-таки. А столик... Тут Альтия нахмурилась, вспомнив, что именно корабельный плотник

¹⁴ *Бушприт* – горизонтальная «мачта», выступающая вперед с носа парусного судна. Служит для вынесения вперед «центра парусности» – точки приложения аэродинамических сил, действующих на надводную часть судна. Тем самым конструктивно достигается ровный ход судна относительно ветра.

выдал ее. Что ж, они с плотником никогда особо не жаловали друг дружку. Следовало бы ей сразу догадаться, кто Кайлу напел про нее.

И о том, что это сделал НЕ Брэшен, ей тоже следовало бы сразу смекнуть. Что бы там ни думал про него Кайл – уж он-то гадости за спиной точно делать не станет. Нет, тогда в кабаке Брэшен заявил ей прямо в глаза – и весьма грубо, – что она сопливая маленькая паршивка, от которой только жди неприятностей, и чтобы она пореже высывалась, когда он на вахте...

Вспомнить в подробностях тот хмельной, бурно проведенный вечер было очень непросто, но мало-помалу в памяти начало кое-что всплывать. Да, Брэшен ее отчитал, словно она была на борту самым что ни есть зеленым новичком. Сказал, что она не смеет ни оспаривать распоряжения капитана, отдаваемые команде, ни болтать о внутрисемейных делах в присутствии посторонних. Вот тут она, помнится, ответила ему по достоинству: «Не все стыдятся говорить о своих семьях, Брэшен Трелл!» И все, больше ничего ей говорить не понадобилось. А потом она встала из-за стола и ушла прочь, оставив его давиться услышанным.

Она ведь знала его историю. И могла побиться об заклад, что доброй половине команды тоже все известно, хотя бы они и не отваживались сказать ему об этом в лицо. Ее отец спас Брэшена от долговой тюрьмы. Другим же выходом была продажа себя самого кому-нибудь в услужение, ибо семья Треллов успела отчаяться и отказаться от столь никудышного сына. Ну а все знали, в какую пропасть ведет такая вот вынужденная самопродажа. Небось кончил бы где-нибудь в Калсиде, с лицом, сплошь покрытым рабскими татуировками, если бы не Ефрон Вестрит.

И после всего он смел вот так с ней разговаривать!

Он определенно слишком много о себе понимал, этот Брэшен Трелл. Как и почти все они, эти Треллы. В прошлом году на купеческом балу по поводу праздника урожая его младший братец раскатал губу ажно дважды с ней танцевать! Сервин Трелл. Ну и пусть он числится теперь их наследником. Все равно очень уж смело с его стороны. Она почти улыбнулась, вспомнив физиономию Сервина, когда он выслушивал ее холодный отказ. Нет, конечно, он остался безукоризненно вежливым, но всей его выучки не хватило, чтобы удержаться и не покраснеть. Да уж, манеры у Сервина были что надо, Брэшену такие и не приснятся. Правда, по сравнению со старшим братом младший был сущим мальчишкой – ни тебе крепких мышц, ни мужской стати. Но ведь хватило же юному Треллу ума не отказываться ни от имени, ни от семейного состояния. А Брэшен?

Да, вот уж о ком определенно не стоило думать. Альтия вообще-то подозревала, что Кайл и его вознамерился по окончании плавания оставить на берегу, но расставание с Брэшеном ее не особенно печалит. Вот кто огорчился бы, так это отец. Брэшен всегда ходил у него в любимчиках – по крайней мере, на берегу это можно было заметить. Когда Треллы в конце концов лишили Брэшена наследства, в других купеческих семьях перестали пускать его на порог. Но Ефрон Вестрит только пожал плечами и заявил: «Наследник или нет, но моряк он отменный. А тот, кто достаточно хорош, чтобы ходить со мной по морю, и ко мне в дом всегда будет вхож!» Не то чтобы Брэшен так уж часто бывал у них в доме, тем более – садился с ними за стол. Ну а на корабле они с отцом были чисто старпомом и капитаном.

Только ей, дочери, Ефрон с восхищением рассказывал о твердой решимости юноши взяться за ум и сделать из себя человека. Кайлу, кстати, Альтия вовсе не намеревалась этого передавать. Пусть, пусть сделает очередную ошибку – и пусть его ошибку увидит отец. Увидит и поймет, каких безобразий наворачочает Кайл на «Проказнице», если его вовремя не остановить!

Альтия чувствовала немалое искушение немедленно взять и выйти на палубу – просто затем, чтобы напоказ послушаться Кайла. И что он, интересно, по этому поводу предпримет? Велит какому-нибудь матросу водворить ее обратно в каюту? Так ведь не найдется ни одного, кто отважился бы поднять на нее руку, и не только потому, что ее зовут Альтия Вестрит. Боль-

шинство моряков любили и уважали ее, и эту любовь и уважение она заслужила сама, а имя было тут ни при чем. И что бы ни болтал Кайл, а корабль она знала куда лучше всех, кто теперь входил в его экипаж. Так только дети способны изучить дом, в котором выросли с младенчества. Она знала в трюмах уголки, куда нипочем не втиснулся бы взрослый. Она лазила по мачтам и в восторге качалась на такелаже¹⁵, как другие дети – на ветках деревьев. Ее не ставили на вахту вместе с командой, но она знала любую судовую работу и могла справиться с ней. Она, может, не так споро сплеснивала¹⁶ тросы, как их лучший такелажных дел мастер, но на ее сплесни, прочные и аккуратные, никому не тошно было смотреть. И паруса она кроила и шила не хуже бывалых умельцев.

Ибо она поняла, чего ради отец забрал ее на корабль. Он того именно и хотел, чтобы она здесь выросла, чтобы знала каждую досочку и вообще все, что требуется от моряка. И пусть Кайл видит в ней «всего лишь девчонку». Уж она-то знала, что отец полагал ее ничуть не худшей заменой троим сыновьям, погибшим во время Кровавого моря. Да какой там заменой! Замена – это все равно «всего лишь», это нечто второстепенное. А она была наследницей Ефрона Вестрита – по праву, по крови, по воспитанию! Вот так, и не меньше!

Альтия знала: она вполне может послушаться Кайловых приказов – и ничего ей за это не будет. Вот только как бы он не выместил свою досаду на моряках. Возьмет да накажет их за то, что не бросились тащить строптивую девку обратно в каюту. Нет, она не допустит, чтобы из-за нее их постигло наказание. Это была ее ссора с Кайлом, ей и расхлебывать. А кроме того... Пусть думает на здоровье, будто она борется токмо и единственно за свое положение. Пусть. На самом деле ее в гораздо большей степени беспокоила судьба корабля. «Проказница» стоит того, чтобы ее команда была не просто хорошей, а самой лучшей. И ее отец допустил лишь одну ошибку – взяв Кайла. Остальные члены экипажа были один к одному. Отец хорошо платил своим матросам, больше, чем было принято на обычных судах. Он хотел, чтобы к нему приходили способные люди и трудились с душой. И Альтия не даст повода Кайлу их разогнать.

Она даже почувствовала себя отчасти виновной в том, что должно было случиться с Брэшеном.

Опять Брэшен! Как упорно ни старалась она не думать о нем, ее мысли столь же упорно возвращались к этому человеку. Она закрыла глаза и сразу увидела его перед собой. Вот он стоит, сложив на груди руки, и смотрит на нее с высоты своего роста (а он заметно выше), так, как он часто делает наяву. Губы плотно сжаты – явно не одобряет ее, карие глаза щелками, и даже борода так и топорщится от нескрываемого раздражения. Он, конечно, превосходный моряк, а уж старпом – каких поискать! Но вот эта его манера держаться... Он мог отказаться от фамилии Треллов, но аристократические замашки оказались неисправимы. Альтия с уважением относилась к тому обстоятельству, что он сам, своим умом и руками, достиг нынешнего положения. Но расхаживать туда-сюда и распоряжаться с таким видом, словно получил на это право от рождения?!

Когда-то, может, так оно и было, но, отказавшись однажды от наследственных привилегий, мог бы и свою гордость там же оставить...

Резким движением Альтия скатилась с койки, легко вскочила на ноги. Подбежала к своему матросскому сундучку и откинула крышку.

Здесь сохранялись вещи, способные без следа развеять любую тоску.

Первыми ей попались забавные безделушки, купленные для Сельдена и Малты. И вызвали смутное раздражение. Нет, она искренне любила племянника и племянницу, но в дан-

¹⁵ *Такелаж* – совокупность судовых снастей (разного рода тросов, цепей и т. п.), служащих для управления парусами, грузоподъемных работ, подъема и спуска флагов и так далее.

¹⁶ *Сплеснивать*, сплесень – соединение двух тросов одинаковой толщины (например, при наращивании или при починке в месте разрыва), при котором волокна одного троса сложным образом пропускаются между волокнами другого. Хорошо выполненный сплесень еще и очень красив.

ный момент они были для нее в первую очередь детьми ненавистного Кайла. А с какой любовью она выбирала подарки для малышек и потом расплачивалась за них звонкой монетой! Она отложила в сторону нарядно разодетую куклу, приготовленную для Малты, и пестрый волчок для ее брата. Внизу были отрезки шелка, купленные в Таске. Серебристо-серый – матери, розовато-лиловый – Кефрии. А возле самого дна – зеленый, выбранный для себя.

Альтия погладила его тыльной стороной кисти. Чудесная, удивительно гладкая ткань казалась текучей. Девушка вытащила кружево цвета сливок, приготовленное для отделки. В Удачном она без промедления отнесет то и другое на улицу портных. И пусть мастерица Вайолет сделает ей роскошное платье для летнего бала... Работа обойдется недешево, но дивный шелк несомненно заслуживал, чтобы его отдали в самые лучшие руки. Альтия успела до мелочей продумать, каким оно будет, ее новое платье. Оно должно было наилучшим образом оттенить ее гибкую талию и округлые бедра, и пусть ее пригласит танцевать кто помужественней, нежели Брэшенов юный братишка. Нет, решила она про себя, слишком зауживать в талии все же не стоит; танцы на летнем балу обыкновенно быстрые и живые, надо иметь возможность свободно двигаться и дышать! И юбку сделать пошире, чтобы красиво волновалась в такт сложным па. Но и не слишком широкую, а то начнет путаться в ногах и мешать... А кружево будет неплохо смотреться в скромном декольте. Пусть грудь кому-то покажется пышнее, чем на самом деле, – это не повредит... На сей раз Альтия уложит волосы в высокую прическу и скрепит их серебряными заколками. Правду молвить, волосы у нее были довольно жесткие – в отца, но красивый темный цвет и густота этот недостаток полностью искупали. И может, мать наконец позволит ей надеть серебряное ожерелье, что завещала ей бабушка? То есть формально оно и так принадлежало Альтии, а не матери, но той, кажется, жаль было окончательно выпускать его из рук: то-то она без конца рассуждала о необычайной ценности старинного украшения, особенно напоминая на то, что не дело куда ни попадая его надевать. А уж как здорово это ожерелье смотрелось бы с серебряными серьгами, которые Альтия купила себе в Корабелях...

Поднявшись, Альтия расправила и встряхнула шелк, потом приложила к себе. Зеркальце, висевшее на стене, было слишком маленьким. Она видела в нем лишь свое загорелое лицо да зеленую полоску, перекинутую через плечо. Она вновь погладила ткань... едва не попортив ее прикосновением шершавой ладони. Дома она будет каждый день драить руки пемзой, пока не избавится от этих ужасных грубых мозолей. Нет, ей нравилось работать на «Проказнице», ежечасно ощущая, как отзывается корабль на добрый уход. Но вот рукам и всей коже приходилось туго. Не говоря о синяках, постоянно украшавших ноги. Что, кстати, давало матери повод для едва ли не главного возражения против ее путешествий с отцом. Как, мол, дочка после такого-то выглядеть будет на разных светских раутах? Жуть! Ну а главной причиной для возражений было, конечно, желание видеть Альтию дома, погруженной в чисто женские дела и заботы по дому. Девушка с ужасом подумала, что вообще будет, если матери в конце концов удастся настоять на своем.

Шелк стек из рук Альтии на пол, она потянулась и обняла тяжелые брусья, подпиравшие палубу над головой.

– О корабль, разве могут они теперь нас разделить? После всех этих лет, да еще теперь, когда ты вот-вот просудишься! Нет! Ни у кого нет права отнять у нас это! – Она шептала и шептала, понимая тем не менее, что нет никакой нужды говорить вслух; они с кораблем были достаточно близки, чтобы понимать друг друга без слов. И она могла бы поклясться: по телу «Проказницы» прошла ответная дрожь. – Мой отец того и хотел, – продолжала она. – Затем он и привел меня сюда малышкой, чтобы между нами возникла такая вот неразрывная связь, чтобы к тому времени, когда я повзрослею, а ты просудишься, мы успели сродниться.

Корабль снова чуть заметно содрогнулся. Кто угодно другой не обратил бы внимания, но Альтия знала «Проказницу» слишком хорошо и правильно истолковала ее трепет. Закрыв

глаза, она устремилась в корабль всем своим существом, посвящая его во все свои сомнения, печали, надежды и страхи.

И в ответ ощутила смутное, еще неоформленное движение спящей души корабля. Даже теперь «Проказница» как могла стремилась ободрить и утешить ее.

Альтия знала: минуют годы и пробудившаяся «Проказница» сделает ее своей избранницей. Именно с нею она всего охотнее будет беседовать, ее рук на штурвале корабль будет всего вернее и охотнее слушаться. Альтия знала: ради нее «Проказница» обгонит попутный ветер и будет до последнего ломиться наперекор волнам. Вместе они станут разыскивать новые торговые пристани – и привозить оттуда диковины, от которых ахнут даже в отвыкшем удивляться Удачном. Вместе они сподобятся чудес, каких и в Дождевых чащобах не видавали. А когда ей придет срок умереть – на капитанский мостик взойдет ее, Альтии, сын или дочь.

Уж не кто-нибудь из выроdkов Кайла.

Это она твердо пообещала и кораблю, и себе.

Вытерла слезы и наклонилась положить обратно шелковую ткань...

Он дремал на теплом песке...

Дремал?

Да, именно это слово обычно употреблялось людьми, но ему никогда не казалось, что оно верно описывало то времяпрепровождение, которому они предавались. И уж всяко не относилось к нему самому. Нет. Живые корабли не спят. Ему не было дано даже и этого избавления. Все, что он мог, – это отвлекаться, что-нибудь вспоминать и столь полно погружаться в минувшие переживания, что смертельная скука настоящего некоторое время для него как бы не существовала. У него даже была в прошлом любимая отдушина, к которой он чаще всего прибегал. Он, впрочем, даже не был уверен, что это его доподлинные воспоминания. С тех пор как у него отняли все тома бортовых журналов, память начала его подводить. Теперь в ней зияли форменные провалы, и все, что было «до», он никак не мог привести в соответствие со случившимся «после». Может, и к лучшему?

Итак, он дремал (или как там это называлось) на солнышке и выуживал из дырявых глубин памяти ощущения удовлетворения и тепла. И вот тихое поскребывание песка, облепившего корпус, мало-помалу сменилось для него иным, неуловимо похожим осязательным воспоминанием, название которому он никак не мог подобрать. Он, впрочем, не слишком-то и пытался. Спасибо и на том, что вновь переживаемый миг прошлого позволил ему на время почувствовать себя ухоженным, нежащимся в довольстве и ему было тепло...

Людские голоса, неожиданно зазвучавшие рядом, заставили его пробудиться.

– Так это он самый и есть? Прямо вот так тут и валялся? Не может быть! Все тридцать лет?

Человек говорил с акцентом. Джемелиец, сонно подумал Совершенный¹⁷. И не откуда-нибудь, а из самой столицы – города Джемелии. Люди из южных провинций вечно глотают согласные на концах слов.

Откуда у него такие познания, теперь было и не вспомнить.

– Он самый, – отозвался второй голос. – Точно тебе говорю.

Этот человек был постарше.

– Не может быть, чтобы это тут тридцать лет пролежало, – снова заговорил молодой. – Корабль, вытасненный на берег и просто так брошенный, черви давным-давно в решето превратили бы. А остатки ракушками бы обросли!

¹⁷ Когда речь идет о живых кораблях, автор книги берет их названия в кавычки, если имеется в виду корабль до его «пробуждения»; после этого события название превращается в имя живого существа, и в дальнейшем кавычки употребляются либо нет в зависимости от конкретной ситуации в повествовании. При переводе эта политика автора тщательно сохранялась.

– Твоя правда, Мингслей, – усмехнулся второй. – Только диводрево не гниет. И ракушками не обрастает. И никакой червяк его не берет. Это, кстати, одна из причин, по которой живые корабли так желанны для мореплавателей и стоят так дорого. Они служат поколениям и поколениям, а починки, в отличие от обычных, не требуют почти никакой. Да и в море умеют о себе позаботиться. Увидит такой кораблик, что на пути мель или скала, – и сам покричит рулевому. Некоторые даже с парусами управляться умеют. А какое другое судно? Разве предупредит тебя, что в трюме что-то сдвинулось или что его просто перегрузили и может дойти до беды? Не-ет, корабль, сработанный из диводрева, – это сущее чудо. Какой еще способен...

– Ясно. Я понял. Может, теперь объяснишь мне, с какой стати это чудо выволокли на берег и бросили?

В молодом голосе звучало явственное недоверие. Слушать своего старшего спутника развесив уши Мингслей определенно не собирался.

Совершенный очень хорошо представил себе, как этот старший пожимает плечами.

– Да ты же сам знаешь, до чего суеверный народ моряки. А у этого корабля была худая слава, уж так оно получилось. Худая до невозможности... Ладно, расскажу все без утайки, ведь если не я, так другие люди передадут. Его хоть и зовут «Совершенным», а угробил он кучу народу. В том числе и владельца своего, и хозяйского сына...

– Вот, значит, как, – призадумался Мингслей. – Ну, в любом случае, если даже я и куплю эту развалину, то в море на ней не пойду. И платить, как за настоящий корабль, не собираюсь... Честно признаться, я его хочу купить ради дерева. Уж больно много всякого разного болтают про диводрево. И не только про то, что-де корабли, сработанные из него, через некоторое время оживают и принимают шевелиться и говорить. Это-то я и сам видел – в гавани. Ну, не то чтобы новоприбывшему вроде меня так уж обрадовались у Северной стены, где швартуются живые корабли, но как они разговаривают и двигаются – я видел. И сдается мне, что, раз уж здоровенное носовое изваяние на это способно, почему бы не проделать то же самое с маленьким резным изображением, а? Как по-твоему, сколько отвалили бы в Джамелии за такую диковину? Шевелящееся изображение, наделенное речью?

– Понятия не имею, – замялся тот, что постарше.

– Конечно не имеешь, – насмешливо фыркнул молодой. – Тебе такое и в голову-то не приходило, ведь так? Короче, давай выкладывай начистоту: почему этого до сих пор никто не сделал?

– Не знаю.

Ответ был слишком поспешным для правдивого или хотя бы правдоподобного.

– Так-так. – Мингслей был по-прежнему полон сомнений и подозрений. – Сколько времени на Проклятых берегах существует Удачный – и ни одна живая душа не додумалась продавать диводрево кому-либо, кроме его обитателей. Причем токмо и единственно в виде живых кораблей... Так в чем же тут подвох? Что, кусок диводрева должен быть непременно большим, чтобы благополучно ожить, – размером с корабль? Или его в соленой воде непременно надо вымачивать? Ну?

– Ну... это... просто... просто никогда такого не делали, и все тут. Удачный, чтобы ты знал, – вообще довольно странное место, Мингслей. У нас тут свои традиции, свои всякие сказки-побасенки, ну и суеверий разных хватает. Когда прашуры наши ушли из Джамелии и попробовали осесть на Проклятых берегах, многие из них... как бы это выразиться... пустились в такое рискованное предприятие единственно потому, что у них выбора-то особого не имелось. Одни с законом не в ладах оказались, другие покрыли тяжким позором фамильные имена, а третьи самому сатрапу в немилость попали. Такие вот дела. Что-то вроде ссылки, понимай. Им ведь при отбытии так и сказали: кто выживет – получит по двести мер земли на семью и полную амнистию относительно прошлых делишек. А еще нам сатрап тогдашний клятвенно обещал, что в дела новых поселенцев вмешиваться не будет. И что сможем мы едино-

лично торговать всякой всячиной, которую тут обнаружим. Ну а уж в благодарность за подобные милости пращуры сами выделили сатрапу во всех своих доходах половинную долю. И много-много лет все так честь честью и шло...

– А теперь амба, – издевательски хохотнул Мингслей. – Да разве мог такой договор хоть сколько-нибудь продержаться? Сатрапы, они тоже ведь люди. А нынешний, Касго, видать, заглянул в свои сундуки и нашел, что деньжат там маловато для того веселого образа жизни, к которому он по привычке, дожидаясь, пока батюшка приберется. Калсидийские травы, дарующие наслаждение, – они ведь не дешевенькие. К тому же привыкают к ним быстро, а раз привыкнув, на более слабые снадобья уже и смотреть не хотят. Вот он и решил продать право на торговлю в Удачном и вообще на Проклятых берегах. Кому? А мне. И моим друзьям. Что ж, мы купили. И прибыли сюда. А здесь, я смотрю, нас не очень-то ласково принимают. Вы тут себя так ведете, словно мы последнюю корку хлеба у вас решили отнять. Хотя всем давно пора бы понять: чем оживленней делается торговля, тем она прибыльней! Да что далеко ходить? Вот валяется здесь этот корабль. Никому совершенно не нужный. По крайней мере, ты так утверждаешь. И вот я его желаю купить. Хочу живые деньги заплатить владельцу, кто бы он ни был. Да и ты внакладе не останешься как посредник. А я получу здоровый кусок диводрева. Всем выгодно? Так в чем же загвоздка?

Мингслей умолк. Совершенный прислушивался к затянувшейся тишине.

– Хотя на самом деле я начинаю разочаровываться, – недовольно проговорил Мингслей. – Ты же хвастался, что корабль вроде давным-давно оживший. Я-то надеялся, что он с нами поговорит... Ты забыл предупредить меня, как славно над ним поиздевались. Может, это его и вовсе убило?

– «Совершенный» говорит только тогда, когда сам захочет, – был ответ. – А что он слышал – и сейчас слышит – каждое наше слово, я нисколько не сомневаюсь.

– Вот как? Эй, корабль! Ты что, в самом деле слышал каждое наше слово?

На это Совершенный промолчал, ибо не видел смысла что-либо говорить. Спустя некоторое время раздалось досадливое восклицание молодого человека. Судя по звуку шагов, он решил обойти корабль кругом. Его спутник последовал за ним. Он шагал неповоротливее и тяжелее.

Потом Мингслей заговорил снова:

– Увы, друг мой, должен тебе сказать, что это обстоятельство вынуждает меня существенно понизить цену, которую я собирался было дать за этот корабль. Я же, как ты помнишь, первоначально намеревался отделить носовую фигуру и увезти ее в Джамелию, а ожившее диводрево с выгодой распродать. Либо же, что даже более вероятно, преподнести его, ха-ха, в дар нашему сатрапу, чтобы он милостиво наделил меня кусочком земли, желательно просторней. Но в том виде, в каком пребывает изваяние, уж из диводрева оно сделано или нет, но худшей уродины я давно не видал. Какая муха укусила того, кто так изувечил ему лицо? Топором, что ли, рубили? Интересно, возьмется ли теперь какой-нибудь резчик хоть в относительный порядок его привести?

– Все может быть, – ответственал уроженец этих мест. Ему явно было не по себе. – Не знаю, впрочем, насколько это было бы разумно. Я-то, кстати, полагал, что тебя интересует «Совершенный» как он есть, а не только в качестве большого куса диводрева... И если припоминаешь, я тебя предупреждал: я еще не закидывал Ладлакам удочку насчет его продажи. Не хотелось, знаешь ли, переходить к делу, не убедившись сперва, что ты настроен серьезно.

– Да ладно тебе, Давад, не думал же ты в самом деле, что я уж настолько наивен? И хватит уже говорить об этой развалине как о живом существе. Это просто старый корабль, валяющийся на суше. И его нынешние владельцы, очень возможно, только обрадуются шансу избавиться от ненужного хлама. Был бы он еще способен к плаванию по морю – ой, не торчал бы он здесь, да еще на цепи!

– Да как тебе сказать... – Последовала долгая пауза, но все же Давад заговорил снова. – Я вообще-то полагаю, что даже Ладлаки навряд ли пожелают продать его, если узнают, что его предполагается распилить на кусочки. – Тут Давад набрал полную грудь воздуха. – Вот что, Мингслей, послушай доброго совета: не делай ты этого. Купить корабль и переделать его по себе – это одно, и ничего тут скверного нет, но то, о чем ты говоришь, – совсем другое. После такого ни одна из старых купеческих семей не пожелает с тобой дело иметь. А что до меня – я и вовсе по миру пойду.

– Значит, получше держи язык за зубами и поменьше болтай лишнего, когда пойдешь к ним с моим предложением. Бери пример с меня: я тоже не болтаю направо и налево о том, что вознамерился приобрести это корыто. – Голос Мингслея звучал снисходительно. – Знаю я, знаю, что купцы из Удачного под завязку набиты весьма странными суевериями. И у меня нету ни малейшего намерения над ними глумиться. Если мое предложение примут, я спущу корабль на воду и отбуксирую подальше, прежде чем разбирать. С глаз долой, как у нас говорят... Ну что? Удовлетворен?

– Да вроде, – буркнул Давад. Душа у него определенно была не на месте. – Да вроде бы...

– Ну и полно хмуриться, дружище. Вернемся же в город, и я угощу тебя обедом. У Зуски... Какой я щедрый, а? Я же знаю тамошние цены. И я видел тебя за едой! – Мингслей весело рассмеялся собственной шутке, но Давад не присоединился к нему. – А вечером, – продолжал молодой торговец, – ты отправишься в гости к семейству Ладлаков и самым что ни есть осторожным и осмотрительным образом изложишь им мое предложение. И все совершится ко всеобщему благу. Ладлаки получат свои деньги, ты – за посредничество, а мои поручители – изрядный запас очень ценного дерева. Кому, спрашивается, может быть плохо от такой сделки?

– Не знаю, – тихо ответил Давад. – Боюсь, однако, что тебе предстоит выяснить это самому. Веришь ты или нет, а только это полностью оживший корабль, и он, как у нас говорят, себе на уме. Начни рубить его на кусочки – тут-то он, я полагаю, так или иначе и выскажется. Мингслей беззаботно расхохотался.

– Ты, видно, хочешь подогреть мой интерес, Давад. Я-то тебя насквозь вижу, старый плут! Ладно, что тут торчать, поспешим лучше в город. Зуска нас уже ждет. Кое-кто из моих поручителей, кстати, хотел бы с тобой встретиться.

– Ты же сам только что настаивал на осмотрительности!

– Правильно, настаивал. И настаиваю. Но ты ведь не воображаешь, будто кто-то ссудит мне денег, полагаясь только на мое слово? Они хотят доподлинно знать, что именно мы покупаем. И у кого. Но им-то самим осторожности не занимать, я тебя уверяю.

Совершенный долго прислушивался к их шагам, постепенно затихавшим вдали, пока наконец последние отзвуки не растворились в шуме набегающих волн и криках чаек.

– Разрубить на кусочки. – Совершенный произнес это вслух, точно смакуя. – Звучит не слишком заманчиво. Но с другой стороны – все лучше, чем валяться здесь до бесконечности. Может, хоть это убьет меня наконец. Может быть...

Избавление. Долгожданное избавление... Совершенный вновь отпустил свои мысли на волю, в неторопливое плавание, с разных сторон обмозговывая возможность конца.

Ему все равно было больше нечего делать.

Глава 3

Ефрон Вестрит

Ефрон Вестрит умирает...

Роника вглядывалась в изможденное лицо мужа и пыталась свыкнуться с этой мыслью: Ефрон Вестрит умирает.

Временами в ней поднималась волна раздражения и настоящего гнева. Да как он мог, как он смел причинить ей такое?! Вот так взять и помереть – и оставить ее одну-одинешеньку разбираться со всеми делами?!

Она сама понимала, что за этими внешними всплесками крылось глубинное течение ее горя, незримое, непроглядное и готовое вот-вот утащить ее в бездну. Нет-нет, она не собиралась поддаваться отчаянию. Уж лучше раздражение и гнев. «Позже, – говорила она себе. – Позже, когда все останется позади и я со всем справлюсь. Вот тогда я дам волю чувствам и пусть у меня совсем опустятся руки. Позже...»

А пока ей оставалось лишь плотнее сжать губы – и делать, что надлежало. Смочив тряпицу в теплой воде, настоянной на ароматных бальзамах, Роника осторожно обтерла сперва лицо мужа, потом его вялые руки. Он чуть пошевелился под ее прикосновениями, но глаз не открыл. Она и не ждала, чтобы он проснулся. С утра она уже дважды поила его маковым сиропом, чтобы он не мучился болью. Оставалось надеяться, что сейчас он крепко спал и не чувствовал ничего. Оставалось надеяться...

Роника еще раз провела тряпицей по его бороде. Ах, эта неуклюжая Рэйч! Снова не уследила, и он весь перепачкался бульоном, пока ел... Нет, эта женщина просто не умеет стараться. Похоже, придется-таки отослать ее назад к Даваду Рестару. А жаль, девка-то сообразительная и молодая. Скверно получится, если для нее дело все же кончится рабством.

Давад просто взял и привел эту самую Рэйч однажды к ней в дом. Роника про себя подозревала, что Рэйч была ему либо дальней родственницей, либо гостьей. Во всяком случае, у нее был правильный выговор и неплохие манеры, свидетельствовавшие о благородном происхождении, хоть и проявлялось все это только в промежутках между приступами скорбного созерцания чего-то, для посторонних невидимого. Давад сам предложил Ронике взять девицу в услужение, туманно пояснив, что-де не смеет оставить ее у себя. Что именно тут крылось – он так и не объяснил, а от самой Рэйч и вовсе было мало толку. Не желала говорить на эту тему, и все. Так что, если отослать ее обратно к Даваду, он, скорее всего, пожмет плечами и отправит девку в Калсиду, где ее продадут в неволю. В Удачном же она хотя бы числилась не рабыней, а наемной служанкой. Что давало ей шанс снова выбиться в люди – стоило лишь как следует постараться. Увы, как раз со старательностью и усердием у Рэйч дела обстояли неважно. Пав волею судеб достаточно низко, она попросту отказывалась признать и принять случившуюся в ее жизни перемену. Да, она подчинялась приказам и делала, что велели. Но без всякого желания и подавно без рвения. Даже наоборот. Неделя шла за неделей, и Ронике продолжало казаться, что Рэйч выполняет свои обязанности все неохотней.

Вот, например, не далее как вчера Роника поручила ей присмотреть за Сельденом в течение дня. Так с каким потрясенным видом она это выслушала! Внуку хозяйки было всего-то семь лет, но Рэйч испытывала к нему необъяснимое отвращение. И, опустив глаза, с молчаливым упорством мотала головой, пока Роника, мысленно плюнув, не отослала ее на кухню. Не проверяет ли она, до каких именно пределов может дойти ее непослушание, прежде чем хозяйка взбеленится и накажет ее? Что ж, Роника Вестрит не из тех, кто бьет своих слуг или сажает их на хлеб и воду. Она действует проще, и Рэйч скоро сама в том убедится. Если ей уж так поперек горла жить в чистом и порядочном доме, где слуг кормят досыта и отнюдь не

перегружают работой, а госпожа милостива и терпима, – что ж, пускай отправляется обратно к Даваду, а там, глядишь, и на невольничий торг. Как знать, куда ее оттуда закинет судьба...

Жаль, однако. Задатки-то у девки неплохие.

И Давада жаль. Он, конечно, проявил доброту, прислав Рэйч к Ронике в услужение, но тем самым вплотную подошел к торговле рабами, зазорной для представителя старого купеческого рода. Какой срам! В самом деле, до чего докатились в наше время иные отпрыски старинных, некогда славных семейств!

Роника укоризненно покачала головой и постаралась выбросить Давада с Рэйч из головы. Ей было о чем поразмыслить и помимо кислой физиономии Рэйч да незавидной судьбы Давада Рестара, готового вот-вот замарать руки незаконным промыслом.

Но это все мелочи. Ее Ефрон лежал при смерти...

Эта мысль была вроде занозы в босой ноге, которую никак не удастся обнаружить и вытащить. И которая при каждом шаге напоминает о себе болезненным уколом.

Ефрон умирал. Ее неустрашимый здоровяк муж, некогда пригожий молодой капитан, неутомимый любовник и отец ее детей, опора семьи... И вот этот-то могучий человек буквально рассыпался прямо у нее на глазах. В одночасье он превратился из пышущего жизнью богатыря в беспомощный комок скрученной страданием плоти, исходящей стонами и потом. Помнится, когда они поженились, она, юная невеста, пальцами обеих рук не могла обхватить широченное запястье жениха... Куда подевалась теперь вся эта мощь? Торчащие кости, обвисшая кожа... Роника вгляделась в лицо мужа. С него сошел весь загар, оно было едва ли не блее подушки. Только волосы были по-прежнему черными, но и они утратили прежний блеск, сделавшись совсем тусклыми. Теперь они блестели лишь от болезненного пота.

Трудно было поверить, что это тот самый Ефрон, которого она знала и любила целых тридцать шесть лет.

Она отодвинула в сторону тряпицу и тазик с водой. Она знала – ей следовало бы уйти и оставить его отдыхать. Она все равно ничего больше не могла для него сделать. Она умывала его, поила снадобьями от боли, хранила его покой. А ведь когда-то... Как они строили планы на будущее, как до самого рассвета дурачились и болтали в постели, в просторной супружеской постели! Отброшены прочь душные одеяла, все окна распахнуты настежь, и морской бриз гуляет по комнате, не зная преград...

«Вот вырастут наши девчонки, – бывало, обещал ей Ефрон, – повыскакивают замуж, начнут собственные гнездышки вить... Вот тогда-то, любовь моя, мы и поживем наконец для себя. Знаешь, куда я тебя повезу? На острова Благовоний! Только представь себе: целых двенадцать месяцев чистейшего морского воздуха – и совсем никаких дел, кроме как быть любимой подругой капитану! И когда мы прибудем на острова, мы не поспешим набить трюмы и пуститься в обратный путь. Не-ет, мы еще отправимся с тобой в Зеленые горы! Есть там один вождь, мой добрый приятель, он все зовет меня приехать в гости и пожить у него в деревне. Представь, милая: мы садимся на тамошних забавных маленьких осликов и забираемся по тропе высоко-высоко, к самому небу».

А она отвечала ему:

«Это все хорошо, но я лучше бы пожила с тобой здесь, дома. Как я хотела бы, чтобы ты целый год никуда не уезжал! Весной мы бы съездили в наше имение, то, что стоит на холмах; ты же ни разу не видел, как тамошние деревья сплошь покрываются оранжевыми цветами, так что ни единого листочка не видно! А потом я бы уговорила тебя один-единственный раз в жизни пострадать ради меня и вытерпеть со мной вместе сезон сбора мейфа. Мы вставали бы каждый день до рассвета и будили работников, ведь зрелые бобы надо собирать до восхода, пока лучи солнца еще не заставили их сморщиться. Мы с тобой женаты вот уже тридцать шесть лет, а ты ни единого разу не помогал мне убирать мейф! Только подумай, сколько весен прошло, а

ты даже не видел, как зацветает наше свадебное дерево, как распускаются его бутоны, разворачивая благоуханные лепестки...»

«О чем спорить? – смеялся Ефрон. – Нам с тобой на все времени хватит. Вот вырастим девочонок да с долгами расплатимся, и тогда-то...»

«И тогда-то, – шутливо грозила она, – я запру тебя дома и целый-прецелый год ты будешь моим, только моим!»

«Целый год в моем обществе! – пугал он ее. – Ну и надоем я тебе! Небось рада до смерти будешь выпроводить меня назад в море и отоспаться в покое!»

Роника бессильно уронила голову на руки. Она исполнилась-таки, ее давняя мечта оставить мужа дома на целый год, но иначе как злой насмешкой судьбы такое исполнение желания назвать было нельзя. И он в самом деле до смерти ей надоел – вечно кашляющий, ставший капризным. Он трясся в лихорадке, лежа в постели, а когда мог сидеть – целыми днями смотрел в окошко на море. «Надеюсь, у него хватит ума взять рифы!»¹⁸ – ворчал Ефрон, если на горизонте появлялась непогожая туча, и Роника понимала, что мысли его были далеко – с Альтией и «Проказницей». Как он переживал, что пришлось доверить корабль Кайлу! Он ведь даже собирался отдать командование Брэшену, этому беспутному мальчишке. Долгие недели Роника уговаривала мужа, объясняя ему, как нелепо выглядело бы это в глазах горожан. Другое дело Кайл! В отличие от Брэшена, не чужой человек для семьи. И капитаном был на трех других кораблях. Зарекомендовал себя, стало быть. Если обойти его и поставить на «Проказницу» Брэшена... страшно подумать, какая пощечина зятю, да и всему его семейству! Хэвены, конечно, не самый древний купеческий род Удачного, но тоже все-таки не вчера здесь поселились. Почтенные, уважаемые люди... И у Вестритов в последнее время дела шли не настолько успешно, чтобы кого-то отталкивать от себя.

В общем, прошлой осенью Роника уговорила-таки мужа отдать свою драгоценную «Проказницу» Кайлу и отдохнуть от походов, чтобы его легкие хоть немного окрепли.

И поначалу он будто бы пошел на поправку. Когда над Удачным нависло тяжелое зимнее небо и улицы замело снегом, Ефрон вроде бы перестал кашлять. Вот только с этой поры у него ни на что не было сил. Сперва он просто время от времени останавливался перевести дух, прохаживаясь по дому. Потом он уже не мог без передышки добраться из спальни в гостиную. А к весне и эти-то два шага не мог одолеть, если не опирался на ее руку.

Началось медленное угасание...

Вот так и вышло, что он увидел-таки, как расцветает их свадебное дерево. В те дни наконец установилось тепло, и было несколько недель зыбкой надежды: Ефрону не делалось лучше, но и хуже не становилось. Они вдвоем рукодельничали: она сидела у его постели и шила либо разбиралась с бумагами, а он – морская душа – обтачивал раковины или плел веревочные половички. Они опять строили планы на будущее, и у него все разговоры были только об Альтии и о корабле. Она старалась не возражать больному, но и прийти к согласию по поводу дочери они не могли. Что ж, ничего нового в том не было. Об Альтии они спорили с того самого дня, как она у них родилась.

Ефрон ну никак не мог признаться, что сам, своими руками испортил их младшую девочку. Все верно, Кровавый мор одного за другим унес их сыновей... Ах, эти жуткие годы, когда свирепствовала зараза! Даже теперь, спустя почти двадцать лет, от одного воспоминания болезненно сжималось сердце. Три сына, три чудесных мальчика – все в одну неделю. И Кефрия едва-едва выжила. Роника думала, они с мужем сойдут с ума, беспомощно наблюдая, как злая судьба обрывает с древа их рода все мужские цветы. Так и вышло, что Ефрон обратил все

¹⁸ *Взять рифы, зарифить паруса* – уменьшить площадь парусов с помощью специальных приспособлений. Это мера безопасности в преддверии непогоды, т. к. слишком сильный ветер может разорвать паруса и даже сломать мачты. В частности, рифами называются особые завязки, расположенные горизонтальными рядами на полотнище паруса и позволяющие оперативно его подогнуть.

свои надежды на еще не рожденное их дитя, пережившее страшный мор в надежном убежище материнской утробы. Он сдувал с жены пылинки (что не очень-то водилось за ним во время ее прежних беременностей) и даже на целые две недели отсрочил очередной выход в море, чтобы всенепременно быть дома, когда младенец появится на свет.

Родилась девочка, и Роника ждала от мужа горьких упреков. Их не последовало, зато Ефрон принялся что было сил воспитывать из девочки мальчишку. Можно подумать, он серьезно надеялся преуспеть. Своенравие и упрямство маленькой Альтии приводили Ронику в отчаяние, но он был в восторге: «Вся в меня! Вот это характер!» Любящий родитель ни в чем ей не отказывал, и, когда она однажды потребовала, чтобы он взял ее с собой в море, даже это далеко не девическое желание было исполнено. То плавание было коротким. Роника встречала корабль на пристани, будучи уверена, что вот сейчас ей придется утешать зареванную дочь, досыта нахлебавшуюся тягот и неудобств жизни на корабле... Ничуть не бывало. Босоногая, остриженная чуть ли не наголо Альтия висела на снастях, словно маленькая черноволосая обезьянка, и пребывала в полном восторге. С тех пор она неизменно ходила в море вместе с отцом.

А теперь вот даже и без него...

Об этом они с Ефроном также не сумели договориться. Она и так-то едва сумела уговорить его полежать дома, а если бы не замучившая боль, он нипочем не поддался бы на ее уговоры. И вот он остался. Само собой разумеется, думалось Ронике, что Альтия останется тоже. Да и что ей, спрашивается, делать на корабле без отца? Но когда она сказала об этом Ефрону, он пришел в ужас.

«Наш фамильный живой корабль – и чтобы на борту не было никого из нашей семьи? Ты вообще понимаешь, женщина, о чем говоришь?»

«Но ведь „Проказница“ еще не пробудилась, – разумно возразила она. – Да и с Кайлом мы как-никак породнились. Они с Кефрией почти пятнадцать лет вместе, неужели этого недостаточно? Да и Альтии не повредит дома посидеть. Хоть кожу и волосы в порядок приведет, а потом покажется в городе. Ей замуж пора, Ефрон. А какие женихи, когда она все время в море с тобой пропадает? Кто ее там разглядит? Она в городе-то появляется хорошо если два раза в год, то на весеннем балу, то на празднике урожая, ее в лицо даже не знают! Молодые люди из приличных семей ее всего чаще видят в этих ужасных штанах и матросской жилетке. Волосы заплетены вкривь и вкось, а кожа, как... как шкура дубленая! Разве так дочек замуж готовят, если хотят их удачно пристроить?»

«Удачно пристроить? А может, лучше все-таки по любви? Ты вспомни, как мы с тобой поженились. Или посмотри на Кефрию с Кайлом. Не забыла, какие были в городе пересуды, когда я позволил новоиспеченному капитану, да притом еще калсидийцу, ухаживать за своей старшей дочкой? Но я-то знал, что он справный мужик, да и ей запал в сердце... вот они и живут себе – не печалются. И детки один к одному, крепенькие... Нет, Роника. Если держать Альтию на привязи, припудривая и напомаживая, чтобы вернее понравилась жениху... не тот это будет жених, которого я для нее пожелал бы. Пусть ее разглядит тот, кому по сердцу придется девчонка сильная и с характером! Всяко-разно ей уже скоро придется вести замужнюю жизнь, быть в доме хозяйкой... матерью и женой. И я очень сомневаюсь, что домашнее затворничество придется ей по душе. Так пускай наслаждается вольной жизнью, пока это возможно».

Столь длинная речь исчерпала все его силы; задыхаясь, он откинулся на подушки и долго не мог выговорить ни слова.

И Роника волей-неволей проглотила свой гнев. А ведь ее до глубины души возмутило, с каким пренебрежением говорил он о ее образе жизни. И еще она чувствовала определенную ревность: с какой стати ее дочери были позволены все те вольности, которых она, Роника, не видела никогда?

Но она не упомянула даже о том, что при нынешнем положении семейных дел Альтии следовало бы думать не о замужестве по любви, а именно о том, чтобы удачно пристроиться.

Право же, сумеи они в свое время внушить младшей дочери побольше смирения, можно было бы попробовать выдать ее за кого-нибудь из их кредиторов – и в качестве свадебного подарка тот простил бы долг их семье... Подумав об этом, Роника хмуро покачала головой. Нет. С этим в любом случае ничего бы не вышло. Ефрон переспорил ее, как только он один и умел. Она ведь вышла за него потому, что влюбилась без памяти. И Кефрию в свое время сразило обаяние светловолосого Кайла... А значит – какие бы несчастья ни грозили семье, Роника всем сердцем надеялась: Альтия выйдет замуж только за того, кого вправду полюбит.

И вновь, подперев рукой голову, Роника с тоской и отчаянной надеждой всматривалась в иссушенное болезнью лицо человека, которого по-прежнему продолжала любить.

Послеполуденный свет вливался в окно, беспокоя больного, и Ефрон морщился. Роника тихонько поднялась и поправила занавеску. Все равно вид из окна больше не доставлял ей удовольствия. А как радовалась она когда-то, глядя на мощный ствол и крепкие ветви их свадебного дерева! И вот теперь – а стояла середина лета – оно торчало посреди сада, нагое, точно скелет... По спине Роники пробежали мурашки, и она плотней задернула шторы.

Этой весной Ефрон так ждал, чтобы их дерево зацвело. Его бутоны никогда прежде не поражала болезнь, но нынешний год был, видно, неудачным во всем. Долгожданные цветки внезапно побурели и осыпались наземь. Ни один не раскрылся и не порадовал их своим ароматом, наоборот – в саду гнили лепестки, и их запах напоминал погребальные благовония. Ни Роника, ни Ефрон не усмотрели в этом недоброго знамения – по крайней мере, вслух ничего не сказали. Они с ним и особо-то набожными никогда не были. Но в скором времени Ефрон опять начал кашлять. Сухим таким кашлем, не приносящим мокроты. А потом однажды он утер платком рот... и недоуменно нахмурился, увидев на белой материи кровь.

Нынешнее лето казалось Ронике бесконечным. В жаркие дни Ефрон невероятно страдал. Он сам говорил, что дышать влажным горячим воздухом для него все равно что захлебываться собственной кровью – и словно бы в доказательство этих слов отхаркивал целые сгустки. Он страшно исхудал, но не испытывал ни желания, ни физической потребности принимать пищу... И тем не менее они упорно избегали разговоров о смерти. Тень неминуемого конца и так покрывала весь дом, давя ошутимее летней жары; говорить о смерти значило еще более сгущать эту тень.

Тихо пройдясь по комнате, Роника взяла маленький столик и поставила его рядом с креслом, в котором сидела у постели мужа. Принесла перо, чернильницу, книги хозяйственных приходов-расходов и несколько расписок, которые следовало туда занести. И, сосредоточенно хмурясь, приступила к работе. Расчеты, записанные на книжных страницах ее аккуратным мелким почерком, в целом ничего радостного не сообщали. А ведь Ефрон, проснувшись, непременно пожелает в них заглянуть. Годами он почти не интересовался ни их фермами, ни садами, ни другими владениями. «Я тебе полностью доверяю, дорогая, – говорил он, когда она пыталась поведать ему о снедавних ее тревогах. – Мое дело – корабль, и уж я постараюсь, чтобы под моим началом он не вводил нас в расход. А обо всем остальном, я не сомневаюсь, ты и сама позаботишься».

Такое доверие мужа и радовало, и слегка пугало ее. Вообще-то не было ничего особо необычного в том, чтобы замужняя женщина распоряжалась бывшим своим приданым, и многие жены потихоньку управляли имениями побогаче, чем выпало ей; но вот то, что Ефрон Вестрит открыто и прилюдно передоверил молодой жене практически все свои хозяйственные дела, – от этакой новости Удачный не скоро очухался. Времена первопоселенцев давно миновали, женщинам более не считалось приличным совать нос в денежные дела... годится ли возрождать отживший древний обычай? Старые купеческие семьи Удачного обыкновенно двумя руками были за нововведения, но по мере того как они богатели, становилось все более модным «освободить» женщин от столь скучных занятий. Теперь их участие в деловой жизни семейства считалось и глупостью, и едва ли не признаком плебейства.

Словом, Роника отлично понимала: муж вручил ей не только фамильное достояние, но и само свое доброе имя. И она поклялась, что ничем его доверия не обманет. И более тридцати лет их обширное и богатое хозяйство действительно процветало. Случалось всякое: и неурожайные годы, и заморозки, губительные для посевов, и вредные поветрия... но всякий раз что-нибудь выручало. Если вымерзали поля, то фруктовые сады с лихвой окупали утраченное. А если, в свою очередь, с ними приключалось несчастье – овечьи стада приносили замечательный приплод и давали чудесную шерсть... Так что, если бы не висел над ними громадный долг за постройку «Проказницы», завещанный старшими поколениями, – быть бы Вестритам в родном городе первыми богачами. Но и при всем том они успешно сводили концы с концами, а несколько лет оставались даже и с неплохой выгодой.

Только последние пять лет все шло наперекосяк. Раньше они жили более-менее на широкую ногу, теперь же довольно стесненно, а последнее время дела внушали – Ронике по крайней мере – настоящее беспокойство. Деньги исчезали едва ли не быстрее, чем появлялись, и никак не получалось вовремя расплачиваться с долгами; Роника то и дело просила отсрочки – когда на день, а когда и на неделю. И все чаще ей приходилось просить совета у мужа. А у него совет был обыкновенно один: «Продавай то, что стало невыгодным, тогда верней спасешь остальное». Но вот с этим-то и получалась загвоздка. Большая часть полей и садов приносила ничуть не худшие урожаи, чем во все прошлые годы. Беда была в том, что рынок заполнили дешевое зерно и фрукты, выращенные в Калсиде на дармовом рабском труде. Тогда как торговлю здорово подкосила война красных кораблей, бушевавшая на севере, и бесчинства трижды проклятых пиратов – на юге. Товары, отгруженные для продажи, не прибывали по назначению. Соответственно, не было и ожидаемой прибыли. Роника страшно боялась за мужа и дочь, постоянно болтавшихся в море, но Ефрон, кажется, опасался пиратов не больше, чем скверной погоды. «Морской капитан, – говаривал он, – на то и капитан, чтобы любые трудности одолевать!» Возвращаясь домой, он всякий раз повергал ее в ужас леденящими кровь историями о том, как они удирали от разбойничьих кораблей, но все его страшные рассказы неизменно оканчивались благополучно. Ни одному пиратскому судну не угнаться за живым кораблем! Роника пыталась объяснить ему, как скверно отражалась война и пиратский разбой на той части их хозяйства, которая не имела отношения к морю. Он на это лишь смеялся и отвечал ей, что, мол, они с «Проказницей» будут тем усердней трудиться – пока положение не выправится. Он желал видеть только то, что его плавания по-прежнему успешны, а урожаи хлеба и фруктов все так же изобильны. Ронику приводило в отчаяние это его обыкновение – кратенько объехать какую-то часть фамильных имений... заглянуть одним глазом в амбарные книги, которые она так скрупулезно вела... и снова умотать вместе с Альтией на корабль. А ее оставить латать дыры.

Лишь однажды она набралась смелости и предложила ему – а не вернуться ли им к торговле в верховьях реки Дождевых чащоб? У них ведь было для этого все: и право торговать там, и необходимые связи, и живой корабль. Тем более что дед и отец Ефрона ровно таким образом всего чаще и добывали ценный товар. Увы, со времени Кровавого моря Ефрон начисто отказался плавать туда. Спрашивается – почему? Не было неопровержимых свидетельств, чтобы ужасная хворь явилась именно из чащоб. Кто вообще мог сказать, какими путями распространяются болезни? Так стоит ли себя обвинять, а тем более – отсекал проверенный источник дохода?

Ефрон отказался. Да еще и заставил ее пообещать, что она более никогда не упомянет о Дождевых чащобах и плаваниях туда. Нет, он ничего не имел против торговцев, приезжавших оттуда. И товары у них были замечательные, невиданные, необыкновенные. Ефрон просто вбил себе в голову, что не может человек торговать магическими предметами, не платя за это тяжкую цену. И готов был лучше пойти по миру, чем поплатиться опять.

И Роника рассталась сперва с яблоневыми садами, и с ними ушел маленький винный заводик – предмет ее гордости. Потом настал черед виноградников. Она тяжело перенесла эту потерю. Ведь она их купила, когда они с Ефроном еще были молодоженами, то была ее первая крупная покупка, и она не уставала ей радоваться. И все же глупо было цепляться за них, и у нее хватило ума это понять. Вырученных денег хватило, чтобы продержаться почти целый год. Но затем последовала новая продажа... И опять, и опять...

Война и пираты держали Удачный буквально в петле, и эта удавка затягивалась. Роника сгорала от стыда: родовое достояние кусочек за кусочком уплывало в чужие руки, а она ничего не могла поделать. Она была урожденная Керрок; Керроки, как и Вестриты, были из числа первопоселенцев Удачного, то есть одной из старейших купеческих фамилий. Роника видела, как старинные семейства одно за другим шли ко дну, а в Удачном появлялись новые, молодые, энергичные купцы-чужаки. Они перекупали у прежних владельцев наследные особняки и вековые владения и во всем заводили свои порядки, не такие, как прежде. Они принесли в Удачный невиданную прежде работоторговлю. Сперва невольничьи корабли просто останавливались здесь на пути к державам Калсиды. Потом рабов начали покупать и продавать. А теперь эта разновидность торговли, ранее считавшаяся незаконной и непристойной, едва ли не вытесняла все остальные. Да к тому же часть купленных рабов так и оставалась в Удачном. Все большее число хозяев находило выгодным использовать в своих угодьях невольничий труд. Ну, конечно, никто пока еще в открытую не называл рабов рабами, на слуху были только «наемные работники». Но всем было отлично известно, что таких «работников», не показывавших должного рвения и сноровки в труде, запросто отправляли в Калсиду, и уж там-то... У многих из них и так красовались на лицах невольничьи татуировки – еще один калсидийский обычай, широко распространившийся в Джамелии и ныне грозивший укорениться в Удачном. «Уж эти мне „новые купчики“, – подумала Роника неприязненно. – Хоть они и приезжают на кораблях из Джамелии, но Калсидой от них разит – хоть нос затыкай».

В Удачном еще действовал закон, запрещающий держать рабов, – ну разве что как товар, предназначенный для продажи. Новых купчиков этот закон волновал всего менее. Взятка там, взятка тут – и чиновники сатрапа на все смотрели сквозь пальцы. Так и получалось, что они в упор не видели самых настоящих рабов, предпочитая именовать татуированную, закованную в цепи толпу «наемными работниками». Совет старых купеческих фамилий пытался возмущаться, но без толку. Рабы же помалкивали – им-то было вовсе невыгодно вслух объявлять об истинном положении дел. А торговцы, принадлежавшие к старинным семействам, вслед за новыми купчиками начинали поплевывать на не терпящий рабства закон. «Вот и Давад Рестар туда же», – с горечью подумала Роника. Наверное, Давад просто крутился как мог, чтобы удержаться на плаву в непростые нынешние времена. Он ведь почти так и выразился в прошлом месяце, когда она вслух пожаловалась при нем – беспокоится, мол, за судьбу своих пшеничных полей! И тогда Давад – не прямо, а обиняками, – намекнул-таки ей, что она вполне может выкрутиться, поставив на эти поля работать невольников. Он даже дал ей понять, что рад будет сам все устроить. За долю малую в прибылях...

Ронике вспоминать не хотелось, как близка была она к тому, чтобы поддаться искушению и принять столь заманчивое предложение.

Она привносила в амбарную книгу последнюю навевающую тоску запись, когда шорох юбок Рэйч заставил ее поднять голову от работы. Вид служанки никакого удовольствия ей не доставил; смесь обиды и гнева, коей было постоянно отмечено лицо Рэйч, успела до смерти надоесть ей. Кажется, девица полагала, будто хозяйка обязана так или иначе устраивать ее, Рэйч, жизнь. Как будто мало было Ронике умирающего мужа на руках и хозяйства, начинающего трещать по всем швам! То есть Роника не сомневалась, что Давад руководствовался самыми лучшими побуждениями, посылая Рэйч ей в услужение, и все же порою ей очень хотелось, чтобы та взяла и просто исчезла. Увы, благовидного способа избавиться от нее не было.

А отослать назад к Даваду и, следовательно, в Калсиду – не хватало духу. И Ефрон никогда не одобрял рабства... Про себя Роника полагала, что большинство рабов сами были причиной собственной участи, а значит не стоило их особо жалеть. И все-таки обречь женщину, помогавшую ухаживать за ним во время болезни, на уже окончательную неволю – это было бы некрасиво по отношению к Ефрону с ее стороны. Хотя, если честно, помощи-то от Рэйч не было почти никакой.

Войдя, девица, по своему обыкновению, молча замерла посреди комнаты.

– Ну? – спросила Роника раздраженно, зная, что иначе Рэйч так и будет стоять статуей.

Та промямлила:

– Давад к тебе пришел, госпожа.

– Господин торговец Рестар, ты хочешь сказать?

Рэйч молча кивнула – да, дескать, он самый. Роника хотела было сделать ей строгое внушение, но одумалась. Все равно без толку.

– Я приму его в гостиной, – сказала она Рэйч.

Та хмуро посмотрела мимо хозяйки. Роника оглянулась и увидела Давада, уже стоявшего на пороге. Он, как обычно, выглядел безукоризненно ухоженным, но, как всегда, все в его облике было чуть-чуть неправильно, чуть-чуть не на месте. Штаны самую капельку оттопыривались на коленях. Расшитый дублет был зашнурован чуть туговато – ровно настолько, чтобы намечающийся животик превратился в выпирающее брюхо. Темные волосы были завиты кольцами и напوماжены, вот только завивка успела распрямиться, а обилие помады превратило кудри в сальные свисающие косицы. Да и сохранись его прическа в целости, она больше подошла бы кому-нибудь существенно моложе...

Роника все же нашла в себе силы улыбнуться в ответ. Отложив перо, она закрыла учетную книгу, в которой делала записи, и про себя понадеялась, что чернила успели высохнуть. Она хотела было подняться навстречу гостю, но Давад махнул рукой – сиди, сиди, мол. Еще один едва заметный жест – и Рэйч словно ветром вынесло из комнаты, а Давад проследовал к постели больного, чтобы, смирив обычно громкий голос, спросить:

– Как он?

– Как видишь, – тихо ответила Роника.

Сделав усилие, она отрешилась от раздражения (надо ж было ему являться приветствовать ее в самую комнату Ефрона!) и неловкости (скверно, что он застал ее за очередными горестными подсчетами, с рукой, запачканной чернилами, и морщинами сосредоточения на лице). Роника была уверена – Давад хотел как лучше. Не очень, правда, понятно, как он умудрился так и не усвоить элементарных правил вежливости, – а ведь был отпрыском одной из хороших старых семей. Вот и сейчас он, не спрашивая позволения, пододвинул себе кресло и уселся по ту сторону постели Ефрона. Скрип, произведенный ножками кресла о пол, заставил Ронику вздрогнуть. Ефрон, впрочем, не пошевелился. А тучный торговец, усевшись, кивнул на ее конторские книги и этак по-свойски поинтересовался:

– Ну и как идут дела?

– Думаю, не хуже и не лучше, чем у большей части купечества в последние годы. – Она не собиралась удовлетворять его любопытство. – Война, мор и пиратские набеги по всем нам жестоко прошли... – И добавила, пытаясь-таки воззвать к остаткам хороших манер: – Ты-то как поживаешь, Давад?

Он со значением опустил пятерню на круглый животик.

– Грех жаловаться. Я вот, знаешь ли, только что от Фуллерьона; ох и объелся же! Беда только, тамошний повар сыплет пряности горстями во все, что ни готовит, а Фуллерьон вечно забывает предупредить... – И Давад с видом мученика откинулся в кресле. – Увы, долг вежливости требует есть, что дают!

Роника подавила новый приступ раздражения и кивнула на дверь:

– Пойдем лучше поговорим на террасе. А пищеварению твоему как раз поможет стаканчик пахты... – И она сделала движение встать, но Давад и не пошевелился.

– Нет-нет, – сказал он, – спасибо, не трудись. Я заглянул-то ведь ненадолго... Вот от чего не отказался бы, так это от стаканчика вина. Помнится, у вас с Ефроном всегда был лучший во всем городе погребок!

Она ответила без обиняков:

– Дело в том, что я не хотела бы беспокоить Ефрона.

– Ладно, постараюсь говорить тихонько. Хотя, правду тебе сказать, я лучше сделал бы это предложение самому Ефрону, а не его супруге. Как по-твоему, он скоро проснется?

– Нет. – Роника сама почувствовала, что ее тон сделался резковатым, и слегка кашлянула, притворившись, будто во всем виновато пересохшее горло. – Но если ты пожелаешь рассказать мне об этом твоём предложении, я все передам Ефрону... как только он проснется.

Она сделала вид, будто пропустила мимо ушей его более чем прозрачный намек насчет вина. Как говорится, пустячок – а приятно. Она давно уже привыкла находить удовлетворение в таких вот мелочах.

– Конечно, конечно, – закивал Давад. – Тем более что весь Удачный давно уже знает, что ты держишь в руках завязки его кошелька! Он так тебе доверяет!

– Так что там за предложение?

– Легко догадаться, что оно исходит от Фуллерьона. Подозреваю, он пригласил меня у него отобедать именно ради того, чтобы я стал в его деле посредником. Эта едва оперившаяся мелюзга, понимаешь ли, отчего-то воображает, будто мне делать больше нечего, кроме как болтаться между ней и приличными семьями города. Я бы непременно сказал ему это прямо в лицо... если бы мне не показалось, что вы с Ефроном можете здорово выгадать. Дело, понимаешь ли, такого рода, что вроде как и не хочется восстанавливать Фуллерьона против вас и себя. Он, конечно, всего лишь жадный новый купчишка, но... – Давад многозначительно пожал плечами, – без таких, как он, в Удачном нынче никакой каши не сваришь.

– Ну и в чем состояло его предложение?

– Ах да. Ваши нижние земли. Он хотел бы купить их.

Говоря так, Давад обшарил взглядом блюдо с печеньем и фруктами, которое Роника постоянно держала у постели Ефрона. Выбрал сладкую плюшку и отправил ее в рот.

– Но ведь... – пробормотала Роника потрясенно, – но ведь это же часть коренных земель, изначально пожалованных семейству Вестритов! Сатрап Эсклепис сам... самолично...

– Правильно, правильно, я тоже отлично понимаю особое значение подобных земель. Но ты объясни это новым купчикам вроде Фуллерьона... – умиротворяюще начал было Давад.

– Ты сам кое-что пойми, – рассердилась Роника. – Именно пожалование этих самых земель дало право Вестритам называться старинным семейством! Они были неотъемлемой частью соглашения, которое сатрап заключил с торговцами! Помнишь? «Двести мер земли каждому, кто отправится на север и устроится жить на Проклятых берегах, презрев опасную близость реки Дождевых чащоб!» В те времена небось не так много отыскалось желающих! Все были наслышаны о том *странном*, что течет по реке вместе с водой! Так вот, те самые нижние земли, а с ними законный пай в торговле на реке Дождевых чащоб и сделали Вестритов настоящим торговым семейством! И ты вообразил, будто мы так просто возьмем и расстанемся с нашими изначальными землями?!

– Не учи меня нашей истории, Роника Вестрит, – мягко упрекнул ее Давад. И взял с блюда еще одну плюшку. – А то я тебе напомним, что мои предки явились и осели здесь в те же самые дни. Семейство Рестаров ни в чем не уступит Вестритам. И я отлично знаю, что означают для всех нас изначально пожалованные земли.

– А коли так, – разгоряченно осведомилась она, – как тебе в голову-то пришло явиться к нам с таким предложением?

– Да вот так. Видишь ли, половина города только и говорит что о вашем с Ефроном бедственном положении. Посуди сама, женщина! У вас средств не хватает нанять работников и возделывать эти земли как следует. А у Фуллерьона – с избытком. Да к тому же, купив эти участки, он станет достаточно крупным землевладельцем и сможет претендовать на место в городском Собрании. Между нами, я полагаю, он именно этого и добивается, так что ему, в общем, все равно, какие земли приобрести... хотя он и нацелился именно на нижние. Ну не хочешь с ними расставаться – предложи ему другие какие-нибудь; может, он и их купит... – Вид у Давада был недовольный. – Ваши пшеничные поля, например. Вам все равно самим с ними не справиться.

– Чтобы он место в Собрании получил? И сразу проголосовал за рабство в Удачном? Навез рабов и отправил их на поля, которые у меня купит... и продавал зерно по ценам, с которыми я не смогу состязаться... Я, и ты, и другие честные торговцы из старых семейств. У тебя что, ум за разум зашел, Давад Рестар? Ты что, не понимаешь: если я приму подобное предложение, я предам не только Вестритов, но и нас всех! И так уже в нашем Собрании столько развелось жадных новых купчиков, что совету старых семейств едва удастся в узде их держать! В общем, если твой выскочка Фуллерьон и получит там место, то не из моих рук!

Давад собрался было спорить, но сделал над собой видимое усилие – и не стал. Лишь сложил руки на коленях.

– Так или иначе это все равно произойдет, – сказал он, и Роника услышала в его голосе неподдельное сожаление. – Дни старых семейств клонятся к закату. Война, пираты, иные несчастья – все это здорово подорвало наше благополучие. Новые купчики налетели и жрут нас, как мухи – подбитого кролика. И ведь сожрут. Всю кровь выпьют. Они понимают, что нам не выстоять без их денег, и вынуждают нас распродавать по дешевке все то, за что мы расплачивались так дорого... в том числе кровью... жизнями наших детей...

Его голос дрогнул, и Роника запоздало припомнила: в год Кровавого моря Давад не только похоронил всех детей, но и остался вдовцом. И так и не женился снова.

– Это все равно произойдет, Роника, – повторил он. – Хотим мы того или нет. Устоят и выживут те из нас, кто сумеет приспособиться к переменам. Мы ведь когда-то это умели. Наши пращуры, основавшие Удачный, голодали, были бедны. Что с ними случилось бы, не сумей они приспособиться? А мы утратили это свойство. Мы теперь воплощаем в себе все то, от чего они бежали сюда. Мы разжирили, заостенели и мертвой хваткой держимся за так называемые традиции. Ты думала когда-нибудь, отчего мы с таким высокомерным презрением смотрим на этих новых купчиков, нахально влезших в наш город? А оттого, что уж очень они похожи на нас самих – тех, прежних. На тех самых пращуров, о которых мы теперь рассказываем легенды.

Был миг, когда Роника едва ли не приготовилась с ним согласиться. Но потом ее подхватила новая волна гнева:

– На нас? Да чем же они похожи на купцов славной старины? Тех я назвала бы волками, бесстрашными и благородными, а они – гнусные падальщики! Когда родоначальник Керроков ступил на это побережье, он ведь рисковал всем! Он отдал все, что имел, за место на корабле! Да еще заложил в пользу сатрапа половину всех доходов, которых мог добиться в последующие двадцать лет! И ради чего? Ради земельного надела и права на торговлю. Земель брали столько, сколько могли взять. И торговали всем, что здесь находилось и могло привлечь покупателя. Благодать, верно? Но не забудем, что селиться и торговать предстояло на побережье, которое столетиями именовались Проклятым, и не зря, ибо даже боги не желали претендовать на эти места. И мы полной мерой хлебнули здешнего лиха. Взять хоть хворобы, о которых никто прежде даже не слышал. Или колдовской морок, от которого люди сходят с ума. Да еще это проклятие, из-за которого половина наших детей рождались не вполне человеческими существами...

Тут Давад резко побледнел и замахал руками, призывая ее замолчать, но Роника беспощадно гнула свое:

– Ты способен представить себе, Давад, что это значит для женщины – девять месяцев носить под сердцем младенца, со страхом гадая, кто появится на свет – то ли долгожданный наследник, то ли уродливое чудовище, которое ее мужу еще и придется задушить собственными руками? Или этакая помесь – не совсем монстр, но и определенно не человек? Ты ведь должен знать, каково приходится родителю. Твоя Дорилл, мне помнится, была беременна трижды, а детей у тебя насчитывалось всего двое.

– Да и тех унес Кровавый мор... – срывающимся голосом прошептал Давад. Нагнулся вперед в кресле – и спрятал в ладонях лицо.

Ронику обожгло стыдом за все, что она сейчас наговорила. Ей стало до смерти жаль этот по сути несчастный человеческий обломок, у которого не было даже жены, способной правильно зашнуровать его дублет и устроить выволочку портному за скверно сшитые штаны. Было горько за всех, родившихся в Удачном, чтобы в конце концов в Удачном же и помереть, а до тех пор исполнять завет пращуров, увенчанный проклятием этой земли. И самым худшим, пожалуй, было то, что они успели полюбить свой край. Его холмы и долины. Его изобильную зелень, черноземное плодородие, хрустальные ручьи и речушки, его полные дичи леса... Немыслимое богатство, манившее и дразнившее нищих, измотанных плаванием первопоселенцев, набравшихся храбрости бросить здесь якоря. Сатрап, конечно, был здесь номинальным владыкой. Но истинный-то договор они заключили не с ним, а с самой этой землей. Им достались ее плодородие и красота. Но платить пришлось болезнями и смертью.

И еще кое-что, – напомнила она себе. Было нечто в самом звании «торговца из Удачного». Тем самым они как бы не противопоставляли себя ужасам и прелестям этого края, а принимали их и называли своими!

Первопоселенцы вначале попытались обосноваться непосредственно в устье реки Дождевых чащоб, на самом берегу, там, где росли мангры, – их корни служили фундаментами домам, а улицами и переулками – плетеные лестницы. Так и жили полных два года: внизу мчалась река, штормовые ветра сотрясали и раскачивали деревья вместе с лепившимися к ним домиками, а то сама земля принималась содрогаться и корчиться, и тогда речная вода обращалась в смертельно опасное белое молоко – иногда на сутки, но иногда и на месяц.

А еще – насекомые, и лихорадка, и стремительный поток, мгновенно уносивший все, что в него попадало... И тем не менее пращуры в итоге снялись с обжитого места вовсе не из-за опасностей и тягот тамошней жизни. Причиной была *странность*. Морок, наползавший с реки. Он заставлял женщину, спокойно месившую тесто для хлеба, срываться и бежать в необъяснимом ужасе. А в мужчину, мирно собиравшего хворост, столь же необъяснимо вселялся порой настоящий демон саморазрушения, и человек очертя голову бросался в ревущий поток. Из трехсот семидесяти домохозяев – ныне легендарных первопоселенцев – через три года уцелели всего шестьдесят две семьи. Они покинули реку и двинулись на юг, пытаясь осесть то тут, то там... Цепочка покинутых поселений отмечала их путь. Окончательно зацепиться за землю они сумели лишь здесь, на берегу залива Торговцев. На безопасном отдалении от реки и всего, что она с собою несла.

О тех семействах, что предпочли все-таки остаться возле реки, упоминать все не стоило. Торговцы из Дождевых чащоб еще оставались как-никак родней и необходимой частью Удачного. С этим следовало считаться. Все еще следовало.

– Давад? – Роника потянулась к нему и тихонько погладила руку старого друга. – Прости меня. Я наговорила грубостей. Да все о таком, о чем не следовало бы вспоминать...

– Ничего, – выдавил он, не отнимая рук от лица. Когда все же он наконец поднял голову, то был очень бледен. – Кстати, все то, о чем мы, представители старинных семейств, стараемся между собой не говорить, среди новичков составляет повод для повседневного трепя. Ты заме-

чала, может быть, – очень немногие из них привозят сюда дочек и жен. И поселяться здесь они вовсе не собираются. Да, они намерены скупить землю, уселиться в Собрании и выкачивать из нашего края состояние за состоянием... Но жить-то будут в Джамелии, а здесь – появляться наездами. И семьи там останутся, и дети там будут рождаться, и сами, когда состарятся, окончательно туда переедут, а сюда хорошо если пришлют сына или двух – присматривать за делами... – Тут он презрительно фыркнул. – Я вполне уважаю поселенцев с Трех Кораблей. Когда они явились сюда, мы честно объяснили им, что к чему и какую цену им придется платить за убежище в наших местах. Они все равно решили остаться... Но этих новых, понаехавших снимать сливки с урожая, нашей кровью политого, – видеть не могу.

– Следует винить не только их, но и сатрапа, – согласилась Роника. – Он нарушил слово, данное нам его предком Эсклеписом. Тот ведь клялся, что никому больше не даст здесь надела земли, если только наше Собрание не одобрит. Поселенцы с Трех Кораблей явились сюда с пустыми руками, но не чурались никакой работы – и стали одними из нас. Но эти! Налетают, грабастают землю – и знать не хотят, кого обижают! Взять хоть этого Фелко Тривса. Прикупил участок на склоне холма и пустил туда пастись скот, нимало не задумавшись, что в долине под ним – родники, откуда берет воду пивовар Друп! Теперь в тех родниках вода – что коровья моча, ну и пиво стало пить невозможно. А Трюдо Феллс? Тоже не лучше. Взял и заграбастал лес, где испокон веку каждый мог собирать хворост и добывать древесину для мебели. А возьми...

– Да знаю, знаю я это все, – устало перебил Давад. – Стоит ли пережевывать в тысячный раз? Толку никакого, горечь одна. Но нечего и притворяться, будто однажды все возьмет и станет так, как было когда-то. Не станет, Роника! То, что мы видим сегодня, есть лишь первая волна перемен. И эта волна захлестнет нас, если мы не сумеем ее оседлать. Потому что сатрап увидит, как здорово подкармливают его казну эти вновь нарезанные наделы, – и не преминет нарезать еще. Да побольше. А посему нам остается только одно – приспособливаться. Мы должны научиться у «новых» всему, чему сможем, и, если придется, действовать теми же приемами.

– Вот именно. – Голос внезапно заговорившего Ефрона напоминал скрип давно не мазанных петель. – Мы, глядишь, и к рабству приспособимся. И будет нам наплевать, если наши внуки угодят в неволю из-за наших долгов. Наплюем и на морских змей, которые вечно следуют за кораблями работорговцев, – ведь им достаются тела, которые сбрасывают за борт. Разведем их прямо здесь, в заливе Торговцев, – глядишь, и кладбище больше не понадобится.

Для тяжелобольного это была очень длинная речь.

Заметив, что муж приходит в себя, Роника тотчас потянулась за бутылкой с маковым молоком и стала ее раскупоривать, но Ефрон медленно покачал головой:

– Не надо пока. – перевел дух и повторил: – Не надо пока.

Его страдальческий взгляд обратился на Давада, и тот не успел стереть с лица гримасу жалости и изумления: он знал, что Ефрон совсем плох, но не ожидал, что до такой степени. Ефрон едва слышно закашлялся.

Давад выдавил некое подобие улыбки.

– Рад, что ты проснулся, Ефрон. Надеюсь, тебя не очень беспокоил наш разговор?

Некоторое время Ефрон молча смотрел на него. А потом, казалось, просто позабыл про него. Неучитивость, свойственная воистину последней болезни. Потускневшие глаза отыскивали жену.

– Слышно что-нибудь о «Проказнице»?

Так погибающий от голода спрашивает о еде.

Роника поставила бутылочку с молоком и неохотно покачала головой.

– Впрочем, корабль должен прибыть в самом скором времени, – сказала она. – Нам уже сообщили из монастыря – Уинтроу едет к нам!

Последние слова она произнесла со всей радостью, какую могла вымучить, но Ефрон только отвернулся, поморщившись.

– Ну и что с него толку-то? – просипел он разочарованно. – Будет стоять с благочестивой рожей, а перед тем как отбыть назад, чего доброго поклянчит пожертвование для монастыря. Я давно махнул рукой на мальчишку – еще когда мать пожертвовала его Са... – Ефрон прикрыл глаза и помолчал, восстанавливая дыхание. – Пропади пропадом этот Кайл, – не поднимая век, проговорил он затем. – Должен был уже несколько недель как явиться! Если только он не отправил корабль на дно... и Альтию... Надо было поручить «Проказницу» Брэшену. Кайл неплохой капитан, но надо, чтобы в жилах текла старинная кровь... не то с живым кораблем не совладаешь...

Роника почувствовала, что краснеет. Ее муж говорил ужасные вещи о собственном зяте, да еще в присутствии Давада! Какой срам! Она попыталась заставить его переменить тему:

– Ты, может быть, проголодался, Ефрон? Или пить хочешь?

– Нет. – Он снова закашлялся. – Я умираю. И я хочу, чтобы этот хренов корабль был здесь... чтобы я мог испустить дух на его палубе и тем его пробудить... чтобы вся моя хренова жизнь не пошла напоследок псу под хвост. Неужели я слишком многого прошу? Неужели не сбудется мечта, ради которой я появился на этот хренов свет?... – Он окончательно задохнулся и прошептал: – Мак, Роника... мак... дай... скорее...

Она поспешно отмерила ложечкой сладкий молочный сироп. Поднесла Ефрону ко рту, и он выпил одним глотком. Снова полежал, отдыхая, и указал взглядом на кувшин с водой. Роника наполнила чашку. Ефрон медленными глотками опорожнил ее и с сипящим вздохом откинулся на подушки. Морщины на его лбу уже начинали разглаживаться, губы обмякли. Он посмотрел на Давада, но заговорил не с ним.

– Не продавай ничего, любовь моя, – сказал он жене. – Тяни время, сколько сможешь. Только бы мне умереть на палубе «Проказницы» – а там уж я присмотрю, чтобы она послужила тебе верой и правдой. Мы с ней будем носиться по морям так, как ни одному кораблю прежде не удавалось. И у тебя всего будет в достатке, Роника, это я тебе обещаю. Ты только с верного курса не сбейся... и все... будет хорошо...

Голос его затихал с каждым словом. Вот он снова глотнул воздуха... Роника прислушивалась с замиранием сердца.

– С курса... не сбейся... – выдохнул Ефрон, и она не знала, к ней ли в действительности он обращался. Наверное, маковый отвар уже заволок для него туманом действительность, вернув умирающего капитана на палубу любимого корабля.

Роника почувствовала, как обожгли глаза слезы, и сделала усилие, чтобы не дать им пролиться. Для этого понадобилась вся ее воля: горло свело пронзительной болью, она чуть не задохнулась. Покосилась на Давада и увидела, что у того не достало такта отвернуться. Спасибо и на том, что не принялся ее утешать.

– Его корабль, – с горечью проговорила она. – Только и говорит что о своем проклятом корабле. Только он Ефрона всю жизнь и волновал...

Она сама не могла понять, отчего ей хотелось обмануть Давада, – пусть увидит эту ее обиду и не заметит истинной силы ее горя над смертным ложем Ефрона. Все-таки она шмыгнула носом... о боги! – незаметно шмыгнуть не получилось. Сдавшись, Роника вытащила платочек и промокнула глаза.

– Мне, пожалуй, пора, – запоздало сообразил Давад.

– В самом деле? – услышала Роника свой собственный голос, произносивший вежливую фразу. Многолетняя выучка все же выручила ее в трудный момент. – Спасибо, что заглянул, – продолжила она. – Дай хоть до дверей тебя провожу.

А то еще раздумает уходить...

Поднявшись, она поправила Ефрону одеяло. Он пробормотал что-то насчет марселя...¹⁹ что именно – она не разобрала. На пороге комнаты Давад поддержал ее под руку, и у нее хватило самообладания вытерпеть этот знак внимания с его стороны. Выйдя из зашторенных покоев больного, Роника сперва сощурилась от яркого света. Это она-то, всегда гордившаяся, что у нее в доме много солнца и воздух такой свежий! А теперь солнечные лучи, щедро лившиеся в широкие окна, казались ей нестерпимо резкими, ранящими глаза. Она покосилась на внутренний дворик, крытый прозрачным стеклом, и поспешно отвела взгляд. Когда-то расположенный там маленький сад составлял ее непреходящую радость и гордость. Ныне, лишенный внимания и заботы хозяйки, садик совсем захирел; иные растения стояли бурыми безжизненными скелетами, иные росли кое-как, в небрежении и беспорядке. «Вот не станет Ефрона, – попробовала она дать себе слово, – тогда-то я здесь опять все устрою как надо!»

Такая мысль, впрочем, тут же показалась ей самым подлым предательством. Ни дать ни взять, она только и стремилась поскорее освободиться от умирающего, чтобы не мешал ей больше возиться в саду!

– Все молчишь, – заметил Давад, и Роника словно очнулась. Она успела почти позабыть о нем, хоть он и вел ее под руку. Она хотела вежливо извиниться перед ним за невнимание, но тут он хрипло добавил: – Я вот припоминаю... когда умерла моя Дорилл... право же, ни у кого не было пищи для сплетен... – Они как раз подошли к просторной белой двери дома, и тут-то Давад удивил Ронику до глубины души: неожиданно повернувшись, он взял обе ее руки в свои: – Если я хоть что-нибудь смогу для тебя сделать... все, что угодно... я серьезно, Роника, – все, что угодно... ты уж дай мне знать, хорошо?

Руки у него были потные, влажные. И дыхание отдавало всеми пряностями, которыми был с избытком приправлен его ужин. Роника знала, что перед ней – настоящий друг. Но в это мгновение она лишь со всей ясностью видела, во что может превратиться сама. Пока жила Дорилл, Давад был в Удачном среди первых. Могущественный, почтенный купец. Зажиточный, всегда отменно одетый. Любитель давать балы в своем обширном особняке. Заметный человек и в делах, и в городской жизни. А теперь его дом превратился в сущий склеп с анфиладами пыльных, давно не убиравшихся комнат, по которым шастали разболтанные, вороватые слуги. Роника и Ефрон были среди немногих, кто вспоминал про Давада, рассылая приглашения на званые обеды или балы. И вот вскорости не станет Ефрона... Так не превратится ли она, как Давад, в жалкую тень бывшего благополучия? Она ведь, пожалуй, уже старовата для нового брака. Но и доживать свои дни, по-старушечьи ютясь в тихом уголке, еще не готова.

Ее охватил страх. И прорвался наружу очередной резкостью.

– Говоришь, Давад, «все, что угодно»? Что ж, можешь выплатить мои долги, помочь собрать на полях урожай, а заодно Альтии подыскать подходящего мужа. – Она с ужасом услышала слова, сорвавшиеся с языка, да и Давад буквально вытарашил глаза. Роника вытянула руки из его потных ладоней. – Прости, Давад, – с искренним раскаянием пробормотала она. – Не знаю, право, что это нашло на меня...

– Ничего, ничего, – прервал он ее извинения. – Все бывает... Я в свое время – можешь себе представить? – сжег портрет Дорилл... просто чтобы не видеть... не мог смотреть, и все. Когда у человека такое... бывает, мы произносим слова и совершаем поступки, которые... В общем, не переживай, Роника. И я действительно имел в виду – все, что угодно. Я же твой друг. И я сам прикину, чем бы тебе помочь.

Давад повернулся и поспешил прочь. Прочь по белой каменной вымостке – туда, где был привязан его верховой конь. Роника стояла и смотрела, как он неуклюже залезает в седло. Он

¹⁹ *Марсель* – прямой парус, ставящийся на втором снизу рее (рей – см. сноску на с. 54). Существовало даже понятие «марсельный ветер», т. е. ветер, при котором судно могло нести марсели, не подвергая угрозе реи и мачты.

помахал ей рукой на прощание, и она шевельнула ладонью в ответ. Вот он тронул коня и поехал по дорожке, скрылся за поворотом...

Тогда Роника подняла глаза на раскинувшийся перед нею Удачный. Кажется, в самый первый раз с тех пор, как разболелся Ефрон.

И увидела, как сильно изменился город.

Ее дом, как и особняки большинства старинных семейств, стоял на невысоком холме с видом на гавань. Внизу, сквозь кроны деревьев, виднелись мощные улочки и белокаменные дома Удачного, а за ними – синева залива Торговцев. Оттуда, где стояла Роника, не просматривался Большой рынок, но, конечно же, он пребывал на своем месте и, по обыкновению, гудел и шумел. Роника знала это с той же определенностью, с которой ждала восхода солнца назавтра. Просторные, добротно вымощенные торговые ряды плавно изгибались вдоль берега, повторяя его подковообразную форму. Большой рынок был распланирован старательнее, чем усадьба какого-нибудь вельможи. Тут и там – тенистые деревья, крохотные садики, а в тени – столы и скамейки, чтобы притомившийся покупатель мог сесть и передохнуть, а потом с новыми силами присмотреть себе еще что-нибудь. Сто двадцать лавок, каждая с широкой дверью и замечательными витринами, зазывали народ полюбоваться товарами со всех концов света. Полюбоваться и прицениться... День был солнечный, так что над каждой витриной наверняка растянута яркая тента – чтобы уморившийся на солнцепеке зевака невольно шагнул в манящую тень, а там, глядишь, и остановился возле витрины...

Роника украдкой улыбнулась. Мать и бабушка всегда с законной гордостью ей внушали, дескать, Удачный – не какой-нибудь захудалый городишко в глуши, кое-как приткнувшийся на этом зыбком и заброшенном людьми берегу! Нет, это был город ничем не хуже прочих, достойная часть владений государя-сатрапа. Улицы в нем прямые и чистые, потому что помои выплескивают в специальные стоки, проложенные в переулках позади домов. И даже там время от времени наводят чистоту.

Если же покинуть Большой рынок и, гуляя, постепенно удалиться даже от Малого, город тем не менее по-прежнему представлял ухоженным и вполне цивилизованным. Белый камень домов так и лучился под солнцем. Лимонные и апельсиновые деревья наполняли воздух благоуханием, пусть даже в здешних краях их выращивали в кадках, а на зиму уносили внутрь помещений. Удачный был настоящей жемчужиной Проклятых берегов и далеко не последней драгоценностью в короне сатрапа.

По крайней мере, Ронике всю жизнь это внушали.

Она с горечью подумала, что теперь, наверное, никогда уже не узнает, правду ли говорили ей мать с бабушкой. Когда-то Ефрон обещал ей, что однажды они вместе совершат путешествие в Джамелию, в святую столицу, чтобы посетить священные рощи Са и даже блистательный дворец государя. Очередная мечта, рассыпавшаяся прахом.

Роника новым усилием воли отогнала темные мысли и вновь посмотрела на город. Все вроде бы выглядело как всегда. Еще несколько кораблей причалило в гавани, еще чуть больше стала толкотня на улицах... Но этого и следовало ожидать: Удачный рос. Он разрастался все время, сколько она себя помнила.

Перемены, почти не затронувшие старую часть города, поразили Ронику, когда она оглядела ближние холмы. Вот Кузнечный холм. Что с ним стряслось? Его всегда покрывали рослые, раскидистые дубы, а теперь склон был голым как колено. Роника испытала почти суеверный ужас. А после припомнила, что один из «новых купчиков» вроде как взял там земельный надел. И собирался приставить рабов рубить лес. Тогда она не обратила внимания: и пускай, мол, себе рубит, так от века и делали... Нет, оказывается, не так. Роника никогда еще не видала, чтобы лес сводили подчистую, оставляя на месте красавцев-дубов уродливую плешь. Солнце беспощадно палило пустошь, и даже издали было видно, что мелкая зелень, привыкшая расти под пологом исполинов, начала вянуть и жухнуть.

И малоприятные перемены не ограничивались одним Кузнечным холмом – он просто более других бросался в глаза. Так, к востоку от него кто-то расчистил склон холма и начал возводить дом. Нет, тотчас поправилась Роника, не дом – здоровенный особнячище! Потрясали не только размеры будущего строения, но и количество людей, суевившихся на широкой площадке. Они кишели там, словно белые муравьи. Пока Роника смотрела, они успели поднять бревенчатый каркас одной из стен и закрепить его. Женщина обратила взгляд на запад. Там прорезала холмы новая дорога, прямая, точно стрела. Деревья не давали как следует ее разглядеть, но, без сомнения, дорога была широкой и отлично наезженной.

Ронике стало не по себе. Может статья, Давад был прав в гораздо большей степени, чем она себе представляла. Может, перемены, начавшиеся в Удачном, отнюдь не ограничивались притоком нового населения? А коли так, то единственным способом пережить нашествие «новых купчиков» и вправду было подражание им. Делать как они, перенимать их ухватки... чтобы выстоять и победить...

Роника решительно повернулась спиной к Удачному и тем беспокоящим мыслям, которые он навевал. Сейчас у нее не было времени раздумывать о такого рода делах. Ей по горло хватало ее собственных несчастий и страхов. Пускай Удачный сам о себе позаботится.

А у нее умирал муж.

Глава 4

Делипай

Кеннит смочил платочек в лимонном масле и тщательно прошелся по бороде и усам. Потом еще раз посмотрелся в зеркало, золоченая рама которого красовалась над его лоханью для мытья. Душистое масло придало его мужской растительности изысканный блеск. Капитана, однако, больше интересовал источаемый маслом аромат, увы недостаточно сильный, чтобы защитить его обоняние от смрада, долетавшего со стороны Делипая.

Всякий раз, когда Кеннит возвращался сюда, ему казалось, будто его тычут носом в вонючую подмышку отроду не мывшегося раба.

Он покинул каюту и вышел на палубу. Снаружи царила та же влажная духота, что и внутри, а запах ощущался еще сильнее. Кеннит с омерзением оглядел приближавшиеся берега Делипая. Ничего не скажешь – тот, кто выбрал для пиратского притона именно это местечко, поистине знал, что делал. Чтобы добраться сюда, следовало в совершенстве владеть искусством плавания по рекам и вдобавок блестяще знать местность. Ибо речушка, по которой можно было пробраться именно в эту лагуну, мало чем отличалась от доброй дюжины точно таких же, петлявших среди множества островов Изменчивого побережья. Поди догадайся, что именно здесь пролегает фарватер²⁰ – узкий, но достаточно глубокий, чтобы принять парусный корабль. Выводил же этот фарватер в замечательную лагуну, надежно защищенную от самых свирепых штормов.

Вне всякого сомнения, когда-то здесь было красивейшее местечко. Люди понатыкали всюду причалы и пирсы²¹, успевшие за давностью лет обрасти мхом. От роскошной зелени, некогда одевавшей берега, остались одни воспоминания – вода размывала обнаженную землю и превращала ее в грязь. Увы, течение реки было почти незаметно, в воздухе совсем не чувствовалось ветра. Ничто не уносило сточные воды неопрятного пиратского городишки, ничто не развеивало вонючий дым, висевший в неподвижном воздухе над его домами, лачугами и мастерскими. В свой срок прольются зимние дожди, чтобы, пусть и ненадолго, дочиста отмыть Делипай и обновить воду в гавани. Но пока до этого было еще далеко – и хрустальная некогда лагуна благоухала всеми ароматами неопорожденного ночного горшка.

Задержаться здесь на якорной стоянке более чем на несколько дней значило заразить корпус корабля гнилью и плесенью. Испить воды из большинства колодцев – нажать жестокий понос, а при особом «везении» – еще и лихорадку в придачу... И тем не менее Кеннит, наблюдавший за работой команды, видел, что его люди трудились слаженно и охотно. Даже те, кто сидел в гребных шлюпках («Мариетта» входила в порт на буксире), старались изо всех сил. Для них смрад, долетавший с берега и поднимавшийся из воды, был не просто зловонием. Это был благословенный запах родного дома... и платы. Традиция предписывала незамедлительную дележку какой ни есть добычи, как только корабль ошвартуется у причала. А стало быть – всего через несколько часов бравые морские разбойники будут обнимать непотребных девиц и вволю заливать глотки пивом. Ради этого следовало постараться!

Да. И еще прежде, чем назавтра взойдет солнце, большая часть кровью заработанных денежек переключается в ненамозоленные ладошки купцов, содержателей гостиниц и хозяев потаскух Делипая. Кеннит с жалостью покачал головой и вновь прошелся по усам смоченным лимонным маслом платочком. Он даже позволил себе слегка улыбнуться. По крайней мере, нынче от их пребывания в Делипае будет определенный толк. Ибо команда будет не просто

²⁰ *Фарватер* – безопасный для плавания судов путь среди островов, мелей и иных препятствий.

²¹ *Пирс* – двусторонний причал, расположенный внутри акватории порта перпендикулярно или под углом к береговой линии.

сорить деньгами по кабакам, но и распространять весьма полезные семена. Семена его честолюбия. Не успеет взойти солнце, как половина города прослышит о замечательном жребии, предначертанном капитану Кенниту на острове Иных... А посему, когда они причалят и настанет время дележки, капитан намерен был явить примерную щедрость. Нет-нет, он ни в коем случае не собирался действовать напоказ. Просто его доля будет равна удвоенной доле команды – и не более. Пусть люди сойдут на берег с приятной тяжестью в кошельках. Пусть знает и помнит весь Делипай, что пиратам капитана Кеннита нет нужды отказывать себе в удовольствиях. Пусть припишут это удачливости щедрого предводителя.

И задумаются – а может, нехило бы и всему Делипаю со временем оказаться под крылышком его щедрой удачи?

Старший помощник почтительно замер рядом с облокотившимся о поручни капитаном.

– Соркор, – обратился к нему Кеннит, – видишь вон там холмик с утесом? Думается мне, если бы построить там башню, река просматривалась бы на порядочное расстояние. А если еще поставить на той башне баллисту-другую, то ни один корабль, сумевший обнаружить фарватер, просто так к гавани не подберется. То есть город и о любой опасности узнавал бы заранее, и в случае чего мог бы хорошо держать оборону. Что скажешь?

Соркор прикусил губу, но ничем более себя не выдал. Всякий раз при приближении к Делипаю Кеннит заводил с ним этот же разговор. И всякий раз бывалый старпом отвечал одними и теми же словами.

– Скажу, господин мой, что, найдись в здешних болотах хоть сколько-нибудь камня, и башню можно было бы возвести, и валунов наверх натащить для баллисты. Дело хорошее, кэп, и нет в нем ровно ничего невозможного. Вот только кто станет за все платить да и за строительством присматривать? В Делипае, сам знаешь, народ только тем и занят, что ссорится да грызется. Где ж им между собою договориться, чтобы целую башню возвести да еще и дозор на нее выставить?

– Будь в Делипае сильный правитель, – сказал Кеннит, – он бы справился и не с таким делом. Он, пожалуй, с этой башенки только начал бы.

Соркор бросил на капитана опасливый взгляд. Их традиционный разговор получил новое и неожиданное продолжение. Нет ли тут какого подвоха?

– Делипай – город свободных людей, – проговорил он осторожно. – У нас нет правителя.

– Это верно, – согласился Кеннит. И тут же пустил пробный шар: – Вот потому-то нами и правит жадность купцов и потаскушечных сутенеров. Подумай сам! Каждый из нас, собратьев-пиратов, за свою добычу жизнью рискует. Но когда приходит пора снова поднимать якорь, где оно, наше золотишко? Уж конечно, не у нас в карманах. И получается, что в итоге храбрый моряк покупает за свои деньги одну головную боль, а то еще дурную болезнь, если по притонам таскался. И чем больше монет тратит он в Делипае, тем, выходит, дороже встают ему девки, еда и питье! Но ты прав, Соркор. Делипаю не правитель нужен, а предводитель. Человек, который заставит здешних жителей самих управлять своей жизнью. Чтобы каждый раскрыл пошире глаза и увидел, ЧЕМ мог бы в действительности обладать!

И Кеннит вновь обратил взор на своих матросов, что орудовали веслами на шлюпках, буксировавших тяжелую «Мариетту». Его ленивая, расслабленная поза ничего не могла подсказать Соркору – только что произнесенное капитаном на самом деле было тщательно отрепетировано заранее. Кеннит придерживался весьма высокого мнения о своем старпеме. Соркор был не только лихим мореплавателем, но и большим умницей (хотя доброго образования получить ему не довелось). И хитрый капитан имел основания полагать: если уж ему удастся увлечь своего старшего помощника такого рода прожектками, значит начнут прислушиваться и все остальные!

Он незаметно покосился на Соркора и увидел, что загорелый лоб старпома рассклал морщина. Она прорезала белесый шрам на месте, где когда-то была рабская татуировка. Соркор думал долго и тяжело, но в конце концов сказал:

– Мы здесь – все люди вольные, но так было не всегда. Из тех, кто здесь поселился, половина были рабы, а другие едва ими не стали. И сейчас у многих невольничьи татуировки или оставшиеся от них шрамы. А у кого их нет, тем, вздумай они вернуться туда, откуда пришли, достались бы кнут и петля. Помнится, несколько дней назад ты что-то говорил о короле, которого-де пора завести нам, пиратам. И ты знаешь, не от тебя первого я слышу об этом. И чем больше у нас появляется купцов – тем чаще слышатся подобные разговоры. О всяких там мэрах, королях, городских советах и страже... Дело, конечно, хорошее, да только мы, беглые, у себя дома всего этого довольно уже нахлебались. Почему, собственно, мы и живем тут, а не там. Никто из нас не захочет, чтобы наверху сидел кто-то и указывал, что нам делать, а что нет. Нам этого хватает и на кораблях... со всем почтением, кэп. Прости уж за откровенность.

– Никаких обид, Соркор. Ты просто вот о чем поразмысли: безвластие и безначалие, милые твоему сердцу, на поверку оказываются всего лишь еще одной разновидностью гнета...

Говоря так, капитан пристально следил за выражением лица своего старпома, и недоумение, обозначившееся на нем на какой-то миг, сообщило Кенниту, что он выбрал неверные слова. «Надо будет, – сказал он себе, – научиться разговаривать с такими, как мой старпом, на их собственном языке!» И добавил с самой сердечной улыбкой:

– ...как выразился бы какой-нибудь шибко образованный умник. Ну а я крепко верю в своих славных матросов и выражаться стану так, как мы тут обычно промеж собою толкуем. Иначе говоря, что мы до сих пор имели в Делипае? То один, то другой сукин сын в городе заправляет. Помнишь, как Подди со своей шайкой головы проламывал и кошельки отнимал? В те дни даже вроде как само собой разумелось, что, вздумай какой матросик пойти на берег не в компании своих парней, а один, так его еще до полуночи поколотят и одернут как липку в каком-нибудь темном углу. Да и компании лучше было держать кулаки наготове, потому что банда Подди все одно на них налетит. И ведь так бы оно по сей день продолжалось, да стакнулись однажды команды с целых трех кораблей – и такого перцу им задали, что с тех пор ни слуху ни духу! А сейчас что творится? Самое малое в трех кабаках наш брат моряк может только гадать, что за свои деньги получит: шлюху, за которую заплатил, или по затылку дубинкой. И что? Никто ничего не делает. Все помалкивают себе в тряпочку. Кроме тех, ясно, кого прибили и обобрали, а что они могут поодиночке? Так-то вот.

Тут Кеннит снова украдкой покосился на Соркора и увидел, что лоб старпома собрался складками от умственного напряжения, но все-таки моряк согласно кивал головой. У капитана слегка перехватило дух, когда он заметил, что и рулевой наострил уши, прислушиваясь. В любое другое время Кеннит резко бы его одернул, но не теперь. В этот миг для него главным было ощущение пусть маленькой, но победы.

Но Соркор, как выяснилось, проявил не меньшую бдительность, чем его капитан.

– Эй, на румбе!²² – рявкнул он свирепо. – Не спать!

И подскочил к матросу с таким видом, словно намеревался дать ему зуботычину. Парень сморщился, явно ожидая удара, но не сделал попытки уклониться или тем паче удрать, бросив свой пост. Кеннит не спеша удалился, и до него доносились раскаты отборной брани, коей Соркор осыпал «ленивого недоумка». Палубные доски под капитанскими сапогами были белей белого – настолько, насколько тряпка и песок вообще были способны их отчистить. Глядя туда и сюда, Кеннит всюду видел умелый и старательный труд своих моряков. Ни одна живая душа не томила от безделья. Кто возился с канатами, кто занимался уборкой. Кеннит удовлетво-

²² Румб – традиционно употребляющаяся в морской практике единица угла, равная $1/32$ окружности видимого горизонта, т. е. $11,25^\circ$. «Стоять на румбе» говорили о рулевом, следившем за курсом.

ренно кивнул. Не так, ох не так все здесь выглядело пять лет назад, когда он впервые взобрался на палубу «Мариетты». В те времена нынешний красавец-корабль был грязным корытом вроде тех, что составляли большинство пиратского флота. А его капитан – помнится, он приветствовал Кеннита отборными матюгами и не слишком меткой затрешиной – ничем особо не выделялся среди своей замусоленной и вшивой команды. Дворняга среди дворняг в уличной стае.

И все-таки Кеннит уже тогда совсем не случайно выбрал для себя «Мариетту». Как ни запаршивела она за годы полного небрежения, как ни грязна была ее палуба, как ни уродливы латанные-перелатанные паруса – он сумел разглядеть под всей этой мерзостью благородные стремительные обводы²³. И еще то немаловажное обстоятельство, что капитан вполне созрел для смещения. В самом деле: разве тот хозяин на корабле, кто даже не доверяет своему старпому ругаться и разбираться с матросами вместо него? Такому предводителю в самом деле пора за борт... Кеннит его туда и отправил. Через семнадцать месяцев плавания. А еще через четыре месяца тем же способом избавился от старпома. К тому времени его прежние товарищи по кубрику чуть не в драку лезли, чтобы плавать под его началом. Так что у Кеннита был выбор. И он взял себе в старшие помощники Соркора. Со всем тщанием и чуть ли не с ухаживанием – лишь бы тот сделался его, Кеннита, верным сподвижником.

И когда они заполучили командование, капитан со старпомом увел корабль в открытое море, подальше от каких бы то ни было берегов. И там учинили форменную чистку команде. Так матерый картежник за игральным столом избавляется от лишних карт. Кеннит и Соркор оказались единственными людьми на борту, кто знал навигацию и мог проложить курс, так что бунта можно было не опасаться. Тем не менее Кеннит внимательно следил, чтобы строгость Соркора ни в коем случае не переросла в «рукосуйство». Кеннит полагал, что большинство моряков чувствуют себя всего лучше, если капитан правит ими твердой и справедливой рукой. Каждый должен знать свое место, свои права и обязанности, свое дело. Пусть привыкнут полагаться на своих товарищей и в особенности на вожака.

В общем, с прежней безалаберной вольницей было покончено. Кто способен был превратиться из раздолбая в справногo моряка – превратился. Времени для этого было в достатке. «Мариетта» шла и шла вперед. До тех пор, пока на борту не иссякли съестные припасы, а Кеннит с Соркором не перестали узнавать звезды в небесах.

Когда наконец они привели свой корабль в порт (столь отдаленный, что даже Соркор не знал местного языка), «Мариетта» выглядела аккуратненьким купеческим суденышком, а команда бегом бросалась по местам по первому знаку начальства. Там-то Кеннит употребил свои деньги, которые давно и бережно скапливал, на переустройство корабля. Потом они подняли якоря... и капитан с лихвой вернул потраченное, посвятив целый месяц беспощадному разбою, подобного которому тамошние мелкие гавани никогда прежде не знали.

Обратно в Делипай «Мариетта» вернулась, доверху нагруженная невиданными товарами, не говоря уже о монетах никому не известной чеканки. Ну а моряки, выжившие в том походе, разбогатели, как ни разу доселе. И были преданы своему капитану, как верные псы.

Так одно-единственное плавание принесло Кенниту и корабль, и его нынешнюю репутацию, и целое состояние.

Честно признаться, в те дни он готов был вообразить, что переживает звездный час своей жизни и мечтать становится уже не о чем. Ан нет! Стоило выйти на берег – и все самодовольство слетело с него, как слезает отболевшая кожа после ожога. Да, вот они идут вразвалочку по улицам Делипая, его матросы, и у каждого – тяжеленный мешок награбленного: монет, слоновой кости, дорогих украшений. Все разодеты в шелка – важные господа, да и только...

²³ Обводы – внешние очертания корпуса судна, во многом определяющие ходкость и остойчивость судна, его грузоподъемность и другие важные качества.

Вот тут Кеннит внезапно и со всей остротой понял, что никакие они не господа, а всего лишь простые матросы и все их нынешнее великолепие через считанные часы будет проглочено ненасытной утробой вонючего Делипая. И в тот же миг безупречно отчищенные палубы «Мариетты», свежая краска на ее бортах и замечательные новые паруса показались ему триумфом столь же мимолетным, как и временное богатство команды. Он отделался от Соркора, приглашавшего своего капитана вместе повеселиться на берегу, и всю неделю стоянки напиивался в одиночестве, не выходя из каюты. Вот уж чего он никак не мог ожидать – что его так выбьет из колеи именно успех! Кенниту казалось, будто его жестоко надули.

Он как следует пришел в себя лишь много месяцев спустя, и это время, выкинутое из жизни, недешево ему обошлось. В самом деле, как жить, если сбился с курса и потерял цель, если сам не знаешь – ради чего? При этом некоторой частью сознания он понимал, что не просчитался, выбрав себе старпомом именно Соркора. Старший помощник продолжал распоряжаться на корабле, как будто ничего не происходило, и в душу своему капитану не лез. Да и команда, если даже чувствовала, что с капитаном творится неладное, никак этого не показывала. В те невеселые дни Кеннит окончательно убедился, сколь верным был один из его обычаев: на правильном корабле капитану не обязательно иметь дело непосредственно с матросней. Достаточно изложить свои пожелания старпому. А уж тот проследит, чтобы все было должным образом претворено в жизнь, и ничем твоего доверия не обманет.

По-настоящему Кеннит пришел в себя в одно поистине прекрасное утро, когда Соркор постучал в дверь его каюты и сообщил, что вахтенные заметили замечательного жирного торговца, так не прикажет ли капитан пуститься в погоню?

Они тогда догнали купеческий корабль и взяли его на абордаж, захватив отменный груз благовоний и вин. Кеннит сам повел абордажную команду, оставив Соркора на «Мариетте». До того дня он рассматривал сражения и смертоубийства всего лишь как необходимую, но грязную и неприятную сторону избранного им для себя жизненного пути. Но тут его сердце впервые воспламенилось восторгом и яростью битвы. Раз за разом он убивал словно бы не врагов, а собственное разочарование... а потом, к его немалому удивлению, все враги куда-то подевались и убивать стало некого, и, отвернувшись от последнего по счету мертвого тела, свалившегося к его ногам, он увидел своих людей, сбившихся кучками на палубе купца и тарасивших на него глаза. Никто ему ничего не сказал, он не слышал даже перешептываний, но взгляды, полные ужаса и восхищения, были красноречивее любых слов. Он-то думал, что завоевал команду порядком и дисциплиной, но именно в тот день они отдали ему свои сердца навсегда. И он из своего в доску парня превратился для них в некое высшее существо. Они даже разговаривали в его присутствии совсем не так, как между собой.

...И, только пьянствуя в кабаках Делипая, безудержно хвастались. Хвастались буквально всем. Начиная с железного порядка, установленного Кеннитом на борту, – вот, мол, мы какие, вот что мы терпим! – и кончая его же, Кеннита, невероятным боевым мужеством: все прочь с дороги нашего корабля!

С того времени они всегда ждали, чтобы он самолично возглавил их в битве. Когда он впервые велел им опустить оружие и принял сдачу у запросившего пощады торгового капитана, у его молодцов, успевших настроиться на славную сшибку, чуть вытянулись физиономии. Но позже владельцы выкупили корабль, а Кеннит выделил каждому пай заметно больше обычного, и от уныния не осталось и следа. Вот так-то. Все же в пиратской команде главное не доблесть, а жадность. И если это чувство удовлетворено – все будет в порядке.

В последующие годы Кеннит основал, а затем и упрочил свою собственную маленькую империю. В Калсиде, в портах, что попаршивее, нашлись торговцы, покупавшие самые необычные грузы, не задавая лишних вопросов. Нашлись и малозначительные вельможи, охотно посредничавшие при выкупе захваченных кораблей, их грузов и капитанов с командами. Вот где делались по-настоящему выгодные дела – а вовсе не в Делипае и не в Порт-Черепе! В

последнее время Кеннит даже начал потихоньку мечтать – уж не помогут ли мелкие вельможи Калсиды признать пиратский архипелаг законным владением? Особенно когда он убедит тамошних жителей сделать его правителем? Вновь и вновь Кеннит мысленно подсчитывал, что, собственно, он сможет предложить обеим заинтересованным сторонам. Пиратам – законность их промысла: сделавшись каперами²⁴, они смогут более не страшиться призрака виселицы. Еще – открытую торговлю с другими портами. А коль скоро пиратские городки и острова будут объединены, все вместе они дадут отпор охотникам за рабами, исправно посещавшим эти места... Кеннит подумал было, что этого им может показаться недостаточно, но скоро отбросил эту мысль. По счастью, с торговцами из Удачного и Калсиды было яснее. Полная безопасность в водах Внутреннего прохода между Удачным, Калсидой и всеми сопредельными землями. Не бесплатно, конечно. Ничто в этом мире не дается задаром. Но безопасность будет обеспечена.

По губам капитана зазмеилась улыбка. Он знал: купцам придется по душе такая перемена.

Его размышления были прерваны беготней матросов: палубная команда приступила к швартовке. Люди вкалывали в охотку, развешивая вдоль борта тяжелые пеньковые кранцы²⁵, чтобы «Мариетта» не ободрала себе бока о причал. Кеннит стоял молча и не вмешивался, лишь слушал, как Соркор вылаивает необходимые распоряжения. Капитан не двигался с места, покуда корабль не замер у пристани, а команда не выстроилась на шкафуте, взволнованно ожидая раздела добычи. Когда наконец Соркор подошел и остановился поблизости, Кеннит обратился к команде.

– Я, – сказал он, – предлагаю вам то же, что и последние три раза, когда мы останавливались в порту. Те из вас, кто пожелает, могут взять свою долю, оговоренную корабельным уставом, и унести ее с собою на берег, чтобы там продать, пропить или еще как-либо поступить с нею по своему усмотрению. Те же, кому присущи терпение и здравый смысл, могут бросить жребий о своей доле, после чего предоставить нам со старпомом распорядиться ею наиболее выгодным образом. Эти люди смогут послезавтра прийти на корабль и забрать все, что останется.

Кеннит обвел глазами обращенные к нему лица. Кто-то прямо встретил его взгляд, кто-то смотрел на товарищей, ожидая, чтобы они высказали свою волю. И все беспокойно переминались с ноги на ногу. Ну прямо малые дети, вот только в городе их ожидали игрушки особого рода – бабы и ром. Кеннит прокашлялся.

– Те из вас, кто прежде уже соглашался чуть-чуть потерпеть и доверял мне продажу своего пая, могут рассказать остальным, что в итоге получили денег больше, чем при самостоятельной распродаже. Дело в том, что виноторговец платит дороже за цельный груз бренди, чем какой-нибудь хозяин гостиницы – за единственный бочонок, который вы ему принесете. И цельные штуки шелка вкупе принесут больше, чем отдельные отрезы, которые вы предложите своим шлюхам. А впрочем, сами решайте. – Тут Кеннит сделал паузу.

Матросы внизу шевелились, вздыхали, топтались. Он сжал челюсти. Раз за разом он им делом доказывал, какой способ реализации груза был выгодней. Никто с ним про то и не спорил. Одна беда – стоило ошвартоваться в порту, весь здравый смысл без остатка куда-то вмиг улетучивался. Кеннит позволил себе досадливо вздохнуть и повернулся к Соркору:

– Итак, старший помощник, что же у нас на руках?

²⁴ *Капер, каперство* – практика захвата частными судами неприятельских коммерческих судов или судов нейтральных стран, занятых перевозкой грузов для неприятеля. Делалось это по официальному разрешению своего правительства – «каперскому свидетельству».

²⁵ *Кранец* – устройство для предотвращения трения или удара судна о причал либо о другое судно в процессе швартовки. На относительно небольших судах в качестве кранцев используются плетеные из канатов и набитые упругим материалом мешки или (уже в наше время) автомобильные шины.

Соркор ответил с готовностью. Он вообще никогда не заставлял себя ждать. Он поднял свиток с записями о добыче и развернул его; со стороны казалось – он читал, но Кеннит знал: старпом оглашал список по памяти, ибо великолепно помнил все, что им досталось в походе. Спроси его: ну-ка, каков нынче один пай в шелковых тканях? – и он ответил бы без промедления. А вот читать, кстати, Соркор вообще не умел.

Команда довольно переговаривалась, предвкушая дележку. На причале уже собирались шлюхи и сводники, ожидавшие, когда матросов отпустят на берег. Из их толпы несли свист и вопли вроде кошачьих, иные потаскушки уже выкрикивали свою цену. Пираты волновались, точно звери на привязи, поглядывая то на Соркора со свитком, то на жриц любви, собравшихся около трапа и далее на грязных улицах, поднимавшихся в гору. Когда старпом закончил читать, ему пришлось дважды во все горло орать: «Тихо!» – прежде чем народ опять успокоился и Кеннит мог взять слово.

Капитан заговорил нарочито тихо:

– Те, кто все-таки решится бросить жребий о своей доле, пусть выстроятся возле моей каюты. Я приму вас по одному. С остальными разберется Соркор.

Повернувшись, он удалился к себе. Пускай Соркор действительно разбирается. Так будет лучше всего. Если старпом положит считать, что треть штуки шелка равна по стоимости двум пятым бочонка бренди или полумере циндина – им останется только принять такую оценку. И пускай довольствуются, коли нету терпения подождать и получить эквивалент в деньгах... Что ж, по крайней мере до сих пор никто не роптал. Возможно, команда, как и сам Кеннит, не сомневалась в честности строгого старпома. А может, просто они не решались пожаловаться капитану? Плевать, Кеннита устраивало и то и другое.

Очередь, собравшаяся у дверей капитанской каюты, была обескураживающе короткой. Кеннит выдал каждому авансом по пять сельдеров. Этого, рассудил он, было достаточно, чтобы весь вечер не испытывать недостатка в выпивке и продажных красавицах. И еще останется на пристойную комнату в гостинице – для тех, кто решит заночевать в городе.

Получив свое, люди немедленно удирали на пристань. Кеннит вышел на палубу как раз вовремя, чтобы увидеть, как последний из его матросов спрыгивает на кишачий людью причал. Это зрелище чем-то напомнило ему стаю акул, бурлящую рядом с куском кровавого мяса. Именно так девки и сводники толпились вокруг появившегося моряка. Шлюхи, работавшие сами по себе, хватали его за руки, предлагая все способы любви вместе и порознь, сводники же старались перекричать их, убеждая матроса, что столь достойному юному богачу не следует мелочиться – он-де может позволить себе женщину в постели на всю ночь да еще и бутылку рома на столике... если только прибегнет к их услугам. Тут же болтались мелкие разносчики, гораздо менее голосистые, но тоже весьма настойчиво предлагавшие свежий хлеб, сладости и спелые фрукты. Молодой пират широко ухмылялся, наслаждаясь вниманием (пусть и корыстным) к своей персоне. Помнил ли он, что, как только исчезнет последняя монетка из его кошелька, эти самые люди мгновенно позабудут о нем – хотя бы он валялся беспомощным в переулке, в сточной канаве?

Кеннит повернулся спиной к шуму и суете. Соркор тоже успел покончить с дележкой и стоял на кормовой палубе возле румпеля²⁶, глядя на город. Кеннит слегка нахмурился. Старпому следовало бы заранее знать, кто из команды пожелает получить свою долю «живьем». Мог бы он и загодя прикинуть, что следует им выдать... Потом чело капитана разгладилось. Пусть все идет своим чередом. Так, как делал Соркор, оно было, наверное, и к лучшему. Кеннит протянул старшему помощнику большой тяжелый кошель, и тот безмолвно принял его.

– Ну что, Соркор? Пойдешь со мной превращать наш груз в звонкое золото?

²⁶ *Румпель* – простой или составной рычаг, передающий усилие на руль корабля для изменения курса. Используется на небольших судах, где нет необходимости в штурвале и сложном рулевом механизме.

Старпом с видимым смущением отшагнул чуть-чуть в сторону:

– Если не возражаешь, кэп, я бы для начала чуток времени попросил. Мне б того... тоже на бережок сбегать.

Кеннит скрыл разочарование.

– Мне-то все равно, – солгал он. И негромко добавил: – Признаться, меня здорово подмывает заменить тех людей, кто упорно забирает свою долю натурой. Ведь чем больше я продаю оптом, тем более выгодную цену мне предлагают. Что ты скажешь?

Соркор сглотнул. Потом кашлянул.

– На самом деле это их право, господин кэп. В смысле – брать свое деньгами или товаром. Так оно испокон веку делалось в Делипае. – И, замолчав, почесал шрам на щеке. Кеннит знал, что дальнейшие слова старпома были тщательно взвешены: – Все они добрые моряки, господин мой. И мореходы отменные, и товарищи надежные. И ни один не шарахается от работы – что паруса шить, что саблей махать. Только дело-то в том, что в пираты они подались не затем, чтобы по чьим-то установлениям жить, хотя бы тот человек был семи пядей во лбу и советы им давал самые распрекрасные. – Сделав над собой усилие, Соркор прямо посмотрел в глаза своему капитану. – Никто, ставши пиратом, не хочет, чтобы и тут им командовали. – И добавил с возросшей уверенностью: – И потом, кэп, мы без штанов останемся, если попытаемся заменить их. Это ж не какие-нибудь пресноводные швабры – ребята просоленные, просмоленные, все транцы²⁷ в ракушках! А ежели мы станем в первую голову спрашивать, кто согласен, чтобы за них добычу-то продавали, так и наберем бесхребетных, которые сами за себя ничего не могут решить. Такие только и будут стоять да смотреть, как ты за них на чужой палубе рубишься, а через борт полезут, только когда победа будет в кармане. – И Соркор покачал головой, скорее рассуждая сам с собой, чем желая в чем-либо убедить капитана. – Ты завоевал их преданность, господин мой. Неразумно было бы лишать их еще и свободы воли. Они ведь слышат твои разглагольствования о всяких там королях-правителях, и им становится не по себе от подобных речей. Если на то пошло, никого нельзя силой заставить драться на своей стороне.

И Соркор умолк, ни дать ни взять спохватившись. Вспомнил, наверное, с кем разговаривает.

Кеннит ощутил внезапный укол ледяной ярости.

– Ты, без сомнения, прав, Соркор, – проговорил он ровным тоном. – Проследи, чтобы на борту осталась хорошая стража: я сегодня вечером не вернусь. Остаешься за главного.

И, отвернувшись, ушел. Он даже не оглянулся посмотреть на выражение лица своего старпома, которого, собственно, только что наказал отсидкой на корабле (ибо они давным-давно договорились между собой, что во время стоянок один из двоих непременно должен быть на борту). Ну и что? Поделом ему. А нечего было пускать прахом все воздушные замки, которыми Кеннит несколько месяцев тешил свое воображение. Шагая по палубе, капитан с горечью твердил себе, что, видимо, самая главная его глупость была в том, что он еще не разучился мечтать. Пора было научиться жить сегодняшним днем. Как все остальные. Все равно ничего большего ему не видать. Так он и останется всего лишь предводителем шайки мерзавцев, ни один из которых не видит дальше кончика своего носа.

Он легко перепрыгнул с палубы на причал. Несытое скопище шлюх и торговцев качнулось было к нему, но Кеннит угрюмо свел брови – и сомнительная публика отшатнулась, как от огня. Была все же у него в Делипае кое-какая репутация. Подумав об этом, Кеннит лишь еще больше расстроился. «Репутация! *В Делипае!* – мрачно думал он, шагая сквозь послушно расступавшуюся толпу. – Да это ж все равно что любоваться своим отражением в... луже мочи».

²⁷ *Транец* – плоский срез кормы судна, вертикальный или наклонный. Этот термин в морском жаргоне используется как синоним слова «задница».

Итак, он – внушающий ужас и почтение капитан корабля. Спрашивается, надолго ли? А только до тех пор, пока эти шавки, его подручные, опасаются его сабли и кулака. Пройдут годы, и появится кто-нибудь сильнее, быстрее, хитрее капитана Кеннита. А он пополнит ряды нищих, опустившихся личностей, что слоняются в переулках, рассчитывая ограбить пьянчужку, либо торчат у задних дверей таверн в надежде поживиться объедками.

Ярость билась в его жилах, словно растекающаяся отравя. Он знал: было бы разумно подыскать место, где он сможет в одиночестве переждать одолевший его приступ черного настроения. Увы, в своем нынешнем состоянии он был всего менее склонен считаться с доводами рассудка. В этот момент он слишком ненавидел и себя, и весь свой мир. Его попросту тошнило от липкой черной грязи улиц и улочек, от пятен выплеснутых помоев, через которые он перешагивал, от вони и шума суетящегося Делипая. Как глупо было надеяться хоть что-то здесь изменить! Как желал бы он отомстить этому миру! Ах, если бы он только мог взять и уничтожить его!

Он знал: пора было идти торговаться с купцами. Ему было плевать. Все равно перекупщики, действовавшие в Делипае, отначивали себе столько, что игра не стоила свеч. Гораздо выгоднее было сбывать награбленное в Калсиде.

В своем мрачно-отчаянном расположении духа Кеннит позволил стервятнику-перекупщику выторговать у себя шелк едва ли за половину его истинной стоимости. Но когда тот попытался так же лихо заграбастать у него бренди и циндин – Кеннит показал зубы, и торговец в итоге был вынужден здорово переплатить, чтобы только Кеннит не плюнул да не ушел со всеми товарами к его конкуренту.

Сделку скрепил простой кивок, ибо капитан настолько презирал перекупщика, что даже не снизошел пожать ему руку. Золото переключает из кошелька в кошель завтра утром, когда портовые рабочие выгрузят товар с корабля. Договорившись об этом, Кеннит вышел из лавки купца, не прибавив более ни слова.

Снаружи уже сгущались летние сумерки. Шум буйного веселья, доносившийся из кабаков, делался все слышнее. Ему вторил пронзительный звон насекомых и лягушачий хор из ближних болот и заросших папоротником низин. Дневная жара спадала, но едва установившаяся вечерняя прохлада, казалось, лишь выпустила на волю новые волны омерзительных запахов, оскорблявших обоняние Кеннита. Жирная грязь улиц громко чавкала под его сапогами. Он старался держаться подальше от переулков и подворотен, зная, что там могут таиться головорезы, охочие до поживы. У кого-нибудь может хватить ума напасть на него.

Мало-помалу, словно вспоминая о чем-то, Кеннит осознал, что успел притомиться. Он хотел есть. И пить. И он был опечален.

Приступ ярости миновал, оставив его внутренне опустошенным и очень несчастным. Он попытался мысленно определить виноватого. Без толку. Уж если искать действительного виновника всех бед, следовало – как обычно – в первую очередь оборотиться на себя самого, а эта мысль отнюдь не радовала капитана. Сам виноват – значит некого изобличать и наказывать. Скверно. Как ни старался он учитывать и не повторять однажды сделанные ошибки, дело кончалось лишь тем, что он совершал новые.

Спустя некоторое время ноги сами собой принесли его к непотребному заведению Беттель. Низкие окна были забраны ставнями, но свет все-таки сочился наружу. Смутно доносились и музыка, в том числе резковатое сопрано певицы. Во всем Делипае насчитывалась едва ли дюжина зданий в два и более этажа; так вот, веселый дом Беттель был одним из этих немногих. Белые стены, крохотные балкончики, красная черепица на крыше, – ни дать ни взять, кто-то утащил калсидийский бордель вместе с девицами, чтобы плюхнуть его в делипайскую грязь. На каждой ступеньке крыльца красовались горшки с цветами, тшившимися перебороть уличное зловоние. Два фонаря, сработанные из латуни и меди, мерцали по сторонам зеленой, украшенной позолотой двери. Двое мордovorотов, дежурившие на входе, начали этак пони-

мающе ухмыляться. Кеннит подавил острое желание сцапать обоих за грудки и как следует стукнуть друг о дружку черепами, так, чтобы хрустнули кости. Безмозглые здоровяки, привыкшие добывать себе на жизнь исключительно кулаками! Им, наверное, казалось, что одной силы всегда будет достаточно, и лишь Кеннит знал, как глубоко они заблуждались. Эх, взять бы их за глотки и с наслаждением ощутить, как сминается под пальцами плоть, как сипят в раздавленном горле последние предсмертные вздохи...

Кеннит ограничился тем, что ответил на ухмылки головорезов медленной улыбкой, в которой, по-видимому, ясно прочитывались его мысли. Через несколько мгновений даже до тупых громил кое-что начало доходить, и они подались в стороны, пропуская его внутрь. Когда он проходил, они чуть ли не вжимались спинами в стену.

Двери заведения затворились у него за спиной, отсекая грязь и вонючую духоту Делипая. Кеннит ступил на ковер, залитый приглушенно-желтым светом. В воздухе витал знакомый запах духов Беттель вперемешку с острым, дымным душком жженого циндина. Голос певички и сопровождавший его сдержанный рокот барабанов слышались громче. Перед Кеннитом возник мальчик-слуга и безмолвно указал на его грязные сапоги. Капитан ответил кивком, и мальчишка стремительно припал на колени, чтобы начерно пройти по сапогам Кеннита щеткой, а затем старательно навести лоск тряпочкой. После чего подал гостю тазик с прохладной водой и полотенце – смыть пот и пыль тяжелого дня. Возвращая полотенце, пират внезапно расчувствовался до того, что потрепал мальчугана по бритой макушке. Тот по-прежнему молча улыбнулся и бросился открывать перед ним следующую дверь.

Белая дверь медленно отворилась. Пение доносилось из комнаты, куда вошел капитан. Светловолосая женщина сидела на полу, скрестив ноги, и наигрывала на трех маленьких барабанах, выводя нескончаемую балладу об отважном возлюбленном, запропавшемся в морском путешествии. Кеннит едва удостоил ее взглядом. Ему уж всяко нужна была не эта девица с ее слезливыми песнопениями. Однако он не успел испытать и намек на нетерпение, ибо сама Беттель вспорхнула с мягких подушек своего трона и подхватила его под руку.

– Кеннит! – вскричала бандерша, и ее голос был полон ласкового упрека. – Наконец-то ты к нам пожаловал, бессердечный! «Мариетта» причалила уже давным-давно, так где ж тебя носило?

Ее черные от природы волосы были нынче перекрашены в рыжий цвет. Она была увешана драгоценностями и обильно надушена. пышный бюст вздымался в вырезе платья, точно волны, грозящие перехлестнуть через борт.

Кеннит пропустил упреки Беттель мимо ушей. Он знал: предполагалось, что внимание бандерши очень ему польстит, и оттого неизменный ритуал встречи столь же неизменно вызывал у него раздражение. Уж конечно, Беттель не забывала его. Потому не забывала, что он ей за это платил. Он бросил взгляд поверх ее головы, обозревая комнату, убранную с безупречным вкусом. На диванах и в удобных креслах посиживали молодые люди и красивые женщины. Две девушки улыбнулись капитану. Обе были здесь новенькими. Все прочие старательно отводили глаза. Капитан снова повернулся к Беттель, продолжавшей весело ворковать.

– Что-то Этты не видно, – сказал он, прерывая поток комплиментов в свой адрес.

Хозяйка заведения погрозила ему пальчиком.

– Ты что себе думаешь, одному тебе она нравится? Не могла ж бедная девушка до бесконечности тебя ждать! Если опаздываешь, значит будь готов к тому, что...

– Позови ее и отошли в комнату наверху... Хотя постой. Пусть сперва вымоется – пока я буду есть. Пришли мне чего-нибудь вкусного, только не рыбу и не свинину, а прочее – на твое усмотрение. Хлеба свежего не забудь. Теперь что касается вина, Беттель. У меня, чтобы ты знала, вкус еще не отшибло. Так что если пришлешь такой же бурды, что в прошлый раз, моего покровительства этому дому больше не видать. Поняла?

– Но, сударь мой Кеннит, ты что себе думаешь, я прямо вот так вломлюсь в номер к почтенному клиенту и заявлю – дескать, Эта другому посетителю требуется? Чем, скажи на милость, твои деньги лучше чьих-то еще? Если ты являешься на ночь глядя, так изволь и выбирать из...

Кеннит уже не слушал ее. В углу комнаты имелась винтовая лестница, и капитан направился по ней наверх. На втором этаже он приостановился. Звуки, раздававшиеся здесь, напомнили ему возню крыс внутри стены. Фыркнув от накатившего отвращения, он открыл еще одну дверь и стал подниматься по скудно освещенной лестнице дальше наверх. Здесь, под самым свесом крыши, имелась комната, не смыкавшаяся стенами ни с одной из остальных. Зато здесь было окно, выходившее на лагуну. Привычка сработала – первым делом капитан выглянул наружу и убедился, что «Марияетта» спокойно стоит у пристани. На ее палубе светился одинокий фонарь. Там все было хорошо.

Он как раз отошел от окошка, когда в дверь постучался слуга.

– Входи, – буркнул Кеннит.

Появился мужичок, определенно кое-что повидавший в этой жизни. Широкое лицо украшали рубцы – следы множества драк. Тем не менее двигался он не без грации. Первым делом он затеплил камин, потом зажег свечи в двух канделябрах. Комнату залил теплый свет, и летняя ночь за окном сразу сделалась непроглядно-темной. Кеннит опустил в кресло возле камина. Не то чтобы ему хотелось согреться – вечер выдался достаточно теплым. Просто потянуло насладиться смолистым ароматом горящего дерева, полюбоваться пляской огня.

В дверь снова постучали, и появились еще двое слуг. Один опустил на белоснежную скатерть поднос с приготовленной снедью, другой держал в руках большую чашу и кувшин горячей воды. От воды шел пар и распространялся запах лаванды. «Все же Беттель знает, чем мне угодить», – умываясь по новой, не без самодовольства подумал пират. По его знаку слуги покинули комнату, и он сел ужинать.

После довольно-таки скудного корабельного рациона почти любая береговая еда сошла бы за деликатес, однако ужин, присланный ему бандершей, действительно был превыше всяких похвал. Мясо, плававшее в густом темном соусе, так и таяло во рту, хлеб еще не остыл после печи, а смесь пряных фруктов удивительным образом подчеркивала вкус основных блюд. Вино, правда, особо богатым букетом не обладало, но и оно оказалось более чем достойным. Кеннит ел не торопясь, с наслаждением. Он редко предавался плотским утехам – в основном когда у него делалось темно на душе. Надо же, действительно, утешаться хотя бы такой малостью... Тут Кеннит вспомнил, как его матушка, случалось, баловала его, когда он болел. Сравнение показалось ему недостойным, он постарался забыть о нем и отпихнуть прочь вместе с тарелкой. Налил себе еще стакан вина, сбросил сапоги и откинулся в кресле. Стал бездумно смотреть в огонь...

Легкий стук в дверь оповестил его, что прибыл десерт.

– Не заперто, – вяло отозвался пират.

Вкусная еда и вино на время отвлекли его от черных мыслей, но недолгое удовлетворение минуло, и он вновь остался один на один с темнотой. Темнотой бездонной и безбрежной, как сама ночь за окном. Перед лицом этой ночи все его усилия были прахом. Прахом и тленом. Удачи посещали его лишь на краткое время, тогда как неудачи...

– Я принесла тебе теплого яблочного пирога и свежих сливок, – тихо промолвила Эта.

Он чуть повернул голову и вполглаза посмотрел на нее.

– Славно, – сказал он без всякого выражения.

Она подошла. «Прямая... прилизанная...» – подумалось ему, как всегда при виде ее. На ней была лишь длинная белая рубашка. Она почти не уступала ему ростом, гибкая, словно ивовая ветка, длинноногая, длиннорукая. Кеннит молча наблюдал, как она ставит перед ним белое фарфоровое блюдо с десертом. От пирога пахло яблоками и корицей, а от женской кожи

– жимолостью. Вот она выпрямилась... Кеннит некоторое время молча разглядывал ее. В темных глазах Этты не было и следа страсти. Губы ничего не таили.

Он ощутил внезапную вспышку желания.

– Раздевайся, – приказал он, – и ложись. Только сперва покрывало откинь.

Она повиновалась без малейшего промедления. Какое удовольствие было наблюдать, как она движется туда-сюда, исполняя его указания, как снимает и складывает покрывало, обнажая белые простыни, как потом собирает подол своего одеяния и стягивает его через голову... Аккуратно она уложила белую рубашку на низкий комод в изножье постели. Кеннит не сводил глаз с ее белых боков, нежной округлости живота, небольших грудей... Волосы у нее были темные, блестящие, обстриженные коротко, по-мальчишески. Все в Этте казалось длинным и плоским, даже черты лица. Она расположилась в постели молча, в тщательном соответствии с его вкусом. И стала безмолвно ожидать его.

Капитан поднялся и начал расстегивать рубаху.

– Вымылась? – спросил он грубо.

Этта ответила:

– Все, что можно смыть мылом и горячей водой, я смыла.

Она лежала так неподвижно и тихо. Кенниту вдруг пришло в голову, что она до ужаса боится его.

– Боишься меня? – спросил он прямо. И, еще не успев договорить, сообразил, что вопрос был неточен.

– Иногда, – ответила женщина.

Либо она очень здорово следила за своим голосом, либо ей действительно было на все наплевать. Кеннит повесил камзол на столбик, подпиравший балдахин кровати. Рубаха и сложенные штаны легли на тот же комодик, где уже белело одеяние Этты. Кеннит испытывал удовольствие, заставляя ее ждать, и нарочно раздевался не спеша, аккуратно складывая одежду. «Отложим десерт...» Вроде как теплый пирог и сливки на блюде возле огня. Они тоже подождут.

Он сел подле женщины на постель, протянул руку и ощутил гладкость ее кожи. От его прикосновения на ней появились легкие мурашки. Она ничего не сказала, не пошевелилась. Она не первый год встречалась с ним и знала, что именно ему нравится. И он платил деньги за то, чтобы все соответствовало его запросам. Ему не требовались ее ласки и помощь, не требовалось и ее одобрение. Это он собирался получить удовольствие, а отнюдь не она. Он гладил ладонью ее кожу и наблюдал за выражением ее лица. Она не пыталась встретиться с ним взглядом. Его руки исследовали ее тело. Она смотрела в потолок.

Гладкость ее кожи была нарушена лишь в одной точке. В пупке женщины был укреплен крохотный, не больше яблочного семечка, резной белый череп. Амулет, сработанный из диводрева, висел на серебряной проволочке, пронзавшей кожу пупка. Этта отдавала бандерше Беттель половину своего заработка за то, что та позволяла ей пользоваться амулетом, – череп был взят напрокат. Когда-то, когда они только познакомились, Этта рассказала Кенниту, что амулет отворачивал от нее и дурные хворобы, и беременность. Тогда-то он в первый раз и услышал про диводрево... и дело кончилось личиной, которую он теперь носил на запястье.

Вспомнив про свой талисман, Кеннит невольно подумал, что деревянная рожица не двигалась и упорно молчала с тех самых пор, как они уехали с острова Иных. Похоже, он вновь сделал ошибку, снова впустую потратил время и деньги, и талисман был тому вещественным свидетельством. Пират скрипнул зубами, и Этта едва заметно вздрогнула. Тут до него дошло: он так стиснул ее бедро, что еще немного – и не миновать бы синяка. Кеннит разжал пальцы, и его руки вновь отправились в путь. «Хватит. Думай лучше о том, чем занимаешься».

Почувствовав, что готов, он раздвинул ей ноги. Дюжина толчков... и он опорожнился, выплеснув в податливую глубину весь свой гнев, все разочарование и напряжение. Сделалось

лучше. Некоторое время он спокойно лежал, наслаждаясь покоем. Потом снова взял ее, на сей раз медленно, неторопливо. Тут ее руки обняли его плечи, ее бедра ответили на его движения, и он понял: она тоже кое-что получала от их соития. Он не возражал: пусть наслаждается, если только это не помешает наслаждаться ему.

А вот что было воистину удивительно, так это то, что он взял и поцеловал ее напоследок. Этта вновь тщательно хранила неподвижность. «Поцеловал. Шлюху». Кеннит откинулся на постели. Ну и поцеловал. Кому какое дело. Он заплатил за право делать с ней все, что ему вздумается. И ему было плевать, что именно выделявал нынче вечером этот рот, который он поцеловал. Шлюхин рот...

В ящике комода лежал просторный шелковый халат. Кеннит накинул его и, сев у огня, занялся десертом. Этта осталась в постели. Где ж еще находиться жрице платной любви? Пират успел прожевать два кусочка пирога, когда она подала голос.

– Ты задержался сегодня, – проговорила она. – Я уже боялась, что ты не появишься.

Он поддел вилкой еще кусочек. Хрустящая ломкая корочка, а внутри – яблоки с корицей. Кеннит взял сливок. Не торопясь проглотил. И поинтересовался:

– Воображаешь, мне есть дело до твоих страхов? Или вообще до того, что ты там думаешь?

Она едва не посмотрела ему в глаза.

– Я думала, ты все же заметил бы, если бы меня не оказалось на месте. Я-то ведь переживала, когда ты не приходил. Раньше...

Он расправился еще с одним кусочком пирога.

– Дурацкий разговор. Не желаю его продолжать.

– Как скажешь, – отозвалась она, и он не знал, выполняет она его приказание или же соглашается с ним.

А впрочем, не все ли равно? Этта не сказала больше ни слова, пока он приканчивал пирог. Он налил себе еще стакан вина. Поудобней устроился в кресле и начал мысленно перебирать события последних недель, оценивая сделанное и несделанное. «Я дурак, – решил он наконец. – И вел себя по-дурацки». Следовало отложить поездку на остров Иных. Но коль скоро предсказание было получено – лишь последний тупица стал бы вот так, как он, вываливать команде свои честолюбивые планы. Недоумок. Дубина... Теперь над ним, наверное, хохотал уже весь Делипай. Кеннит без труда вообразил, как гогочет пьянствующий по тавернам народ. «Король пиратов? – восклицают они. – Ага, только короля нам тут и не хватало. И особенно такого, как он».

И они смеются... смеются...

Сознание затопило жгучим стыдом. Опять он опростоволосился. Сел в галошу. Жидко обделался. И все по собственной вине – жаловаться не на кого. «Дурак. Дурак. Дурак...» И единственный способ хоть как-то с этим прожить – это устроить так, чтобы никто иной о его глупости не сумел догадаться. Кеннит крутил надетое на палец кольцо и смотрел в огонь. Потом покосился на вырезанный из диводрева талисман на запястье, насмешливо улыбавшийся ему его собственной улыбкой. Может, ему просто почудилось, что на острове талисман разговаривал? Или это была еще одна шуточка Иных? Величайшей ошибкой было то, что он вообще сунулся на их остров. Наверняка его команда уже и об этом шушукалась. Их капитан ищет пророчества, точно он не пират, а бездетная женщина. Или фанатик, свихнувшийся от благочестия.

Ну почему, почему самые возвышенные его мечты вечно оборачивались горчайшими унижениями...

– Может, растереть тебе плечи, Кеннит?

Он свирепо обернулся. Да как посмела эта шлюха помешать его размышлениям? Что она вообще о себе вообразила?

Он холодно поинтересовался:

– С чего ты взяла, будто мне это понравится?

– Мне показалось, что тебе плохо. Ты выглядишь таким встревоженным... и усталым... В голосе Этты не чувствовалось насмешки.

– А ты, значит, можешь определить это, просто глядя на меня? Так, шлюха?

Ее темные глаза все-таки прямо встретились с его голубыми.

– Женщина видит многое, скрытое от других, когда смотрит на человека, который нередко приходит к ней вот уже три года.

Она поднялась – по-прежнему обнаженная, – подошла и встала у него за спиной. Узкие длинные кисти легли на его плечи и принялись разминать сведенные внутренним напряжением мышцы сквозь тонкий шелк халата. Это было приятно. Какое-то время Кеннит сидел неподвижно, позволяя ей прикасаться к себе. Потом она заговорила опять:

– Я так скучаю по тебе, когда ты уходишь в море надолго. Я волнуюсь за тебя и гадаю, все ли в порядке... Иногда мне становится страшно, я боюсь, что однажды ты не вернешься. И то сказать, что держит тебя в Делипае? На меня тебе наплевать, это я знаю. Ты просто хочешь, чтобы я приходила сюда и делала все так, как тебе нравится... и все. Я полагаю, Беттель меня до сих пор не выгнала единственно потому, что ты всякий раз меня требуешь. Я ведь не из тех, кого большинство мужчин пожелали бы для себя. И уже это делает тебя такой важной частью моей жизни, понимаешь? Без тебя Беттель в два счета выставит меня на улицу, сделает потаскухой подзаборной. А ты приезжаешь снова и снова и велишь, чтобы прислали именно меня... даже имя запомнил... и лучшую комнату на целую ночь... и платишь настоящим золотом, без обмана... Знаешь, как меня называют другие? Шлюха Кеннита, вот как! – Она горько и коротко рассмеялась. – Было время, когда я устыдилась бы подобного прозвища. А теперь оно мне нравится.

– Это ты о чем? – Голос Кеннита рассек ткань ее неторопливого монолога, словно тупой нож. – Что ты несешь? Я что тебе, за разговоры плачу?

Это был вопрос, и она знала – ей позволено отвечать.

– Нет, – сказала она тихо. – Но мне кажется... за те деньги, что ты платишь Беттель, я могла бы снять целый домик... для нас. Маленький, чистенький домик... куда ты всегда мог бы вернуться, когда пожелаешь, и я ждала бы тебя там... И тебе не пришлось бы спрашивать, смысла ли я с себя запах чужого дыхания.

Он презрительно хмыкнул:

– По-твоему, я сплю и вижу нечто подобное?

– Я не знаю, – ответила она еще тише прежнего. – Но ты велел, и я рассказала о том, чего хотелось бы мне. Вот и все.

– А мне чхать, что ты там хочешь или не хочешь, – сообщил ей пират.

И стряхнул со своих плеч ее руки. Потом поднялся с кресла, повернулся и вновь провел ладонями по ее нагой коже, чувствуя, как согрела эту кожу близость огня. Ощущение было удивительно приятным. В сокровенной глубине тела опять шевельнулось желание...

Но когда он посмотрел ей в лицо, то был потрясен – по щекам Этты катились слезы.

Какое безобразие!

– Марш в постель, – приказал он с отвращением, и она повиновалась, послушная, как обычно.

Он остался стоять у огня, вызывая в памяти упругую гладкость теплого тела. Он хотел пожелать ее, но мысль о заплаканных глазах женщины отвращала.

И для этого он покупал шлюху?

Он покупал ее как раз для того, чтобы всего этого избежать.

Проклятие! Он же ЗАПЛАТИЛ!

Он велел, не оборачиваясь:

– Перевернись. На живот. Мордой вниз, говорю!

Простыни тихонько зашелестели – приказ был исполнен. Кеннит быстро пересек комнату. Взобрался на постель и вошел в женщину сзади. В подобной позе мужеложцы сочетаются с мальчиками, но Кеннит предпочел использовать ее естественным образом. Никто – и даже шлюха! – не сможет сказать, будто он не понимает различия между мужчиной и женщиной!

Он отлично отдавал себе отчет, что не причинил ей излишней боли, – и все-таки она продолжала плакать даже после того, как он ее отпустил. Этта всхлипывала почти беззвучно, так почему же ее слезы так его беспокоили? Непонятное чувство наложилось на стыд и отвращение к себе самому, которые он испытывал ранее, и усугубило их. «Да что с ней, в самом-то деле? Я ей что, разве не заплатил? Чего еще она от меня хочет? Она, в конце концов, всего-навсего потаскуха. Она продается, а я покупаю».

Резким движением он поднялся и принялся одеваться. Спустя какое-то время ее всхлипывания прекратились. Этта повернулась в постели.

– Пожалуйста... – хрипло прошептала она. – Пожалуйста, не уходи... Прости, если не угодила тебе... Я больше не буду. Я обещаю!

Отчаяние в ее голосе столкнулось с таким же отчаянием, царившим в его сердце. Сталь зазвенела о сталь... «Следовало бы убить ее. Вот просто взять и убить. Все лучше, чем это такое выслушивать».

Он сунул руку в карман. Но не затем, чтобы вытащить кинжал.

– Вот, – сказал он, разыскивая мелкую денежку. – Это тебе.

Монетка напомнила бы им обоим, ради чего они здесь встретились. Купля-продажа, не более... Однако счастье и тут ему изменило. В кармане было совсем пусто. Уж очень торопился он, покидая борт «Мариетты». Теперь придется идти на корабль за деньгами, чтобы расплатиться с Беттель.

Какое унижение...

Он чувствовал на себе взгляд проститутки.

Какое унижение – стоять без гроша перед той, которую только что использовал...

И вот тут в самом дальнем уголке кармана его пальцы наконец нащупали нечто. Что-то попало ему под ноготь и пребольно кольнуло. Он раздраженно высвободил зловредную колючку, полагая, что это щепочка или камешек... но у него на ладони поблескивало крохотное колечко, вынутое из уха утопленного котенка. Рубин, казалось, подмигивал...

Ему никогда не нравились рубины. Сойдет для подарка Этте.

– Вот, – повторил он и сунул колечко ей в руку. И добавил: – Комнату не освобождай. Завтра вечером я снова приду.

И вышел за дверь, прежде чем Этта успела издать хоть звук.

Все случившееся до крайности раздражало его – он подозревал, что Беттель заломит несусветные деньги за комнату и девушку, *снятую* на две ночи и день в придачу. «Ну и пускай заламывает. Я-то знаю, сколько ей отстегну!»

Всяко лучше, чем сознаваться бандерше – у него и за сегодняшнее-то не нашлось при себе чем заплатить. Хотя бы одного унижения удалось избежать.

Он прогромыхал сапогами по ступеням, спускаясь вниз.

– Комната и девка пусть пока остаются за мной, – сообщил он Беттель, минуя общую комнату.

В другое время он, пожалуй, понаслаждался бы тихим ужасом на ее физиономии. Но не теперь.

Кеннит успел прилично отдалиться от борделя по улице, когда обратил внимание... на свой собственный кошелек, тяжело бившийся о левый бок. «Странно... Обычно я никогда его там не держу».

У него мелькнула было даже мысль вернуться – да и расплатиться с бандершей прямо теперь, но он сразу отбросил ее. Он будет выглядеть вполне по-дурачки, если прибежит обратно и заявит, что передумал. «Дурак...» Слово так и горело в его сознании.

Кеннит ускорял и ускорял шаг, словно стараясь убежать от черных раздумий. Да, вот что ему теперь требовалось: движение. Движение...

Выдирая ноги из липкой уличной грязи, он вдруг услышал тихий голосок, раздавшийся из кружев на запястье.

– Если не ошибаюсь, это было единственное сокровище, которое когда-либо удавалось унести с острова Иных. А ты подарил его шлюхе!

– Ну и что? – спросил Кеннит, поднимая крохотное деревянное личико к своему.

– А то, что у тебя, похоже, все-таки хватает и мудрости, и удачи, – хмыкнула рожица. – Похоже...

– Что ты имеешь в виду?

Но больше в тот вечер талисман разговаривать не пожелал. Не открыл рта, даже когда Кеннит дал ему легкого щелбана. Резные черты оставались неподвижными и каменно-твердыми.

Тогда Кеннит отправился в заведение Ивро. Собственно, он и не подозревал, что идет именно туда, пока не оказался прямо перед дверьми.

Внутри было темно. Все же час был поздний – намного более поздний, чем ему думалось. Тем не менее Кеннит принялся молотить в дверь ногами. И молотил до тех пор, пока из дома не отозвался сперва старший сын Ивро, а затем и сам хозяин.

– Это Кеннит, – назвался он в темноту. – Еще одну татуировку хочу!

В окне зажегся слабенький огонек. Еще через минуту Ивро рывком растворил дверь.

– И чего ради мне время на тебя тратить? – свирепо поинтересовался коротышка-мастер. – Катись-ка отсюда! Найди какого-нибудь балбеса с парой иголок, которому плевать на то, что он делает! И тогда, если наутро тебе вздумается все начисто выжечь, хоть хорошей работы не загубишь! – И мастер плюнул, чуть-чуть промахнувшись по сапогу капитана. – Я художник! А не продажная девка!

Кеннит обнаружил, что уже держит Ивро за глотку и тот приподнимается на цыпочки в его хватке.

– Проклятье! Я заплатил! – услышал он свой собственный голос. – Я заплатил и волен был потом делать, что пожелаю! Ясно тебе?!!

Он обрел самообладание столь же быстро, как и утратил. Тяжело перевел дух – и выпустил глотку татуировщика.

– Ясно, – проворчал тот.

Кеннит увидел в его глазах ненависть – но был в них и страх. Он, конечно, сделает то, о чем его просят. Сделает за тяжелое и звонкое золото в кошельке, который Кеннит сунул ему. Художник не художник, шлюха не шлюха – за золото можно купить все. «Весь мир – бардак, все в мире – шлюхи. В том числе и художники».

– Ну так входи, что ли, – зловеще-тихим голосом пригласил его Ивро.

Кеннит ощутил пробежавший по спине холодок: он понял, что маленький мастер употребит все свое искусство, но и боли ему доставит с избытком. Уж он постарается, чтобы Кенниту взвыть захотелось от каждого прикосновения его тонких иголочек... Но художником он таки был высшей пробы, и татуировка будет совершенной – насколько Ивро способен был приблизиться к совершенству. Страдание и совершенство. Это был единственный известный Кенниту путь искупления. А если ему требовалось когда-либо выплатить возмещение госпоже удаче, так это сегодня...

Следуя за коротышкой, Кеннит прошел в гостиную и стал раздеваться, в то время как Ивро разжигал канделябр за канделябром. Свернув рубашку, Кеннит уселся на низкую табу-

ретку и устроил рубашку вместе с камзолом у себя на коленях. Странствие и совершенство... Он замер в жутком ожидании освобождения. Ивро возился у него за спиной, расставляя свечи и пододвигая поудобнее свои инструменты.

– Где? – спросил он затем. – И что?

– Сзади на шее, – ответствовал Кеннит. – Иного.

– Иного кого? – вспыхливо поинтересовался Ивро.

Он как раз пододвигал небольшой столик, на котором поблескивали крохотные пузырьки яркой разноцветной туши. Пузырьки были расположены безупречно правильными рядами. Он поставил позади Кеннита табуретку повыше и уселся на нее.

– ИНОГО, – повторил Кеннит. – Такого, как те, что живут на острове Иных. Дошло?

– Дошло, – буркнул Ивро. – Это дурная татуировка. Она приносит несчастье, и я только рад буду поглубже вколоть ее в тебя, сукин ты сын!

Его пальцы уже разгуливали по коже пирата, рассчитывая и примериваясь. В Джамелии владелец раба имел право нанести свой знак тому на лицо. И хотя бы впоследствии раб так или иначе вышел на свободу – сведение рабской татуировки преследовалось по закону. На Пиратских островах порядки были иные. Каждый мог украшать свое тело любым рисунком, какой только приглянется. И в любом месте этого самого тела. Некоторые бывшие рабы вроде Соркора предпочитали невольничьей татуировке шрам от ожога. Другие нанимали мастеров вроде Ивро, чтобы те своим искусством превратили знаки неволи в символы новообретенной свободы.

Ивро потыкал пальцами в два шрама, уже красовавшиеся у Кеннита на спине.

– И на кой тебе вздумалось от них избавляться? Сколько часов я потел над этими татуировками, да и заплатил ты мне на совесть... Неужели не понравились? – И добавил, помолчав: – Наклони-ка голову вперед, а то тень мне мешает.

– Да все мне нравилось, – пробормотал Кеннит. В напряженное тело воткнулась первая иглолка. Обнаженные руки немедленно покрылись пупырышками, кожа на голове натянулась от боли. Кеннит шепнул: – Но ожоги мне понравились еще больше.

– Сумасшедший ты, – заметил Ивро, но голос его прозвучал рассеянно.

Сидевший перед ним мужчина больше не был для мастера ни капитаном Кеннитом, ни даже врагом. Он видел перед собой всего лишь холст, на котором его руки вдохновенно создавали картину. Тонкие иглолки входили в кожу одна за другой... снова, снова и снова... Кеннит ощущал, как дергается от боли его кожа. Ивро тихонько вздохнул. С большим, надо сказать, удовлетворением.

«Единственный путь, – снова подумал пират. – Единственный способ отвратить злосчастье. Я зря поперся на остров Иных – и теперь расплачиваюсь за это».

Тысяча уколов иглолкой. И еще сутки потом будет жечь словно огнем. А спустя некоторое время – очистительная мука от прикосновения раскаленного железа, которое счистит содеянную ошибку, и можно притвориться, что ее не было вовсе.

«Это ради удачи», – внушал себе Кеннит, судорожно стискивая кулаки.

У него за спиной мастер Ивро еле слышно напевал себе под нос, наслаждаясь и работой, и местью.

Глава 5

Удачный

«Семнадцать дней...»

Альтия смотрела в крохотный иллюминатор своей каюты, как придвигается Удачный. Голые мачты стоявших у причалов каравелл и каракк казались густым лесом, маленькие суденышки так и сновали между берегом и кораблями на рейде...

Дом.

Семнадцать дней Альтия провела в своей каюте, покидая ее лишь по необходимости, да и то исключительно в те вахты, когда Кайл спал у себя. Первое время она кипела от жгучей ярости, порожденной несправедливостью и порой прорывавшейся слезами. Тогда она совсем по-детски клялась ни в коем случае не нарушать предписанного ей заточения – но уж затем от души нажаловаться отцу.

«Посмотри, до чего ты меня довел!»

Это тоже было из детства, из времен ее постоянных ссор с Кефрией. Блюда и вазы, угробленные как бы случайно, но на самом деле лишь наполовину нечаянно, опрокинутые ведерки с водой, порванные платья... «Посмотри, до чего ты меня довела!» Они с Кефрией, кажется, бросали друг дружке эти слова одинаково часто, только величали одна другую по-разному: «мелкота приставучая» и «дура-дурища».

Детское воспоминание – но именно с него начался ее постепенный уход от реальности. Сидя в каюте, она то кипела, то молча дулась в ожидании, когда Кайл подойдет к ее двери – проверить, повинует ли она его приказанию, или, может, взять назад свои слова. Ох, тогда уж она ему такого наговорит! Но Кайл все не шел, и Альтия – надо же куда-то время девать – заново перечитала все свои книги и свитки. Она даже раскладывала по полу шелк, подумывая, а не начать ли ей самостоятельно кроить себе платье? Однако одумалась. Она ведь больше привыкла возиться с толстой парусиной, а тут работа была больно уж тонкая, да и материал недешевый: жаль было бы его загубить. Убрав шелк обратно в сундук, Альтия перечинила все свои корабельные одежки. Когда же и с ними было покончено, она поняла, что остаток времени ей будет просто нечего делать, и это ужаснуло ее.

Однажды вечером, окончательно выйдя из себя, она стащила простыни и матрас со своей слишком короткой и узкой кровати и устроилась прямо на полу. Взяла в руки читаный-перечитаный «Дневник купца» Дельдама да с ним в руках и задремала.

И ей приснился сон.

Когда она была маленькой девочкой, ей часто случалось прикорнуть где-нибудь на палубе «Проказницы» либо вечером пристроиться в уголке возле отцовской каюты за книжкой – и опять-таки задремать. И всякий раз ей снились сны слишком яркие и правдоподобные, чтобы быть просто сновидениями. Когда она стала подрастать, отец счел, что вот так дремать среди бела дня было уже неприлично, и следил, чтобы дочка не сидела без дела. Яркие сны прекратились, и до последнего времени Альтия приписывала их живому детскому воображению.

Но в эту ночь, проведенную на полу каюты, красочность и невероятная подробность тех давних снов вернулись в полной мере. То, что увидела Альтия, уже невозможно было отбросить как просто продукт спящего разума. Это определенно было нечто большее.

Ей привиделась ее прабабушка Тэлли, которую она никогда не видела и не знала... То есть это наяву, а во сне – знала как себя саму. Да она попросту *сама была Тэлли*. Тэлли Вестрит. И она шагала по тяжело качавшейся палубе, выкрикивая приказы, а команда сражалась с путаницей мокрых канатов, парусины и расщепленного дерева... Альтия вмиг поняла (а может, просто вспомнила), что случилось. Громадная волна снесла мачту и уволокла за борт старпома, и капитан Тэлли Вестрит самолично взялась распоряжаться матросами, и ее громкий,

уверенный голос мигот прекратил начавшуюся было панику – команда ринулась по местам и принялась лихорадочно работать, спасая корабль. Тэлли была совершенно не похожа на свой портрет, написанный маслом и висевший дома у Альтии. Ничего общего с важной *купчихой*, сидевшей – на картине – в чопорном кресле, при черном шерстяном платье и белейших кружевах. Суровый муж, стоявший за плечом той дамы, гораздо более походил на морского капитана, но теперь Альтия знала, что на самом деле все было не так. Ну то есть то, что именно прабабушка заказала постройку «Проказницы», ей было известно с рождения. Но теперь она представляла не просто деловой женщиной, сумевшей столкнуться с кредиторами и кораблями. Во сне она предстала еще и человеком, беспредельно любившим море и корабли. Той самой прабабушкой, что так бестрепетно направила курс многих поколений своей семьи, решив в один прекрасный день обзавестись настоящим живым кораблем.

Ах, что за жизнь была в те времена, когда женщине не возбранялись ни властьность, ни власть!..

Сон был коротким и полным яростной жизни, словно мгновенная картина, запечатленная при вспышке ночной молнии. И тем не менее, когда Альтия проснулась, ее щека и обе ладони оказались прижаты к деревянному – из диводрева сработанному – полу каюты и не было никаких причин сомневаться в истинности видения. Слишком много деталей успела захватить ее память. Альтия могла бы, например, сказать, какие паруса несла «Проказница» в тот момент. Могла даже описать во всех подробностях штормовое вооружение²⁸ корабля, хотя на ее памяти именно таких парусов на «Проказнице» ни разу не ставили. А вот во сне – увидела и успела вместе с прабабушкой уверовать в их надежность.

Странно было проснуться и заново ощутить себя Альтией. Она успела так глубоко слиться с Тэлли Вестрит! И много часов спустя, стоило только закрыть глаза, перед нею возникала все та же штормовая ночь и воспоминания – доподлинные воспоминания Тэлли – мешались с ее собственными. И это перешло к ней от «Проказницы», ничего другого тут невозможно было предположить.

Наступил вечер, и Альтия нарочно устроилась спать на полу. На голом полу, без всяких матрацев и покрывал. Промасленные полированные доски были ложем не из самых удобных, но Альтия твердо решила терпеть. И «Проказница» не обманула ее ожиданий. Альтия целых полдня провела вместе с дедушкой, бережно ведущим корабль узким проливом, какими изобилуют острова Благовоний. Она заглядывала ему через плечо, когда он высматривал на берегу только ему известные створные знаки²⁹, а потом наблюдала, как он велит спускать шлюпки и заводить буксирные концы, чтобы побыстрее миновать узкое место, проходимое только при определенной высоте прилива. Фарватер в том проливе и створы, позволявшие безопасно по нему проходить, являли собой ревностно хранимую фамильную тайну. Только Вестриты умели проникнуть туда, где добывался особого рода древесный сок, загустевавший необыкновенно ароматными «слезками». С тех пор как умер дедушка, расположенные за проливом деревни не посещал больше никто: как и большинство морских капитанов, он унес с собою в могилу намного больше, чем успел передать наследникам. И уж конечно, никакой карты он не составил... Теперь Альтия понимала: знания, долго считавшиеся утраченными, на самом деле не

²⁸ *Вооружение* (здесь: парусное вооружение) – совокупность парусов и оснастки для постановки, уборки и управления ими, соответствующая данному типу судна и конкретным условиям плавания. Штормовое вооружение – комплект парусов уменьшенной площади, часто – повышенной прочности (из особой ткани либо прошитые тросиками) специально для штормовой погоды.

²⁹ *Створные знаки, створы* – знаки, применяемые для обозначения рекомендуемого курса в узких и извилистых фарватерах. Обычно представляют собой парные знаки (контрастно окрашенные щиты, столбы, маячки, приметные скалы и т. д.), разнесенные по вертикали и горизонтали. Судоводителю следует направлять корабль таким образом, чтобы створные знаки оставались точно один над другим. Когда «открывается» (т. е. делается возможным совместить) следующий створ, курс следует менять.

исчезли без следа. «Проказница» сохранила все, что знали и помнили ее умершие капитаны. Когда она пробудится, все будет возвращено.

Даже и теперь Альтия была совершенно уверена, что сумела бы провести корабль тем тайным проливом: дедушкин секрет отныне принадлежал ей.

С тех пор ночь за ночью, растянувшись на досках, Альтия спала и видела сны вместе с кораблем. И даже в течение дня подолгу лежала, прижавшись к диводреву щекой, и размышляла о своей будущности. Ее общность с «Проказницей» между тем достигла удивительной глубины. Она ощущала трепет деревянного тела, когда внезапное изменение курса вызывало в нем волну напряжений. Слышала спокойную, безмятежную песенку, когда ветер плавно надувал паруса. Выкрики матросов, топотня босых ног по дереву палуб имели не намного больше значения, чем вопли чаек, изредка присаживавшихся на корабль. Иногда Альтия настолько сливалась со своим судном, что моряки, лезущие на мачты, становились для нее копошащимся скопищем пигмеев. Так громадный кит, замечая, конечно, прилипшие к телу ракушки, почти не обращает на них внимания.

Корабль был неизмеримо больше – во всех смыслах БОЛЬШЕ, – нежели люди, его населявшие. В человеческом языке недоставало слов, чтобы выразить новые ощущения Альтии. Она стала совершенно особенным образом чувствовать ветер и морские течения. Она успокаивалась и радовалась, когда на вахте стоял опытный рулевой. И раздражалась, когда его менее искусный сменщик начинал изводить их с «Проказницей» бесконечным лавированием.

Но и это была мелочь по сравнению с тем, что происходило между кораблем и морем. Альтия была попросту потрясена, когда ей открылось, что отношения с соленой стихией были даже важнее, чем отношения между кораблем и его капитаном!

Вот так-то: всего несколько суток, а ее понятие о живых кораблях и законах их жизни полностью перевернулось с ног на голову. Или, может, наоборот – с головы на ноги?

Тогда-то насильственное заточение в каюте с его вынужденным бездельем перестало восприниматься ею как время, вычеркнутое из жизни. Это был опыт, новый и всеобъемлющий опыт! Однажды даже случилось так, что, открыв дверь, она весьма удивилась, увидев, что снаружи – яркое солнечное утро, а вовсе не вечер, в котором она только что «пребывала». В другой раз корабельному коку пришлось, набравшись смелости, тряхнуть ее за плечо, возвращая к реальности: Альтия будто заснула с открытыми глазами прямо на камбузе, куда зашла перекусить.

В конце концов, когда она была у себя, ее вынудил оторваться от мысленного единения с кораблем настойчивый стук в дверь. Альтия раздраженно открыла, но там обнаружился не Кайл, а всего лишь Брэшен. Ему явно не хотелось соваться к ней, однако же он спросил, все ли у нее в порядке.

– Да! Все в порядке! – отвечала она нетерпеливо. И хотела уже захлопнуть дверь у него перед носом, но он выставил руку и придержал дверь.

– Не надо, – покачал он головой. – Кок сказал, ты прямо с лица спала, и теперь я вижу, что это и вправду так. Слушай, Альтия... не знаю, право, что там у вас вышло с капитаном Кайлом, и знать не хочу. Но следить за здоровьем команды – моя обязанность, и никто еще ее не отменял.

Она смотрела на его хмурые брови и темные обеспокоенные глаза и видела только помеху своему любимому занятию.

– Я не член команды! – услышала она собственный голос. – Ты прав в одном, наши отношения с капитаном Кайлом больше никого не касаются. А коли я на борту простой пассажир – то и здоровье мое тебя пускай не волнует. Отстань от меня!

И она дернула дверь.

– Меня, – сказал он, – всяко волнует здоровье дочери Ефрона Вестрита. Я, знаешь ли, дерзаю его называть не только своим капитаном, но и другом. Альтия... ты хоть в зеркало

на себя посмотри. Сколько дней назад ты последний раз волосы причесывала? А матросы, видевшие тебя на палубе, утверждают, что ты бродишь как привидение. С глазами пустыми, как ночное небо без звезд.

Он и правда выглядел очень обеспокоенным. Еще бы! Дело складывалось неважно. Любая мелочь могла нарушить шаткое равновесие между командой и слишком деспотичным, не всеми любимым капитаном. А тут еще дочка Ефрона ни дать ни взять одержимая. Причем явно после какой-то размолвки с Кайлом. Что, спрашивается, подумают люди? Что им взбредет в голову сотворить?

Умом Альтия все это понимала. Но поделать ничего не могла.

– Уж эти мне моряки, – фыркнула она со всем возможным презрением, – и их бесконечные суеверия! Оставь, Брэшен. Говорю тебе, я в полном порядке!

Кажется, прозвучало не слишком-то убедительно. Тем не менее, когда она снова дернула дверь, бывший старпом отпустил ее и позволил закрыться. Альтия могла побиться об заклад – Кайл понятия не имел о его визите сюда. Не теряя времени даром, девушка растянулась на полу и блаженно ощутила привычное единение с кораблем. Она ясно чувствовала Брэшена, стоявшего по ту сторону двери. Он помедлил еще немного, потом заторопился прочь: дел у него было – непочатый край.

Впрочем, к тому времени Альтия успела уже о нем позабыть. Вода с мурлыканьем летела мимо ЕЕ форштевня. Вольный, свежий ветер нес ЕЕ вперед по волнам...

Миновали дни, и вот уже «Проказница» ощутила вкус знакомых вод, узнала течение, ласково увлекавшее ее к заливу Торговцев, и приветствовала спокойные волны бухты, укрытой от резких ветров. Когда Кайл велел спустить две шлюпки и буксировать «Проказницу» на якорную стоянку, Альтия словно проснулась. Поднявшись с пола, она взглянула сквозь стекло.

– Дом, – сказала она. Потом добавила: – Отец...

«Проказница» ответила дрожью ожидания и предвкушения.

Отвернувшись от иллюминатора, девушка раскрыла свой морской сундучок. Там на дне лежала ее «береговая» одежда – то, в чем она собиралась идти с причала домой. То, о чем она и отец договорились с матерью еще давным-давно. Годы назад. Самого капитана Вестрита обычно видели в городе одетым подобающе и со вкусом: синие брюки и камзол поверх толстой белой рубашки, пухлой на груди от кружев. Все правильно. Он был из старинного семейства и притом известнейший капитан. Альтия и сама не отказалась бы от чего-то в том же духе. Увы – мать была непреклонна. «На корабле, – сказала она, – рядись во что хочешь, но в порту и в городе чтобы непременно была в юбке. Хоть этим будешь отличаться от прислуги, снующей по улицам!» (Мать еще добавляла, что, поглядев на ее руки и лицо, вообще трудно заподозрить, что она ДАМА, да еще древнего рода.) Тем не менее – сколько ни пилила ее родительница, Альтия послушалась не ее нытья, а спокойного мнения отца. «Не срами корабль», – сказал он дочери. И тем полностью ее убедил.

И вот, в то время как моряки сбивались с ног, готовя якорь и все прочее, необходимое для стоянки в порту, Альтия притащила из камбуза теплой воды и, уединившись в своей каюте, как следует вымылась. Потом стала натягивать «береговую» одежду: нижнюю юбку, верхнюю юбку, блузку, жилетку, кружевную шаль и – опять-таки кружевную – сетку для волос, изобретение насмешливого ума. Поверх сетки пришлось еще взгромоздить соломенную шляпку, украшенную вполне дурацкими, с точки зрения Альтии, перьями.

Но когда она стягивала поясом юбки и зашнуровывала жилетку, до нее вдруг дошло, что на самом деле Брэшен был прав: одежда и впрямь висела на ней, как лохмотья на пугале оголенном. Девушка посмотрелась в зеркало. Под глазами залегли темные круги, щеки провалились. Сизовато-серый тон ее одеяний и бледно-голубая отделка лишь придавали Альтии еще более хворый вид. «Бледная немочь, да и только!» Даже руки и те исхудали, – глядя на запястья и пальцы, можно было пересчитать все косточки. Альтию, впрочем, это не обеспокоило.

«Примерно то же получается, – сказала она себе, – когда человек изнуряет себя уединением и постом, взыскав вразумления Са. Ну а я звала не к Са, а к духу своего корабля. Невелика разница».

Нет, она и не думала сожалеть о своем единении с «Проказницей», от которого пострадала ее внешность. Дело определенно того стоило. Она была даже почти благодарна Кайлу за то, что он ее невольно к этому вынудил.

Она вышла на палубу, щурясь от яркого послеполюденного солнца, игравшего на спокойных волнах, а когда глаза пообвыклись – оглядела причалы. Удачный раскинулся вдоль берега, точно собрание ярких диковин в любой лавке Большого рынка. И пахло вокруг уже не морем, а сушией.

Причалы, где взимались налоги, были, как всегда, переполнены. Корабли, приходившие в порт, обязаны были сперва ошвартовываться именно там, с тем чтобы мытари сатрапа могли с удобством для себя осмотреть груз и обложить его необходимым налогом непосредственно во время разгрузки. Значит, «Проказнице» придется дожидаться своей очереди. По счастью, было похоже, что «Золотая пушинка» собиралась вскоре отчаливать; стало быть, туда-то они и приткнутся, как только освободится местечко... Потом – это получилось без осознанной мысли, просто само собой – Альтия разыскала взглядом свой дом. Удалось разглядеть лишь уголок белой стены, все прочее заслоняла тень лиственных деревьев. Неблаговидные изменения, случившиеся с ближними холмами, заставили было ее нахмуриться... но это, впрочем, было не важно. Ей вообще не было особого дела до суши и города. Желание поскорей увидеть отца, беспокойство за его здоровье странным образом мешались с глубоким нежеланием даже на время разлучаться с «Проказницей». Капитанская гичка³⁰, в которой Альтии по традиции предстояло отправиться на берег, еще не была спущена. Не будем утверждать, чтобы девушку распирало счастье при мысли о новом свидании с Кайлом, не говоря уже о совместной поездке на шлюпке, но, право, две недели назад эта мысль расстроила бы ее не в пример больше теперешнего.

Ибо теперь она знала: ни Кайл, ни кто-либо иной уже не сможет отъединить ее от «Проказницы». Они были связаны воедино, и сам корабль не потерпит, если кто-то вздумает вывести его из гавани без Альтии на борту. Кайл, конечно, оставался чем-то вроде занозы в ноге, но его угрозы попросту более не имели никакого значения. Пусть ей только дадут перемолвиться словечком с отцом. Отец сразу поймет, что произошло... Хотя он, конечно, рассердится на нее за все то, что она наговорила в запале Кайлу относительно истинных причин его женитьбы на Кефрии. Альтия и сама теперь болезненно морщилась, вспоминая собственные слова. Ясное дело, отец очень рассердится и отругает ее... Что ж, по заслугам. Однако она слишком давно и хорошо знала его – и не верила, чтобы он пожелал разлучить ее с «Проказницей».

Альтия сама не заметила, как прошла на самый нос корабля и, забравшись на бушприт, стала смотреть на носовое изваяние. Деревянные веки оставались по-прежнему сомкнутыми, но это не имело значения, ибо Альтия была допущена в сны корабля.

– Не свались.

– Вот уж чего не боюсь. – Альтия ответила Брэшену, даже не обернувшись.

– В обычном состоянии – верно, бояться нечего, – согласился он. – Но сейчас ты до того бледная, что я уж решил, как бы у тебя голова-то не закружилась. Смотри – свалишься за борт!

– Не свалюсь.

Альтия по-прежнему не оборачивалась, желая только, чтобы он поскорее ушел. Но он заговорил снова, на сей раз гораздо более официально:

³⁰ Гичка – легкая быстроходная гребная шлюпка на 6–8 распашных весел. В нашей реальности применялись до начала XX в. на военных кораблях для разездов командиров. Впоследствии гички трансформировались в спортивные двухвесельные шлюпки.

– Госпожа Альтия, прикажешь ли отправить на берег твой багаж?

Она ответила:

– Только сундучок, стоящий за дверью.

Там сохранялись шелковые отрезы и мелкие подарки домашним. Сундучок был собран еще несколько дней назад.

Брэшен как-то стеснительно покашлял. Он упрямо не желал оставлять ее одну, и она раздраженно повернулась:

– Ну? Что еще?

– Капитан мне приказал... оказать тебе всяческое содействие и помощь... по уборке твоих вещей из... ну... офицерской каюты.

Брэшен держался очень прямо. И смотрел не в глаза ей, а в некоторую точку у нее над плечом. Вот тут Альтия не просто поглядела на него, а по-настоящему *увидела* – впервые за многие месяцы этого плавания. Во что обошлось ему понижение из старших помощников в простые матросы – а ведь он вытерпел это, только чтобы остаться на корабле? Ей самой пришлось всего однажды в полной мере испытать на себе Кайлово ядовитое жало, тогда как Брэшен... Она сбилась со счета, попытавшись припомнить, сколько раз сам капитан или его новый старпом вытирали о него ноги. Вот и теперь – досталось ему поручение, вызывающее отвращение и заставляющее усомниться в мудрости отдавших его, и что же? Все равно пытается исполнить его, как надлежит справному члену экипажа.

– Без сомнения, – более про себя, нежели обращаясь к Брэшену, проговорила она, – наш Кайл получил немалое удовольствие, отдав такой приказ именно тебе.

Брэшен не ответил, только сжал челюсти, так что выступили желваки. Даже и теперь он ни словом не желал перечить своему капитану. «Безнадежен», – подумала Альтия. И повторила:

– Только маленький сундучок, Брэшен.

Он набрал полную грудь воздуха, словно собирался вручную вытаскивать якорь.

– Госпожа Альтия. У меня приказ: вынести из каюты все твои вещи.

Она отвернулась. Она вдруг в полной мере ощутила, до какой степени утомили ее мелкие доставания Кайла. Ну да пусть его. Пусть думает, будто взял над ней верх. Отец про все узнает – и расставит все по местам. Очень скоро расставит.

– Ну так выполняй, что тебе велено, Брэшен. Я не буду держать на тебя зла.

Он застыл, как громом пораженный. Потом вымолвил:

– Так ты не хочешь... сама все упаковать?

Он был до того потрясен, что даже «госпожа Альтия» добавить забыл.

Она выдавила некое подобие улыбки.

– Я же видела, как ты управляешься с грузом. Я уверена, ты и тут все сделаешь как надо.

Несколько мгновений он по-прежнему стоял у ее локтя, ни дать ни взять оттягивая исполнение тягостной обязанности. Альтия больше не обращала на него внимания. Потом она услышала, как он повернулся и, легко ступая, удалился по палубе. Альтия же снова впилась глазами в деревянный лик «Проказницы».

Что было мочи вцепилась пальцами в поручень – и яростно поклялась кораблю, что никогда, никогда не откажется от него.

– Госпожа Альтия, гичка ждет.

Что-то в голосе матроса подсказало ей, что он уже не в первый раз к ней обращался. Она выпрямилась, неохотно возвращаясь к реальности.

– Иду, – ответила она безразлично. И пошла за ним к шлюпке.

...Быстрая гичка несла их к причалу; Альтия сидела лицом к лицу с Кайлом, постаравшись, впрочем, устроиться от него как можно дальше. Никто не обращался к ней ни словом. Если на то пошло – люди вовсе не разговаривали, ограничиваясь лишь необходимыми коман-

дами. Время от времени Альтия ловила беспокойные, встревоженные взгляды матросов. Один из них – звали парня Григ – отважился подмигнуть ей и улыбнуться: не дрейфь, дескать, все будет хорошо. У него была репутация сорвиголовы. Альтия попыталась улыбнуться в ответ, но... такое странное чувство – она словно бы позабыла, как это делается. Великая тишина установилась в ней с того самого мгновения, как она покинула корабль. Душа словно бы замерла в ожидании: что-то ей готовит судьба?

Несколько раз ей не удавалось вовремя отвести глаза, и они с Кайлом волей-неволей обменивались взглядами. Альтия не могла не подивиться про себя выражению его лица. Когда они впервые увиделись на палубе, он выглядел как человек, попросту пораженный ужасом. Следующий взгляд на его лицо явил капитана в глубокой задумчивости. А в последний раз, когда Альтия перехватила его взгляд, у нее у самой пробежал озноб по коже. Ибо Кайл кивнул ей и улыбнулся этак по-доброму, ободряюще.

В точности так же он смотрел на свою дочь Малту, когда той доводилось особенно успешно выучить уроки.

Альтия ничем не выдала своих чувств. Просто отвернулась и стала смотреть на тихие воды залива Торговцев.

И вот шустрое суденышко ткнулось носом в причал. Альтия безропотно позволила помочь ей перешагнуть через борт – матросы перенесли ее едва ли не на руках, словно калеку какого-нибудь. Впрочем, в пышных юбках, отчаянно мешавших двигаться, и всех этих шляпах-шляхах, сползавших на глаза, она немногим от калек и отличалась.

А когда она встала на доски причала, то с раздражением обнаружила, что все тот же Григ отчего-то не торопится выпускать ее локоть. Альтия выдернула руку и вскинула глаза, полагая встретить озорной взгляд молодого матроса, но в его взоре была лишь встревоженная забота.

Мгновением позже его взгляд сделался еще тревожней, ибо Альтия уже сама схватилась за его руку, борясь с накатившей волной слабости и дурноты.

– Ноги от суши отвыкли, – извиняющимся тоном пролепетала она и вновь отстранилась.

Кайл, оказывается, уже послал весть на берег: их ожидала открытая двуколка. Тощий мальчишка проворно слез с затененного сиденья, освобождая его для пассажиров. И прокаркал:

– А багаж?

Альтия мотнула головой.

– Никакого багажа, возчик. Просто отвези нас к дому Вестритов. Он на Торговом кольце.

Полуголый парнишка кивнул и подал ей руку, помогая залезть на сиденье. Как только к ней присоединился Кайл, мальчик вскочил на спину упряжной лошадки и чмокнул губами. Подкованные копыта гулко застучали по деревянному настилу. А потом, уже не так гулко, – по булыжной мостовой улиц.

Альтия смотрела прямо перед собой и не пыталась заговорить с Кайлом. Хватит уже того, что она вынуждена была сидеть с ним бок о бок; еще и беседу заводить – это было бы уже слишком. Городской шум, голоса людей, скрип колес проезжавших повозок, выкрики торговцев, запахи съестного из уличных харчевен и чайных доносились до нее словно бы издалека.

Бывало, когда они с отцом прибывали на «Проказнице» в порт, мать самолично выходила встречать их. И они пешком отправлялись домой, причем по дороге мать успевала рассказать обо всем, что приключилось со времени их отплытия. А то они заглядывали в какую-нибудь чайную – полакомиться свежими теплыми булочками и ледяным чаем. Потом шли дальше – домой.

Альтия вздохнула. Кайл немедленно вторгся в ее размышления, осведомившись:

– Ты в порядке?

– В порядке, – ответила она чопорно. – Благодарствую.

Он шевельнулся на сиденье и кашлянул, как будто собирался сказать что-то еще. Альтию спас мальчишка, именно в это время натянувший вожжи как раз против их дома. Он слетел с лошадки и уже подставлял Альтии руку, прежде чем Кайл успел сделать хотя бы движение. Альтия улыбнулась ему, ступая наземь, и юный возчик ответил широкой ухмылкой.

Но тут отворилась дверь дома, и Кефрия бросилась к ним, причитая:

– Ох, Кайл, Кайл! Наконец-то! У нас тут ужас что делается!

Сельден и Малта примчались следом за матерью, уже повисшей на шее мужа. Еще один мальчик, постарше, нерешительно следовал за ними. «Кто бы это мог быть?» – задумалась Альтия. Лицо мальчишки казалось странно знакомым, и она решила, что это, должно быть, заехавший в гости двоюродный брат. Либо еще какой-нибудь родственник.

– И я тебя рада видеть, Кефрия, – насмешливо проговорила она. И направилась в дом.

Внутри царил полумрак и было прохладно. Подошла женщина, с виду уже вовсе незнакомая, принесла тазик ароматизированной воды и полотенце и стала предлагать Альтии «все гостеприимство дома Вестритов». Та отстранила ее жестом.

– Это мой дом, я здесь живу. Я Альтия. Где мой отец? Он у себя? В кабинете?

Ей показалось, что взгляд женщины на миг окрасился неподдельным сочувствием.

– Увы, вот уже много дней он не в состоянии навестить свой кабинет, госпожа Альтия. Он в опочивальне. И матушка твоя там при нем, госпожа.

Альтия бегом бросилась через обширную прихожую – только зацокали башмачки. В дверях она едва не столкнулась с матерью, выходявшей навстречу. Лицо у матери было хмурое и обеспокоенное.

– Что здесь происходит? – спросила она. Потом узнала Альтию, и у нее вырвался вскрик облегчения: – Наконец-то вернулись! А где Кайл?

– Он там, снаружи. Скажи скорей, как отец? Еще не поправился? Пять месяцев прошло, я уверена была, он уже...

– Альтия, – сказала мать, – твой отец умирает.

Такая откровенность подействовала подобно удару. Альтия невольно отшатнулась... И заметила, какими пустыми и безжизненными у матери стали глаза. И морщин на лице явно прибавилось. Углы рта скорбно опустились, а плечи ссутулились. Раньше ничего этого не было... Когда остановившееся от ужаса сердце вновь начало биться, Альтия осознала, что слова матери не были жестокими. Просто безнадежными. И она правильно сделала, что вывалила все сразу и в лоб. Так сдирают присохшую к ране повязку – все лучше долгих мучений.

– Ох!.. – простонала Альтия. – Мама...

И двинулась к ней, но Роника Вестрит остановила ее, вскинув руку. Уж такой она была – никаких тебе трогательных объятий и рыданий друг у дружки на плечике. Горе, может быть, и согнуло ее. Но не сломило.

– Сходи к отцу, – велела она Альтии. – Он чуть не каждый час спрашивает о тебе. А я должна скорее переговорить с Кайлом. Следует сделать все приготовления, и, боюсь, времени у нас очень немного. Иди же к нему, дочка. Иди.

Коротко похлопала Альтию по руке – и устремилась мимо нее. Прошуршали юбки, отдалились и затихли шаги... Альтия проводила ее глазами и решительно толкнула дверь в опочивальню отца.

До сих пор она в этой комнате бывала не часто. Когда была маленькой, ей вовсе запрещали ходить сюда. Когда отец возвращался из плаваний, они с матерью проводили здесь немало времени, и Альтия, помнится, обижалась, отчего это по утрам ей не позволяли беспокоить родителей. Когда она выросла и стала понимать смысл их уединения во время коротких побывок отца, она и сама начала этой комнаты избегать. Но все-таки иной раз она сюда заходила. И помнила большую светлую комнату с высокими окнами, роскошно обставленную всякой необычной мебелью и обтянутую тканями, привезенными из невообразимого далека. На сте-

нах красовались веера из перьев и маски, вырезанные из раковин, целые ковры, сплетенные из бус, и чеканные пейзажи из меди. Спинка кровати была сработана из резного тика. Поверх толстого матраца зимой укладывали пуховые перины и покрывала из пушистого меха. А летом – прохладные хлопковые простыни, благоухавшие розовыми лепестками. И вазы – повсюду стояли вазы с цветами...

Теперь за открывшейся дверью царил сумрак. И пахло не розами, а так, как пахнет в комнате, где лежит тяжелый больной, – немощью и лекарствами. Все окна закрыты, занавески задернуты, чтобы яркий солнечный свет не тревожил лежавшего на кровати.

Альтия осторожно шагнула внутрь, ее глаза никак не могли привыкнуть к полумраку.

– Папа? – неуверенно спросила она, обращаясь к смутно угадывавшейся постели.

Ответа не последовало.

Альтия подошла к окну и шевельнула тяжелые парчовые шторы, впуская внутрь косой луч. Луч озарил покрывало и на нем – желтую бесплотную руку. Эта рука показалась ей скрюченной лапой мертвой птицы. Альтия подошла к прикроватному креслу и села в него – где, по всей видимости, только что сидела мать. Она взяла вялую руку отца... и даже при всей ее любви к нему не смогла побороть постыдного отвращения. Она помнила эту руку мозолистой и мускулистой. Теперь не было ни мускулов, ни мозолей... Альтия наклонилась, сиюсь различить лицо.

– Папа?... – вновь спросила она.

И пронеслось жуткое: «Да он уже умер!» Но потом она расслышала си́плый, скрежещущий звук – Ефрон Вестрит втягивал в легкие воздух.

– Альтия... – выдохнул он, и в горле заклокотала мокрота.

Веки задрожали и с величайшим трудом приоткрылись. Куда подевался пронизывающий взор черных глаз? Белки пожелтели, налились кровяными жилками. Он не сразу нашел ее взглядом. Альтия постаралась согнать со своего лица выражение ужаса.

– Папа, я уже дома, – сообщила она ему с деланой веселостью.

Как будто от этого что-нибудь могло измениться!

Его рука слабо дернулась в ее ладони. Потом глаза снова закрылись.

– Я умираю, – проговорил он с сердитым отчаянием.

– Нет, папа, ты непременно выздоровеешь, ты...

– Тихо. – Это был едва слышный шепот, но шепот вполне повелительный. Ефрон приказывал ей и как отец, и как ее капитан. – Осталось... только... одно. Пусть меня... отнесут на «Проказницу». Я должен... умереть на ее палубе. Я должен.

– Я знаю, – ответила она, и боль, начавшая затапливать сердце, как-то сразу притихла. Не было времени ей предаваться. – Я все приготовлю.

– Сейчас же, – предупредил он. – Прямо... сейчас...

Его голос угасал. Альтию накрыла новая волна отчаяния, но она запретила себе раскидываться.

– Я тебя не подведу, – пообещала она. Его рука снова дрогнула и упала на покрывало. – Я все сделаю. Прямо сейчас.

Она уже встала, когда он выдавил, задыхаясь:

– Альтия!

Она замерла на месте. Ефрон боролся за новый глоток воздуха, но все-таки совладал с собой:

– Кефрия и ее дети... они не как ты. – Еще одно судорожное усилие. – Мне следовало о них позаботиться...

Он хотел говорить еще, но это было уже свыше его сил.

– Конечно, папа. Ты и позаботился. Ты позаботился обо всех нас. Не волнуйся ни о чем, пожалуйста. Все будет хорошо. Я тебе обещаю.

Она выскочила из комнаты и успела пробежать полкоридора, прежде чем задумалась о только что вырвавшихся словах. Что, интересно бы знать, означало данное ею обещание? Обеспечить ему кончину на палубе живого корабля, который он столько лет водил по морям? Странный смысл для выражения «все будет хорошо»...

Но потом Альтия с ясностью озарения поняла: если она, когда придет уже ее час умирать, умудрится испустить дух не где-нибудь, а на палубе «Проказницы», – для нее тоже БУДЕТ ВСЕ ХОРОШО. Вот так-то. Она потерла щеки ладонями, чувствуя себя так, словно только что проснулась.

Щеки были мокрыми. Она, оказывается, плакала. Нет времени на это, нет! Нет времени плакать – или что-нибудь чувствовать...

Выбежав из дому на яркий солнечный свет, она чуть не врезалась в кучку собравшихся там людей. Альтия моргнула и увидела перед собой свою мать, и Кайла, и Кефрию, и детей. Они молча смотрели на нее. Мгновение она столь же потрясенно смотрела на них. Потом сказала:

– Я сейчас на корабль, там надо все приготовить. Мне понадобится около часа. Потом пускай папу несут вниз.

Кайл угрюмо нахмурился и, кажется, хотел говорить, но, прежде чем он успел издать хоть звук, мать кивнула Альтии:

– Ступай. – Голос прозвучал глухо, горло зримо перехватил спазм, но мать все же выдавила: – Поспеши.

Альтия помчалась по знакомой вымостке к воротам. Можно было послать в город гонца за коляской, но, пока он обернется, она успеет и так добежать до корабля.

– Хоть бы слугу с ней послали! – догнал ее сердитый голос Кайла.

– Нет, – ответила мать. – Пусть бежит. Некогда заботиться о приличиях. Не спорь. Идем лучше, поможешь мне приготовить носилки.

К тому времени, когда Альтия достигла порта, платье на ней успело промокнуть от пота. Она проклинала судьбу, сотворившую ее женщиной: таскать на себе столько тряпья! Но в следующий миг сердечно возблагодарила того же самого Са, к которому только что обращалась с гневным упреком. Место у причала успело-таки освободиться, и «Проказница» как раз швартовалась. Дождаться, пока подадут трап, у Альтии уже не было сил. Она решительно подхватила юбки и перемахнула с пристани прямо на палубу.

Гентри, Кайлов старпом, стоял на верхней палубе, уперев руки в бока. Он так и вздрогнул, увидев ее. Она мельком заметила, что он, похоже, только что пережил потасовку: половина его лица успела опухнуть и уже наливалась лиловым. Альтия не стала об этом задумываться. В конце концов, кому, как не старшему помощнику, держать команду в повиновении, а первый день на берегу всегда чреват неожиданностями. Тут и близость свободы, и взаимная ревность береговой и палубной матросни.

Однако его хмурый взгляд был предназначен именно ей, а в голосе прозвучала ярость.

– Госпожа Альтия! Что ты тут делаешь?

В другое время она оскорбилась бы, услышав подобный тон. Но не теперь.

– Мой отец при смерти, – ответила она просто. – Я здесь, чтобы приготовить корабль.

Вид у Гентри остался очень враждебным, но тон он все-таки сбавил:

– Что нам следует делать?

Она прижала руки к вискам. Как все было устроено, когда умирал дедушка? Это было очень, очень давно, но ей полагалось помнить, что к чему. Альтия перевела дух, стараясь привести в порядок мысли. А потом припала на колени и прижала ладони к палубе. Проказница. Скоро она оживет...

– Надо натянуть над палубой шатер. Вон там. Парусина вполне подойдет, только надо, чтобы бриз внутрь задувал.

– А в каюту почему нельзя отнести? – спросил Гентри.

– Просто ЭТО ТАК ДЕЛАЕТСЯ, – ответила Альтия коротко. – Он должен быть здесь. На палубе. И чтобы ничто не отделяло его от корабля. И шатер должен вместить все семейство: мы будем свидетелями. Пусть поставят дощатые скамейки для тех, кто будет нести «смертную вахту».

– Мне вообще-то корабль разгружать надо, – заявил Гентри. – Часть груза не выносит хранения и обязательно должна быть доставлена на берег. Каким образом, по-твоему, моя команда должна будет все это проделывать, если мы загромодим палубу шатром да еще тьма народа кругом будет толочься?

Вот такие слова. На виду и на слуху у всей команды. Это был вызов.

Альтия молча смотрела на него, недоумевая, что за нечистый дух вселился в мужика – спорить с нею в такой момент! Он что, не понимает, насколько важно то, о чем она с ним толкует? Хотя... может, и не понимает. Он ведь человек Кайла. Откуда ему знать, как совершается пробуждение живого корабля? Альтии показалось, будто Ефрон Вестрит незримо встал у нее за плечом. И подсказал дочери очень знакомую команду – ту, что всегда слышал от него Брэшен, когда возникали серьезные затруднения.

– А ты справишься, – велела она Гентри.

И оглядела палубу. Матросы побросали дела и ждали, чем у них кончится. Одни лица светились пониманием и участием. А другие – просто любопытством: всегда интересно, когда сталкиваются две воли.

– А если справиться не можешь, – почти прорычала Альтия, – тогда пускай этим занимается Брэшен! У него получится! – И повернулась идти, потом остановилась. – Да, это и в самом деле лучший выход из положения! Пусть Брэшен займется подготовкой к встрече капитана Вестрита. Он при нем был старпомом, так что все правильно. А ты позаботься о грузе СВОЕГО капитана!

– Капитан на борту только один, – заметил Гентри. Вернее, пробурчал этак в сторону, словно бы вовсе и не к ней обращаясь, но Альтия решила ответить.

– Это верно, моряк! И когда капитан Вестрит на борту – он и есть капитан. Многие ли здесь станут в том сомневаться?

И она уперлась взглядом в корабельного плотника. Этого человека она сильно недолюбливала (и было за что), но его абсолютная преданность ее отцу никакому сомнению не подлежала. И, глядя ему в глаза, она сказала:

– Ты поможешь Брэшену со всем, что может понадобиться. И поторопись! Отец скоро прибудет. И если он и правда в последний раз взойдет нынче на борт, я желаю, чтобы «Проказница» предстала перед ним такой, какую он ее любил! Добрым кораблем со славной командой!

И этот простой призыв нашел немедленный отклик в сердцах. Первым понял плотник, а за ним и все остальные: дело было нешуточное. И совершенно безотлагательное. Человек, под чьим водительством они ходили по морям (а иные больше двадцати лет), – этот человек сегодня придет сюда УМИРАТЬ. Как часто он хвастался, что самолично подобрал себе лучших людей, равных которым не найти ни в Удачном, ни где-либо еще! И платил им столько, сколько они ни на одном другом судне не заработали бы.

– Я за Брэшеном. – И плотник быстро убежал.

Гентри открыл рот, словно собираясь в сердцах позвать его обратно... Но просто помедлил несколько мгновений – и принялся вылаивать приказы, командуя начавшейся разгрузкой. Встал же он так, чтобы Альтия как можно меньше попадалась ему на глаза. Дескать, свободна. Она осердилась было (форменное оскорбление!), но не время было предаваться мелким обидам.

У нее отец умирал.

Бросившись к парусному мастеру, она велела ему приготовить большой кусок чистой парусины. Когда же Альтия поднялась обратно на палубу, там, о чем-то разговаривая с кора-

бельным плотником, стоял Брэшен. Оба жестикулировали, обсуждая, как устроить растяжки для шатра. Вот Брэшен повернулся к Альтии, и она увидела большую шишку, вспухшую у него на лбу повыше левого глаза. Так вот, стало быть, с кем сцепился старший помощник...

Впрочем, что бы там эти двое ни выясняли, они определенно уже разобрались. Как это обычно и происходило.

Итак, все необходимые распоряжения были сделаны, и теперь Альтии мало что оставалось, кроме как стоять в сторонке и наблюдать. Она перепоручила Брэшену командование, и он его принял. Самое время вспомнить одну из премудростей, внушенную ей отцом: если ты дал кому-то задание, так и не стой над душой, пока он его исполняет. Ей, Впрочем, не хотелось и заработать замечание от Гентри – дескать, болтается тут под ногами. Альтия решила убраться с глаз долой и направилась в свою каюту.

...И увидела, что там стало пусто, лишь картина, изображавшая «Проказницу» под парусами, еще висела на стене. Все прочее было аккуратно уложено в деревянные ящики, стоявшие на полу. Рядом лежали крышки, гвозди и молоток. Альтия оглядела оголенные полки, ощущая, как невидимая рука больно стискивает сердце. Так вот, стало быть, от чего пришлось оторваться Брэшену, когда его позвали выполнять ее поручение.

Альтия опустилась на колючий матрас, еще лежавший на койке, и тупо уставилась на ящики. Некая сторона ее души при виде незаконченной работы готова была усесться заколачивать крышки. Другая часть ее существа возмущалась и требовала немедленно разложить и расставить все вещи по их законным местам. Некоторое время Альтия просто сидела неподвижно, не зная, как поступить.

А потом, совершенно неожиданно, ее горе нашло выход в ужасающем и очень болезненном спазме, стиснувшем горло. Рыдания с такой силой рвались наружу, что она не могла и вздохнуть. Когда же наконец ей удалось втянуть в легкие воздух – она не зарыдала, лишь принялась тихонько всхлипывать. Слезы текли по щекам, а у нее не было даже носового платка, только рукава платья да ненавистные юбки («И что же я за бездушная такая, что в подобный момент думаю о платочках?»). Альтия уронила голову на руки...

Шествие напоминало Уинтроу стаю квохчущих кур. Ему пришлось следовать за ними – а что еще оставалось делать? Он провел здесь, в Удачном, вот уже пять дней, но до сих пор так и не понял, зачем, собственно, его вызвали из монастыря, да еще так спешно. Ну, то есть правильно, его дед умирал. Это ему было известно. Другое дело – чего они от него-то ожидали? Что он должен был по этому поводу предпринять? Или хотя бы – какой вид он должен был на себя напустить, чтобы им были довольны?

Между прочим, на смертном одре старикан наводил на Уинтроу еще большую оторопь, чем когда пребывал в полной силе и здравии. В те времена он, собственно, и пугал-то внука самой мощью своей жизненной энергии. А теперь пугала непроглядная чернота надвигающейся смерти. Эта чернота, исходившая от него, наполняла опочивальню и весь дом. Помнится, еще во время плавания на корабле Уинтроу твердо решил про себя, что постарается хоть как-то познакомиться с дедом, прежде чем тот испустит дух. Но, прибыв домой, скоро понял – слишком поздно. Последние несколько недель вся духовная и телесная сила Ефрона Вестрита уходила на то, чтобы хоть как-то удержать в себе жизнь до прихода «Проказницы». Человеку, боровшемуся за каждый вздох, недосуг было обращать внимание на такую мелочь, как присутствие внука. Нет! Он ждал только свой корабль.

Да и не очень-то много времени Уинтроу с ним проводил. То есть когда он только-только приехал, мать едва позволила ему умыться с дороги лицо и руки – немедленно потащила его в комнату и представила деду. Уинтроу, еще не пришедший в себя после морского путешествия и поездки по жарким и суетным городским улицам, толком не успел осознать даже того, что эта-то невысокая темноволосая женщина и есть та самая МАМА, на которую он привык смотреть

снизу вверх. Опочивальня, куда она торопливо втащила его за руку, была плотно занавешена от яркого солнечного света. Внутри он увидел женщину, сидевшую в кресле возле кровати. В комнате было душно и пахло кислятиной, и все, на что оказался способен Уинтроу, – это стоять смирно и терпеть, пока та вторая женщина обнимала его. Она схватила его за руку, как только эту руку выпустила мать. И потащила его к постели больного.

– Ефрон, – сказала она тихо. – Ефрон, Уинтроу приехал.

Лежавший на кровати еле заметно пошевелился, потом закашлялся – и наконец пробормотал нечто отдаленно похожее на приветствие. Уинтроу стоял, удерживаемый, как кандалами, рукой бабушки, стиснувшей запястье, и только с большим запозданием сумел выдать:

– Здравствуй, дедушка. Я в гости приехал.

Старик не удосужился ответить – если вообще услышал его. Несколько мгновений спустя он снова закашлялся и хрипло спросил:

– Что корабль?..

– Нет. Еще не пришел, – ласково отозвалась бабушка.

Они еще постояли там все трое – он, мать и бабушка. Умиравший больше не двигался и ничего не говорил, и наконец бабушка сказала:

– Мне кажется, Уинтроу, теперь ему надо бы отдохнуть. Попозже, когда ему станет немножко лучше, я за тобой пришлю.

Это «позже» так и не наступило. А теперь вот и отец приехал домой – и для него, как и для всех остальных, весть о скорой кончине Ефрона Вестрита тоже сразу заслонила весь мир. Обнимая мать, он едва глянул через ее плечо на Уинтроу. Глаза отца чуть расширились – вот, мол, как вырос, – и он даже кивнул своему старшему сыну, но тут мать принялась без умолку трещать о несчастьях и всяких сложностях, постигших семью. И Уинтроу стоял в стороне, как чужак, пока сестрица Малта и младший братишка Сельден обнимали отца. Еле дождавшись, пока мать, занятая бесконечной жалобой, сделает краткую передышку, Уинтроу шагнул вперед, чтобы поклониться отцу и пожать ему руки.

– Так-так. А вот и мой сын, священник, – приветствовал его Кайл, и Уинтроу до сих пор не мог решить для себя, действительно в голосе отца прозвучала насмешка или же ему показалось. Зато последующие слова его совсем не удивили. – Смотри-ка, даже младшая сестренка и та тебя переросла. А почему на тебе длиннополая, как у женщин, одежда?

– Кайл!.. – упрекнула мужа Кефрия.

Но тот уже отвернулся от Уинтроу, не ожидая и не дожидаясь ответа.

И вот теперь тетка Альтия умчалась что-то там такое готовить, а все пошли в дом, и Уинтроу потащился следом за всеми. Взрослые уже обсуждали, как лучше доставить Ефрона на корабль и что следует захватить с собой сразу, а что можно принести и потом. Дети, Малта и Сельден, все пытались пристать с расспросами к матери, а бабушка раз за разом их утихомиривала. Уинтроу шел позади всех, не чувствуя себя ни ребенком, ни взрослым и подавно не захваченный той бурей чувств, что бушевала кругом.

Во время поездки сюда из Джамелии он осознал, что понятия не имеет, чего вообще ждать от домашних. И с момента приезда это чувство только усиливалось. Может, оттого, что общаться ему довелось в основном с матерью, да и разговор обычно состоял из сплошного ее монолога, да и тем было небогато. Либо она принималась ахать и охать – какой, дескать, он худенький, либо же принималась перебирать какие-то милые глупости и пустяки из его детства, и эти воспоминания неизбежно начинались со слов: «Ты, конечно, не помнишь, но...»

С Малтой они когда-то были до того близки, что она казалась его вездесущей тенью. Но теперь эта самая Малта была вроде бы недовольна его появлением в доме и вовсю ревновала его к матери – как это он смеет отнимать у нее, любимой, хоть какую-то частичку ее внимания. Конечно, напрямую она ему ничего не говорила. Просто дожидалась, когда мать не могла слышать, и отпускала какую-нибудь ядовитую колкость – да и то обращаясь якобы не к нему, а к

Сельдену или слугам. И что она взъелась на него, интересно бы знать? В свои двенадцать она была действительно выше ростом и гораздо больше походила на женщину, чем он на мужчину. Никому и в голову не пришло бы, что он старший.

А Сельден? Сельден, которого он в последний раз видел едва ли не в колыбели, теперь относился к нему как к дальнему родственнику, заехавшему провести семью. С таким человеком нет смысла близко знакомиться, потому что он все равно скоро уедет. Уинтроу надеялся, кстати, что так оно и произойдет. Он отдавал себе отчет, как это недостойно – желать, чтобы дед поскорее преставился и можно было вернуться в монастырь, к своей собственной жизни. Однако делать вид, будто подобные мысли совсем его не посещали, было не менее греховно, ибо это была бы ложь.

...И вот все столпились перед дверью, за которой лежал умирающий. Все дружно понизили голос, ни дать ни взять обмениваясь секретами. Как будто о смерти ни в коем случае нельзя было упоминать вслух! Для Уинтроу такое поведение было сущей бессмыслицей. Неужели они не понимают, что дед только рад умереть? Уинтроу заставил себя прислушаться к разговору.

– Я думаю, – шептала бабушка отцу, – нам вообще не следует ничего ему говорить.

Она держалась за ручку двери, но не поворачивала ее, чтобы войти. Можно подумать, она вообще старалась отгородить от нее Кайла. Тот же хмурился, и было видно, что соглашаться с тещей он не намерен. Мать держала его за локоть, умоляюще глядя снизу вверх и кивая как заведенная.

– Это его расстроит... расстроит... – повторяла она.

– И понапрасну к тому же, – подхватила бабушка, как будто они с Кефрией обменивались мыслями. – Я потратила долгие недели, чтобы заставить его разделить нашу точку зрения, и наконец он согласился, но так неохотно! Если мы скажем ему, то только спровоцируем его на спор. А если он устал и чувствует боль – он становится таким упрямым...

Она умолкла, и обе женщины уставились на отца Уинтроу, словно требуя от него немедленного согласия. Он даже не кивнул им. Лишь нехотя выговорил:

– Обещаю, что не буду с ним заговаривать... сразу, по крайней мере. Давайте для начала переправим его на корабль. Как бы то ни было – это важнее всего.

– Вот именно, – согласилась бабушка и наконец открыла дверь. Они вошли. Но когда Малта с Сельденом тоже сунулись внутрь, она живо выпихнула их наружу. – Вот что, детки, бегите-ка к няне. Пусть Нана вам соберет во что переодеться. Ты, Малта, еще сбегай к повару: пусть быстренько приготовит нам с собой перекусить и распорядится, чтобы потом присылали еду в гавань. – Отдав эти распоряжения, бабушка мгновение непонимающе смотрела на Уинтроу, как бы соображая, что же с ним-то делать. Потом деловито кивнула: – Тебе, Уинтроу, тоже потребуется смена одежды. Мы ведь будем жить на корабле до тех пор, пока... Ох!..

С ее лица вдруг сбежал последний румянец: слишком страшен был смысл только что произнесенного. Такое выражение лица Уинтроу уже видел. Он часто ходил к людям с монастырскими лекарями, и нередко случалось так, что все их искусство лечения травами и прикосновениями оказывалось бессильно. В таких случаях следовало больше думать о том, что ты способен сделать для потрясенных горем родственников больного. Вот и бабушка вскинула к шее скрюченные пальцы, словно бы намереваясь порвать ворот платья, вдруг ставший нестерпимо узким и душным... Уинтроу ощутил, как волной затопляет сердце непритворная жалость.

– Ох, бабушка!.. – выговорил он и потянулся к ней.

Он хотел обнять ее и прикосновением забрать у нее часть навалившейся тяжести, но Роника шарахнулась прочь. Потом хлопала его по плечу – и оттолкнула.

– Нет-нет, дорогой, со мной все в порядке. Не позволяй своей бабке так тебя расстраивать, внучек. Иди лучше собирай вещи, чтобы нам не ждать тебя, когда все будет готово.

И захлопнула дверь у него перед носом. Некоторое время Уинтроу смотрел на эту дверь, не в силах поверить. Когда же он повернулся, то встретился взглядами с Малтой и Сельденом.

– Значит, так... – выговорил он тускло. Потом с неким ему самому неясным отчаянием попытался разыскать в своей душе родственное чувство к брату и сестре. Он прямо посмотрел им в глаза и проговорил с хмурой торжественностью: – Наш дедушка при смерти.

– Мы все лето это слышим, – отмахнулась Малта. Скривила губы – фи, дескать, нет бы что умное произнес! – и отвернулась прочь. – Пошли, Сельден. Я попрошу Нану уложить твои вещички.

И увела мальчика, а Уинтроу остался стоять.

Он попытался объяснить себе самому, что не следует принимать очередную выходку Малты так близко к сердцу. Родители, посвятившие его Са, вовсе не думали тем самым принизить его. А сестра ведет себя так, потому что от горя сама не своя.

Нет. Все не так. Хватит врать себе. Уинтроу решил, не увиливая, разобраться в собственных ощущениях и понять их. Его матери и бабушке попросту не до него. А отец и сестра целенаправленно старались ранить его гордость, и он позволил обоим в том преуспеть. Ладно, что случилось, то случилось, и то, что ему пришлось испытать, не было знаком недостатка, который ему следовало бы в себе изживать. «Прими то, что выпадает на долю, – и расти духовно», – напомнил он себе. Сразу стало легче. Уинтроу отправился в свою комнату – приготовить смену белья.

Брэшен смотрел на Альтию, не в силах поверить собственным глазам. «Только этого мне и не хватало», – подумал он бестолково, но тут же ухватился за шевельнувшуюся в душе струнку гнева, поскольку иначе недолго было и запаниковать. Поспешно закрыв за собой дверь, он опустился на колени рядом с Альтией, простершейся на полу. Он отважился войти к ней, поскольку она никак не реагировала на все более громкий и настойчивый стук в дверь. Когда же он сердито распахнул дверь и шагнул внутрь, то был готов к любым проявлениям ярости, вплоть до шипения и плевков... А вместо этого обнаружил ее неподвижно лежащей на полу. Ну точь-в-точь упавшая в обморок героиня пьесы из грошового театра. С одной только разницей: те падали этак изящно и непременно зарывались лицом в ладони. Альтия же плотно прижимала ладони к деревянному полу, словно пытаясь запустить в него пальцы.

По счастью, она дышала. Определенно дышала. Брэшен помедлил, потом осторожно потряхнул ее за плечо.

– Госпожа... – начал он с подобающей вежливостью, но тут же отбросил лишние приличия: – Альтия! очнись! Да очнись же!

Она тихонько застонала, но не пошевелилась. Брэшен в ярости смотрел на нее. Следовало бы заорать во все горло, призывая корабельного доктора, но он знал – всеобщий шум и беготня ей вряд ли понравятся. Она не захочет, чтобы ее видели в таком состоянии... Во всяком случае, прежняя Альтия точно не захотела бы. Обморок и лежание враспашку на голом полу были у той Альтии не в обычае. Как и хандра в каюте во время плавания сюда. И Брэшену очень не нравилась ее бледность, не говоря уже о туго обтянутых скулах. Он оглядел разоренную каюту, потом поднял девушку на руки и уложил на лишенный покрывала коечный матрац.

– Альтия! – позвал он требовательно, и на сей раз ее веки затрепетали. Затем раскрылись.

– Когда ветер наполняет паруса, ты режешь волны, как раскаленный нож режет мягкое масло... – сообщила она ему с тихой улыбкой.

Взгляд у нее был отсутствующий. Брэшен едва не улыбнулся в ответ, ведь она словно бы поделилась с ним тайной, не предназначенной для посторонних. Он вовремя спохватился.

– Ты что, сознание потеряла?

Ее взгляд внезапно сделался полностью осмысленным.

– Я?.. Ну... не совсем. Я просто... не могла удержаться... – Не договорив, она решительно поднялась.

Ее шатнуло, но, прежде чем Брэшен успел подхватить ее под руку, Альтия ухватила за переборку. Она смотрела в стену так, словно за ней таился дивный пейзаж. Она хрипло спросила:

– Вы приготовили ему место?

Брэшен кивнул. Девушка ответила тем же, и он набрался храбрости сказать ей:

– Альтия... Я горюю вместе с тобой. Твой отец так много для меня значил...

– Он еще не умер! – отрезала она.

Потерла лицо ладонями и убрала с него волосы. И – словно приведение себя в порядок на том было полностью завершено – прошла, спотыкаясь, мимо Брэшена к двери. Он последовал за ней. «Вот это на нее больше похоже. Просто не замечает, что рядом еще кто-то есть». Так отмахнуться от его соболезнований! Можно подумать, он из пустой вежливости эти слова произнес. «Интересно, она вообще задумывалась о том, ЧТО ее отец и его смерть значат для нас, команды „Проказницы“?» А ведь капитан Вестрит был самым честным и щедрым из всех, выводивших свои корабли из удачинской гавани. Задумывалась ли Альтия, как редко бывает, чтобы капитан заботился о благополучии своих людей на деле, а не на словах? Да какое там, конечно не задумывалась. Она ведь не ходила на судах, где команду кормили червивыми сухарями и осклизлой солониной. Она не видела, как старпом до полусмерти избивает матроса только за то, что бедняга недостаточно быстро исполнил приказ. Это верно, капитан Вестрит разболтанности тоже не переносил, но от таких он попросту избавлялся в ближайшем порту. Живодерство было не в его вкусе. И он знал своих людей до последнего. Он брал к себе далеко не первых попавшихся. А кого брал – тех самолично воспитывал, учил, проверял... и в любой ситуации видел насквозь.

И его люди, понятно, тоже знали своего капитана. И верили в него. Как они верили! Брэшен знал нескольких, кто отказался от более высоких должностей на иных кораблях – только чтобы остаться с капитаном Вестритом. Были и такие, кто, согласно царившим в Удачном понятиям, был староват для работы на палубе, но Ефрон их не гнал, ценя накопленный с годами опыт. Наоборот, он брал новых матросов, молодых, сильных, – и ставил рядом со стариками, чтобы учились. Он доверял им свой корабль. А они ему – свою будущность.

И вот теперь, очень скоро, «Проказница» перейдет под ее начало. Так пусть же Са даст ей разум и нравственное чувство, чтобы она достойно продолжила дело отца...

Ведь у многих моряков вообще не имелось никакого дома, кроме «Проказницы».

И одним из них был Брэшен.

Глава 6

Пробуждение «Проказницы»

У Брэшена сердце перевернулось в груди, а глаза обожгли мгновенные слезы, когда он увидел, что его капитана вносят на палубу на носилках. Вся жуткая правда дошла до него только теперь, при виде безвольного тела под льняным покрывалом. Его капитан в самом деле всходил на борт, чтобы здесь умереть. Тайная надежда Брэшена, что дела у Ефрона Вестрита вовсе не так плохи, как про то говорят, что вольный морской воздух и родная палуба корабля чудесным образом помогут ему оправиться от болезни, – эта надежда предстала жалкой и наивной детской мечтой...

Он почтительно отступил назад, куда люди под началом Кайла Хэвена несли старого капитана по наклонному трапу и потом устраивали под пологом шатра, на скорую руку сооруженного Брэшеном из парусины. Там Ефрона встретила Альтия, бледная, точно лицо ее было вырезано из слоновой кости. Остальное семейство тащилося следом, словно стадо овец, в одночасье лишившееся пастуха. Вот они заняли места кругом ложа Ефрона, и Брэшену это зрелище неприятно напомнило накрытый стол и рассаживающихся гостей. Жена капитана и его старшая дочь выглядели испуганными и растерянными. Дети – включая какого-то мальчика постарше – явно не понимали, что происходит. Кайл даже отодвинулся прочь от своих домашних, разглядывая их с недовольным видом: так он, бывало, рассматривал плохо починенный парус или неудачно размещенный груз. Альтия первой сбросила оцепенение. Она тихо ушла, чтобы скоро вернуться с кувшином воды и чашкой. Опустилась на колени у изголовья отца и предложила ему попить.

Ефрон действительно повернул голову и сделал глоток – доселе неподвижное тело впервые пошевелилось. Потом приподнялась истощенная рука и неопределенным взмахом указала им, что его следовало снять с носилок и уложить на голую палубу. Брэшен едва ли не первым устремился вперед. Старая выучка взяла свое – он слишком привык повиноваться не просто команде Ефрона, но даже взгляду или короткому жесту. Он склонился над ложем старого капитана и только тут подметил недовольную физиономию Кайла.

– Если позволишь, господин мой... – прошептал Брэшен и был удостоен какого-то подобия утвердительного кивка (послужившего заодно и приветствием).

Альтия неожиданно оказалась рядом и подсунула руки под бесплотные колени отца, Брэшен же приподнял с носилок его торс. Правду сказать, весу в умирающем было совсем немного. Да и стариком его на самом деле не следовало называть... Брэшен с бесконечной заботой опустил своего капитана на обнаженные палубные доски. Он ждал, чтобы тот застонал или охнул от боли, но Ефрон, напротив, с явным облегчением перевел дух – так, словно избавился от страшного груза. Его глаза открылись, и в них даже появилась искорка бывшего огня. Он нашел глазами дочь:

– Альтия. Нагель...³¹ от носового изваяния. Дай...

Новый ужас мелькнул в глазах девушки, но все-таки она расправила плечи и вскочила на ноги, повинуясь приказу отца. Только возле углов побелевших губ залегли складки. Брэшен невольно подался назад. Капитан Вестрит не потребовал бы принести нагель, если бы не чувствовал приближения смерти. А значит, пора было оставить его наедине с семьей. Но тихо убраться прочь Брэшен не успел – Ефрон поймал его запястье и стиснул с неожиданной силой. Длинные пальцы капитана прямо-таки впились в тело, и умирающий притянул его обратно

³¹ *Нагель* – деревянный гвоздь или стержень из твердой древесины, обычно используется для неразъемного соединения деревянных деталей.

– поближе к себе. Рядом с ним действительно пахло смертью, но Брэшен не дрогнул, лишь наклонился пониже, чтобы расслышать голос Ефрона:

– Будь с нею, сынок... Ей понадобится твоя помощь. Помоги ей пройти... через это.

Брэшен кивнул – дескать, понял, – и капитан Вестрит его отпустил. Бывший старпом уже поднимался на ноги, когда умирающий заговорил снова. Он сказал:

– Ты был отличным моряком, Брэшен. – Его голос теперь звучал ясно и на удивление громко, словно он желал, чтобы не только семья слышала его, но и все остальные. Он, сколько мог, набрал в грудь воздуха. – У меня нет претензий к тебе, Брэшен. – Новый мучительный вздох. – Если бы жизнь вернулась ко мне и я снова вышел в море, ты был бы моим старшим помощником... – Голос его снова угас, последние слова он скорее просипел, нежели проговорил. Его взгляд покинул лицо Брэшена и устремился туда, где стоял сердито насупившийся Кайл. Ефрон втянул в себя еще порцию воздуха. – Но мне больше не ходить по морям... «Проказница» никогда больше не будет моей...

Его губы начинали синеть. Он силился вдохнуть и не мог. Его рука сжалась в кулак и вдруг сделала яростный жест – мало кто понял бы, что он означал, но Брэшен понял. Он вскочил и рванулся следом за Альтией, чтобы скорее привести ее назад.

Назначение деревянного гвоздика никакой особой тайны не содержало. Ефрон сам рассказал Брэшену вскоре после того, как назначил его старпомом. На голове носовой статуи, среди завитков пышных волос, имелась защелка. Если нажать ее – высвобождался длинный нагель, вырезанный из шелковисто-серого диводрева. И поверье гласило, что умирающему следует крепко держать в руке этот нагель – тогда, мол, кораблю достанется елико возможная часть его мудрости и жизненной силы. Дело это было необязательным, но очень желательным. Ефрон показал Брэшену защелку и объяснил, как она срабатывает, просто на всякий случай – мало ли что может произойти с ними в море, бывает, что капитаны и погибают вдали от родных берегов, так чтобы старпом мог высвободить заветный гвоздик и вложить его ему, Ефрону, в руки, пока он будет еще жив.

Почетная обязанность, которую, как Брэшен сердечно надеялся, ему никогда не придется выполнять. Но вот поди ж ты...

Альтия только что не свешивалась с бушприта вниз головой, силясь подцепить нагель пальцами и вытащить из гнезда. Но у нее ничего не получалось. Брэшен без лишней болтовни свесился следом за ней, обхватил девушку за бедра и помог опуститься еще ниже, так, чтобы было удобней.

– Спасибо, – пропыхтела она, и нагель оказался у нее в руках.

Брэшен без большого усилия перенес ее через фалышборт и поставил на палубу. И она сразу бросилась обратно к отцу, зажав драгоценный гвоздь в кулаке. Брэшен не отставал.

Они подросли как раз вовремя. И было видно, что смерть Ефрона Вестрита не обещала быть легкой. Вместо того чтобы тихо прикрыть глаза и мирно *уйти*, он отчаянно и мужественно сражался – так, как привык сражаться со всем, что ему в жизни противостояло. Альтия протянула ему нагель, и он схватился за него так, словно это могло спасти его.

– Тону, – просипел он. – Тону на сухой палубе, какая досада!

Странное равновесие сил между жизнью и смертью держалось некоторое время. Альтия и ее отец держались за разные концы нагеля. По искаженному страданием лицу девушки катились обильные слезы. Волосы растрепались и липли к мокрым щекам. Ее глаза были широко раскрыты и ни на миг не отрывались от столь же широко и пристально распахнутых черных глаз отца. Она знала, что ничего больше не может для него сделать, и смотрела, смотрела...

Вот рука Ефрона заскребла по палубным доскам, словно пытаясь схватиться за гладкое дерево. Он вдохнул еще раз, с хрипом и свистом. В углах рта появилась кровавая пена. Члены семьи столпились вокруг него. Старшая дочь уцепилась за мать, не в силах выговорить ни слова, но мать что-то тихо приговаривала, уткнувшись ей в волосы. Девочка, внучка, ревмя

ревела от ужаса, схватив в охапку ничего не понимающего меньшого братца. Старший внук замер чуть поодаль, с лицом бледным и напряженным, – видимо, испытывал боль. Кайл стоял у ног умирающего, скрестив на груди руки. Брэшен так и не смог догадаться по его лицу, о чем он думал в эти мгновения.

Позади них, на почтительном расстоянии, образовался еще один, внешний круг. Команда корабля комкала в руках шапки, наблюдая за уходом из жизни своего капитана.

– Альтия! – внезапно окликнула жена капитана младшую дочь. И выпихнула вперед, ближе к отцу, старшую. – Ты должна, – выговорила она странно напряженным голосом. – Ты знаешь, что ты должна!

У нее было такое лицо, как если бы она принуждала себя исполнить нечто весьма неприятное, но необходимое. В глазах старшей дочери – кажется, ее звали Кефрия? – стыд мешался с дерзостью. Она упала на колени подле младшей сестры. Протянула дрожащую бледную руку... Брэшен ждал, чтобы она прикоснулась к отцу, но нет. Она крепко вцепилась в нагель, поместив свою ладонь между руками Альтии и Ефрона.

Таким образом она недвусмысленно заявляла свои права на корабль. Ее мать облекла это требование в слова:

– Альтия, отпусти гвоздь! Корабль принадлежит твоей сестре! По праву рождения... и по воле вашего отца!

Голос Роники дрожал, но выговорила она ясно и четко.

Альтия вскинула глаза, не в силах поверить.

– Кефрия?.. – непонимающе спросила она. – Кефрия, ты что?

Та испытывала явную нерешительность. Даже оглянулась на мать...

– Именно так! – во всеуслышание объявила Роника Вестрит. – Так и будет, Альтия. Так должно быть – ради всех нас!

– Папа?.. – голос Альтии задрожал и сорвался.

Отец по-прежнему не отрывал от нее взгляда. Его губы дрогнули... шевельнулись... И он выдохнул свои последние земные слова:

– От... пус... ти...

...Брэшену довелось ходить некоторое время на корабле, чей старпом был жуть как ловок с деревянной дубинкой. Ее предназначением было глушить крупную рыбу. Но тот старпом ею в основном оглушивал – причем тихонько подобравшись сзади – своих подчиненных матросов, которые, с его точки зрения, недостаточно рьяно трудились. Сколько раз Брэшен, сам того не желая, наблюдал вид и взгляд человека в тот момент, когда сзади на его череп обрушивалась увесистая деревяшка! И он отлично знал, как выглядит человек, чье сознание на миг погашено жестокой и неожиданной болью. Именно так выглядела Альтия, когда ее отец произнес свое последнее слово. Она выпустила нагель, ее рука на миг безвольно повисла – но тут же нашла и стиснула руку отца. Она схватилась за нее, как тонущий в бурю – за обломки разбитого корабля. Альтия держала и держала, а Ефрон Вестрит задыхался на палубе, точно рыба, вытащенная из воды.

– Папа... – снова прошептала она.

Он навряд ли услышал. Его позвоночник выгнулся, грудь высоко вздымалась в отчаянной попытке вдохнуть... Все-таки он повернул голову к ней...

И, внезапно обмякнув, рухнул на твердые доски. Долгая битва окончилась. Последние отсветы жизни и борьбы за нее угасли в открытых глазах. Бесплотное тело распростерлось на палубе, словно стремясь *впитаться* в гладкое диводрево. Его пальцы соскользнули с заветного нагеля. Кефрия поднялась на ноги. Альтия же упала на тело отца, прижалась к его груди – и зарыдала. Отчаянно, никого уже не стыдясь.

И она не увидела того, что увидел Брэшен: поднявшись, Кефрия передала нагель спокойно ожидавшему мужу. Брэшен не мог поверить собственным глазам, однако же это было

именно так. Кайл принял длинный деревянный гвоздь – и пошел прочь с таким видом, словно **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** имел право его нести! Был миг, когда Брэшен едва не бросился следом. Но потом решил, что быть свидетелем *этому* у него совершенно точно никакой нужды нет. С нагелем или без нагеля – «Проказница» оживет. Никуда не денется, оживет. Брэшену казалось, он уже ощущал происходившую с ней перемену. Деревянный гвоздь лишь ускорит дело, но не решит.

Гораздо больше Брэшена занимало другое. Обещание, которое он недавно дал умирающему капитану.

«Будь с нею, сынок... Ей понадобится твоя помощь. Помоги ей пройти... через это...»

Он-то в простоте своей думал – речь шла либо о вытаскивании нагеля, либо о близившейся кончине Ефрона. Однако теперь понимал: капитан Вестрит имел в виду нечто гораздо более важное и глубокое. Знать бы еще – что именно.

«Что же я в действительности ему пообещал?»

Ощувив на плечах чьи-то руки, Альтия для начала попробовала стряхнуть их. Ей было, собственно, все равно, кому эти руки принадлежали. Всего за несколько мгновений она потеряла и отца, и «Проказницу». Легче было бы, наверное, расстаться с жизнью. Обе утраты были таковы, что разум попросту отказывался их вмещать. Лишь где-то вдалеке билась вялая мысль: «Это несправедливо. Такие огромные несчастья должны происходить по крайней мере по очереди, а не вместе. Тогда я успевала бы разобраться с ними порознь. Это несправедливо».

Альтия пыталась думать о кончине отца – и тут же наваливалась невыносимая мысль об отнятом у нее корабле. Но поразмыслить об этом было уже вовсе невозможно – не здесь, рядом с еще не остывшим телом отца! Ибо пришлось бы неминуемо задаться вопросом – как вышло, что отец, тот, кого она любила и чтילה более всего на свете, смог столь полно и решительно предать ее. Как ни жестока была терзавшая Альтию боль, она старательно гнала прочь все мысли, которые могли привести ее в ярость. Ибо знала: ярость эта была бы из тех, что дотла выжигают душу, не оставляя ничего, кроме мертвой золы.

...Руки, которые она сбросила со своих плеч, вернулись – и стиснули крепко.

– Отвяжись, Брэшен... – бессильно пробормотала она.

В ней не осталось энергии даже на то, чтобы вырваться еще раз. Может быть, оттого, что ладони были теплыми и сильными... слишком напоминали отцовские. Так, бывало, отец подходил к ней среди ночи, когда она стояла на вахте и держала штурвал. Он, когда хотел, умел двигаться бесшумнее призрака, и вся команда это знала. Всем было известно: никогда не угадаешь, откуда и в какой момент появится капитан. Нет, он не станет вмешиваться в работу матроса, просто окинет происходящее взглядом знатока – и этого будет довольно... Вот и Альтия, стоя у штурвала и твердо держа заданный курс, не подозревала о его приближении – пока на ее плечах неожиданно не оказывались его родные, крепкие руки. А потом он либо уходил, растворяясь во тьме столь же беззвучно, как из нее появился, либо оставался выкурить трубочку, молча наблюдая, как его дочь направляет «Проказницу» сквозь ветер и тьму.

Явившееся воспоминание странным образом укрепило ее. Раздирающее горе превратилось в тяжелый ком тупой боли. Альтия выпрямилась, расправляя плечи. Она по-прежнему ничего не могла осознать. Ни того, как это он вдруг умер и оставил ее одну-одинешеньку, ни того, как он еще и умудрился отнять у нее корабль и передать старшей сестре.

– Но, ты знаешь, много раз бывало, что он просто рывкал команду, – проговорила она, – и я бросалась ее выполнять, хотя глубинного смысла не понимала. Но почему-то все выходило к лучшему... всегда к лучшему...

Альтия повернулась, уверенная, что увидит у себя за спиной Брэшена. К ее изумлению, это оказался Уинтроу. Она едва не пришла в ярость: да кто он такой, этот малец? Кто дал

ему право этак по-дружески ее обнимать? А он еще и улыбнулся ей (и улыбка болезненно напомнила ей отцовскую, но, конечно, была лишь бледным подобием ТОЙ) и негромко сказал:

– Я уверен, тетя Альтия, и в этот раз будет так же. Ибо не только твой отец завещал нам принимать беды и разочарования, но и сам Са. Если мы сумеем достойно принять то, что он нам посылает, то непременно будем вознаграждены.

– Заткнись! – почти прорычала она.

А не пошел бы он со своими погаными утешениями, этот Кайлов отпрыск, получивший все то, что было у нее отнято! Уж конечно, ему-то ничего не стоило перенести подобное «испытание»...

На лице мальчишки отразилось сущее потрясение. Он, кажется, еще и не ждал от нее резкости? Альтия чуть не расхохоталась, а он наконец выпустил ее плечи и отступил прочь.

– Альтия! – одернула ее мать.

Действительно, что за манеры?

Альтия провела мокрым рукавом по глазам и свирепо повернулась к матери. В ее голосе прозвенело предупреждение:

– Думаешь, я не догадываюсь, чья это была блестящая мысль – чтобы Кефрия унаследовала корабль, а не я?

– Альтия, Альтия... – Кефрия заломила руки, на ее лице отразилась почти настоящая боль.

Почти совсем настоящая, и Альтия едва не смягчилась. Когда-то они с сестрой были так близки...

Тут среди них появился Кайл. Очень сердитый и недовольный.

– Что-то не так! – объявил он во всеуслышание. – Нагель не удастся поставить на место!

Все оглянулись. До чего же не вязалось раздражение в его голосе со зрелищем безжизненного тела Ефрона Вестрита, по-прежнему распростертого на палубе корабля. Некоторое время длилось молчание, и наконец даже до Кайла что-то дошло. Он стоял, держа в руке гладкий шелковисто-серый нагель, и поводил глазами по сторонам, словно не зная (а может, действительно не зная?), на чем остановить взгляд. Альтия судорожно вздохнула, собираясь что-то сказать, но еще прежде, чем она издала хоть звук, раздался голос Брэшена, полный самого ядовитого сарказма:

– Возможно, тебе это неизвестно, но пробудить живой корабль, кэп, способен только *кровный родственник* семейства.

Дело выглядело так, как если бы он стоял в чистом поле во время грозы, напрашиваясь на удар молнии. И молния не заставила себя ждать. Ярость изуродовала Кайла, он побагровел так, как на памяти Альтии с ним ни разу еще не бывало.

– Кто дал тебе слово, ублюдок! Да я тебя выкину с корабля!!!

– Выкинешь, обязательно выкинешь, – бестрепетно согласился Брэшен. – Но не прежде, чем я отдам последний долг *своему* капитану. Он ведь все сказал очень ясно и четко, даром что умирал! «Будь с нею, сынок – помоги ей через это пройти» – вот что он мне сказал, и все это слышали, и ты в том числе. И я помогу. Отдай Альтии гвоздь! Ей по крайней мере принадлежит право оживления корабля!

Тут Альтия вспомнила, как ее отец, случалось, рассуждал о своем молодом старшем помощнике. И главный недостаток Брэшена, по его словам, был: «Этот парень никогда не умеет вовремя прикусить язык!» И вот Альтия, помнится, недоумевала: в самом деле голос батюшки содержал некий оттенок едва ли не благоговейного восхищения или ей просто мерещилось? Она была не в силах понять... А теперь, кажется, поняла. Вот он, Брэшен, измотанный и ободраный, как и положено матросу в конце долгого плавания, у всех на глазах спокойно противостоит человеку, который командует этим самым кораблем – и, по всей видимости, будет командовать впредь. Брэшена прилюдно пообещали взащей вытолкать с корабля, а он и ухом

не повел. Альтия знала, что Кайл никогда с его требованием не согласится; она себе про то не позволяла даже мечтать. Но Брэшен произнес эти слова – и Альтия вдруг уловила некий отблеск того, что ее отец всегда в нем видел.

Глаза Кайла метали темные искры. Вот он оглядел круг скорбящей семьи... Альтия остро чувствовала, что он отнюдь не забывает о внешнем круге людей – о сошедшейся команде, что он прекрасно отдает себе отчет и о толпе зевак, сбегавшейся на причал, – а то как же, не всякий день увидишь пробуждение живого корабля!

И в конце концов он решил сказанное Брэшеном попросту игнорировать.

– Уинтроу! – рявкнул он, и голос прозвучал подобно удару бича. – Возьми гвоздь и оживи судно!

Все глаза устремились на паренька. Он так и побелел, глаза стали огромными. Его губы задрожали, но потом отвердели. Он глубоко вздохнул и выговорил:

– Это не мое право.

Его негромкий голос почему-то разнесся очень отчетливо.

– Проклятье! Ты не только Хэвен, но еще и Вестрит! Это твое право, потому что и корабль со временем станет твоим. Бери гвоздь, говорю, и марш оживать!

Мальчишка все так же непонимающе смотрел на отца. Когда он наконец заговорил, его голос дрожал и срывался:

– Меня отдали в храм, чтобы я стал жрецом Са. А жрецу собственность не положена.

У Кайла зримо запульсировала на виске жила.

– Да провались он, ваш Са!!! Это твоя мать тебя отдавала, а не я! И я забираю тебя обратно! Прямо здесь и сейчас! А теперь живо делай, что тебе велено!

Произнося эти слова, он шагнул вперед и схватил старшего сына за плечо. Мальчишка явно прилагал усилия, чтобы не шарахнуться прочь, но видно было, что держится он из последних сил. Даже Роника с Кефрией выглядели потрясенными святотатством Кайла, и немудрено.

Альтии же вдруг показалось, будто окутавший ее саван горя спал с плеч, оставив ее потрясенной, но обретшей способность к необычно острому сопереживанию. Удивительное зрелище: все эти чужаки, занятые ссорой, какими-то спорами... в то время как у их ног медленно коченело непогребенное тело. Великая ясность осенила вдруг ее разум. И она поняла: Кефрия даже не подозревала о намерениях Кайла в отношении Уинтроу. И сам мальчик не подозревал. То-то он с полным непониманием смотрел на гладкий серый нагель, что отец властно вкладывал ему в руки...

– Ну?!! – взревел Кайл так, словно ему противостоял не один полувзрослый юнец, а пятеро здоровенных матросов.

Он сгреб сына и начал силой пихать его к форштевню корабля. Остальные потянулись следом. Так мелкие обломки плывут в кильватере за разваливающимся судном. Альтия проводила их взглядом. Потом тихо опустилась на палубу и сомкнула пальцы на стынушем запястье отца.

– Как славно, что тебя здесь больше нет и ты ничего этого не видишь, – прошептала она.

Потом попробовала прикрыть веки его глаз, все еще устремленных в пространство. Ничего не получилось. Сделав несколько попыток, Альтия сдалась и оставила его недвижно смотреть вверх, на трепещущую парусину шатра.

– Вставай, Альтия.

Это был Брэшен. Она даже не повернула головы.

– Зачем?

– А затем, что... – Он помолчал, подбирая слова, и продолжал: – Затем, что они могут отобрать у тебя право обладать кораблем, но тебя-то это не освобождает от долга перед ним! Твой отец меня попросил тебе помочь через это пройти. Как по-твоему, хотелось бы ему, чтобы

Проказница в самый первый раз открыла глаза – и увидела кругом себя одни посторонние рожи?

– Там будет Кайл... – выговорила Альтия тупо.

Боль снова возвращалась – благодаря беспощадной искренности Брэшена.

– Он для нее посторонний. Он не из *ее семьи*. Идем же!

Альтия продолжала смотреть на неподвижное тело. Смерть уже изменяла лицо отца, разглаживая его черты и придавая им выражение, которого Альтия не помнила у него живого.

– Я не хочу его здесь так оставлять...

– Альтия... Это уже не капитан Вестрит. Это всего лишь его мертвое тело. Он ушел, Альтия. А «Проказница» по-прежнему здесь. Ты знаешь, что тебе следует совершить. Сделай же это хорошо. – Он наклонился, и она увидела его лицо совсем рядом со своим. – Выше голову, девочка. Моряки смотрят.

Последние слова подействовали – она нехотя поднялась. Вновь посмотрела на застывающее лицо отца, постаралась в самый последний раз поймать его взгляд. Нет... Он теперь смотрел мимо нее, куда-то в беспредельную даль. Что ж! Надо в самом деле держать голову выше. Она так и поступила.

Брэшен подал ей руку – ни дать ни взять препровождал ее на бал Представления в Удачном. Не думая, Альтия положила руку на его предплечье (в полном соответствии с давно заученным этикетом) и позволила отвести себя к самому форштевню корабля. Некоторым образом соблюдение формальности придало ей сил.

Подходя, она услышала тихий, но полный ярости голос Кайла, поносившего Уинтроу, и звуки его словно высекли искру в ее душе. Будто сталь налетела на кремь.

– Это же так просто, парень! Вон там дырка, вот гвоздь, а это запирка. Отодвинь ее, запихни нагель и выпусти задвижку, всего-то делов! Я тебя подержу, чтобы не свалился. Да не трусь же ты, проклятье!

Потом послышался голос мальчика – все еще высокий, готовый сорваться, но... исполненный мягкости, не имевшей ничего общего со слабостью. И он был по-прежнему отчетливо слышен:

– Отец мой, я же не говорил, будто боюсь или не умею. Я просто сказал, что не стану этого делать. У меня нет на это права ни как члена семьи, ни как слугителя Са.

И лишь легкая дрожь голоса выдавала, до чего нелегко юному жрецу выговорить эти слова.

– Ты, чума тебя забери, все равно сделаешь так, как я тебе прикажу! – прорычал Кайл.

Его рука вскинулась в очень знакомом жесте, предваряющем удар...

– Кайл! Нет! – выдохнула Кефрия в ужасе.

Альтии понадобилось два шага, чтобы оказаться между Кайлом и его сыном.

– Не подобает нам такое творить в день смерти отца, – сказала она. – И с «Проказницей» так поступать нам не следует. Нагель не нагель – она оживает! Вы что, хотите, чтобы она пробудилась и услышала, как вы тут друг на дружку орете?

Кайл ответил, выставив напоказ свое полное невежество во всем, что касалось живых кораблей:

– Я намерен ее пробудить, и я любым способом это сделаю!

Альтия уже собралась срезать его уничтожающей репликой, но тут услышала полный благоговения шепот Брэшена:

– Да вы посмотрите на нее! Посмотрите!

Все взгляды обратились на носовое изваяние. Оттуда, где она стояла, Альтии было плохо видно лицо, но она отчетливо различила, как шелушится и облетает краска с резного диводрева. Позолота сползала чешуйками, обнажая иссиня-черные локоны, а гладкая плоть наливалась живым розовым цветом. Тонкие прожилки шелковистого диводрева еще были видны – и всегда будут видны, – и, конечно, дерево никогда не станет податливым и мягким, как насто-

ящая человеческая плоть. Но то, что изваяние самым настоящим образом оживало, никакому сомнению подлежать не могло. Альтии, с ее обострившимся восприятием, казалось даже, будто «Проказница» – нет, Проказница! – уже совсем иначе покачивалась на тихих волнах, докатывавшихся в гавань. Альтия могла бы поклясться: так, как она сейчас, чувствует себя юная мать, впервые ощутившая биение новой жизни в собственном чреве.

– Дай нагель, – тихо сказала она Кайлу. – Я завершу пробуждение.

– Это еще с какой стати? – начал Кайл подозрительно, но тут вмешалась Роника.

– Дай ей, Кайл, – сказала она тоже негромко. – Она это сделает, потому что любит «Проказницу».

...Позже Альтия станет припоминать эти слова матери, и они будут распалать ее ненависть до белого каления. Она поймет: мать отлично знала, что она чувствует, – и все-таки отобрала у нее корабль... Но в тот миг Альтия только ощущала, как плохо Проказнице, вынужденной балансировать между полужизнью и жизнью настоящей. Кайл очень нехотя протянул ей заветный нагель, на его лице была одна подозрительность. Интересно, чего он ждал? Что она за борт его выкинет? Альтия взяла нагель и свесилась через борт, чтобы дотянуться и вложить нагель в отверстие. Увы, она была маловата ростом, да и проклятушие юбки только мешали. Она никак не могла дотянуться...

– Брэшен! – выдавила она.

Это была не просьба и уж давно не приказ, она даже не оглянулась – просто ждала, чтобы он подоспел ей на помощь и вот уже во второй раз крепко и надежно ухватил под бедра. И опустил ее таким образом, чтобы она достала одной рукой до волос Проказницы. От прикосновения пальцев со змеящихся локонов осыпалась последняя краска. Странно было чувствовать рукой настоящие – или почти настоящие – волосы. Они образовывали как бы цельную шапку, не распадаясь на отдельные волоски. Альтии стало чуть-чуть не по себе. Но тут она заново ощутила сопричастность со своим кораблем – причем с такой силой, как никогда раньше. Это было нечто вроде внутреннего тепла, но не такого, как бывает от выпивки. Оно окутывало кожу, смешивалось с дыханием, звучало в крови...

– Альтия?.. – В голосе Брэшена слышалось напряжение.

Альтия вернулась к реальности и спросила себя, сколь же долго она провисела вот так, вниз головой, заставляя его удерживать ее на весу. Между тем нагель по-прежнему оставался у нее в кулаке. Альтия вздохнула и ощутила, как стучит в висках кровь, прихлынувшая к голове. Одной рукой она отодвинула защелку, другой вправила деревянный гвоздик на место. Когда она отпустила защелку – та скрылась, словно ее никогда и не бывало. Отныне нагель стал неотъемлемой частью фигуры.

– Что ты там возишься? – долетел голос Кайла, по обыкновению недовольный.

– Готово, – выдохнула Альтия.

Вряд ли ее услышал кто-либо, кроме Брэшена. Он перехватил ее покрепче и потащил уже наверх, когда Проказница вдруг подняла голову. Две мощные руки вскинулись вверх и встретились с руками Альтии. Зеленые глаза прямо смотрели ей в лицо.

– Какой странный сон мне приснился! – сказала Проказница. И улыбнулась Альтии и весело, и чуть капризно. – Спасибо, что пробудила меня!

– Добро пожаловать на этот свет, – выдохнула девушка. – А ведь ты прекраснее, чем я даже осмеливалась мечтать!

– Спасибо на добром слове, – по-детски непосредственно отозвалась Проказница.

Она выпустила руки Альтии и принялась отряхивать остатки краски со щек. Брэшен поднял наконец Альтию обратно через борт и поставил на палубу. Альтия обратила внимание, что он был очень красен. Потом до ее слуха донесся тихий, но полный сдержанной ярости голос Кайла:

– ...А ты пошел вон с этого корабля навсегда, Трелл. Прямо сейчас!

– Да уж не задержусь.

Некоторым образом – был ли это тембр голоса или еще что-то? – Брэшен умудрился превратить унижительное списывание на берег в почетный уход по собственной инициативе.

– Прощай, Альтия, – сказал он ей, и голос вновь стал почтительно-вежливым. Словно бы он откланивался после светского приема.

Вот он повернулся к ее матери, испрашивая позволения отбыть... Альтия видела: его спокойствие потрясло Ронику, та шевельнула губами, но так и не вымолвила ни слова прощания. Брэшен повернулся и, легко ступая, пересек палубу. Никто не предположил бы по его виду, какие слова были только что сказаны.

Альтия еще не успела толком ничего осознать, а на нее уже насел Кайл:

– А ты что, совсем из ума выжила? Это ж надо, позволять ему так тебя лапать у всех на глазах!

Альтия крепко зажмурилась... Потом вновь открыла глаза.

– Как – так? – поинтересовалась она.

Она перегнулась через фальшборт и снова стала смотреть на Проказницу. Изваяние вывернуло шею, чтобы улыбнуться ей снизу вверх. Славная у нее была улыбка. Так улыбаются, еще не до конца проснувшись, доброму летнему утру... Альтия улыбнулась в ответ – очень грустно.

– Ты отлично знаешь, о чем я говорю! – продолжал рокотать Кайл. – Всю тебя обтискал, смотреть было противно! И так вид был, как у последней грязнухи, да еще и всякие матросы будут тебя чуть не вверх ногами держать.

– Я должна была вставить нагель, и мне было не дотянуться. – Лицо Кайла было сплошь покрыто красными пятнами, и она перевела взгляд туда, где стояли ее мать и сестра. – Итак, корабль пробудился, – объявила она тихо, но в полном соответствии с правилами. – Живой корабль «Проказница» обрел чувства и разум.

«А мой отец – умер», – добавила она про себя, но вслух ничего не сказала, хотя осознание горя делалось все глубже и заставляло все сильнее страдать. Раз за разом ей думалось, будто она свыклась с утратой, но тут же эта тягостная мысль заново поражала ее – и с каждым разом острее.

– Что, спрашивается, люди станут о ней думать? – понизив голос, обращался Кайл к Кефрии.

Двое младших в открытую глазели на Альтию, старший же, Уинтроу, попросту отвернулся, словно желая хоть так отдалиться от них и от их дрызг. Альтия почувствовала, что не очень хорошо понимает, что тут вообще происходит. Слишком много случилось всякого разного, и так скоро одно за другим! Попытка Кайла прогнать ее с корабля – смерть отца – пробуждение судна – увольнение Брэшена... И вот теперь на нее же, кажется, сердились за то, что она исполнила должное. Разобраться со всем этим было очень непросто. И к тому же она ощущала ужасающую пустоту, разверзшуюся в душе. Она попыталась сообразить, отчего так. Что она пропустила? Чего еще не учла?

– Альтия!

Ее с беспокойством окликала Проказница. Девушка перегнулась к ней через борт:

– Да, милая?

– А я знаю, как тебя зовут. Тебя зовут Альтия!

– Так точно. Спасибо, Проказница!

И вот тут Альтия поняла, откуда взялась странная пустота. Наверное, слишком страстно она этого ждала – чуда и восторга при пробуждении корабля. И вот долгожданное мгновение настало – и минуло, промелькнув. Проказница ожила. Дело сделано. Да, был момент торжества, но и все. Ни восторга, ни чуда. Должно быть, оттого, что цену пришлось заплатить уж больно высокую...

«Да как только я смею так думать!»

Мысль о слишком высокой цене была не просто недостойной – она была, по сути, предательством. Стоять на этой палубе, совсем рядом с телом отца, и думать, что живой корабль не стоил его смерти, не говоря уж о смертях дедушки и прабабушки Тэлли. Как стыдно! Как стыдно! Между прочим – корабль там или нет, – а они все равно умерли бы. Рано или поздно. Проказница совсем не была причиной их смерти. Скорее – славным итогом их жизнью. В ней осталась их частица, в ней они продолжали свой жизненный путь. Альтия почувствовала, как начало отпускать что-то внутри. Она склонилась пониже, намереваясь произнести нечто важное, нечто связанное, приветственно-напутственное для этого новорожденного существа.

– Мой отец гордился бы тобой, – выговорила она наконец.

Эти простые слова заново пробудили улегшуюся было горечь. Больше всего Альтии хотелось бы уронить голову на руки и разреваться, но она не могла себе этого позволить. Новорожденный корабль не следовало расстраивать и волновать.

– И он тоже гордился бы тобой, – неожиданно ответила Проказница. – Он знал, как трудно тебе должно было быть.

Удивительное дело, как успел измениться голос Проказницы. Только что он был высоким, юным, девчоночьим – и успел превратиться в богатый оттенками, грудной голос взрослого существа. ЖЕНЩИНЫ. Вновь поглядев в лицо изваяния, Альтия увидела на нем сочувствие и понимание столь глубокое, что не смогла его вынести. Она даже не пыталась унять слезы, хлынувшие по щекам.

– Я... ничего не понимаю... – с трудом выговорила она, обращаясь к Проказнице. Потом оглянулась на свое семейство – все они, как и она, стояли вдоль фальшборта, разглядывая ожившую статую. – Я все же не понимаю, – продолжала Альтия, – почему он так поступил? Почему после всех этих лет он... отдал Проказницу Кефрии, а не мне?

Она обращалась к матери – та смотрела на нее с мукой и гневом, – но ответил ей (и хватило же самонадеянности!) Кайл.

– Вероятно, – заявил он, – ему хотелось, чтобы корабль оказался в руках более надежных, чем твои. Вероятно, он хотел, чтобы она досталась тому, кто уже доказал, что сумеет позаботиться и о других, не только о собственной персоне!

– Я не с тобой разговариваю! – выкрикнула Альтия. – Не мог бы ты просто закрыть рот и чуточку помолчать?!

Она сама понимала, что вот-вот закатит вполне детскую истерику. Этого следовало всеми силами избегать. Но... слишком много всего ее за сегодняшний день переехало. У нее больше не осталось ни самообладания, ни сил. Если он еще подаст голос, она... она бросится на него и будет царапать, пока клочки по закоулочкам не полетят!!!

– Правда, Кайл, помолчи, – твердым голосом велела ему мать. – Теперь ты, Альтия. Последи за собой. Сейчас не место и не время выяснять отношения. Мы обсудим все, что следует, дома и в своем кругу. В самом деле, надо же тебе все объяснить. Я тоже хочу, чтобы ты наконец поняла, чего добивался твой покойный батюшка. Но покамест нам следует позаботиться о... о его останках и о соответствующем представлении нашего корабля обществу. Следует известить о смерти Ефрона Вестрита старинные семейства торговцев и другие живые корабли. Надо еще нанять лодки, чтобы обеспечить церемонию погребения Ефрона в море. А также... Альтия! Альтия, вернись! Немедленно!

Альтия даже не замечала, что медленно идет прочь. Она остановилась, только обнаружив, что добралась до парадного трапа и смотрит сверху вниз на ступени. Она, оказывается, прошла мимо тела отца и не обратила внимания...

И вот тут она совершила то, о чем ей, по-видимому, предстояло сожалеть до конца дней. Она ушла с корабля. Она покинула Проказницу. Она не сопровождала ее в ее самом первом, «девственном» плавании за пределы гавани и не присутствовала при погребении тела отца в

морской бездне. В тот момент ей казалось, она не выдержит, когда его зашьют в парусину и привяжут к ногам запасной якорь, а потом опустят за борт...

Позже она будет горько жалеть, что ее не было при этом и она не смогла даже сказать ему последнего «прости».

Но в те мгновения она знала только, что не сможет еще раз взглянуть в паскудную рожу Кайла, не сможет (и неведомо, что тяжелее) выслушивать рассуждения матери, деловым тоном изрекающей кошмарные вещи. Она даже не оглянулась на пораженную ужасом команду и не видела, как Кефрия вцепилась в локоть мужа и не дала ему броситься за Альтией, чтобы притащить ее назад силой. Она знала, что не сможет смотреть, как Проказница в самый первый раз отдает швартовы... и Кайл ею командует. Альтия только надеялась – корабль поймет ее. И простит... Нет, не так. Она ЗНАЛА, что Проказница поймет и простит ее. Альтии всегда была ненавистна мысль о том, что семейным кораблем будет распоряжаться Кайл. Теперь, когда Проказница пробудилась и ожила, такая мысль сделалась просто невыносимой. Это было даже хуже, чем оставить ребенка на попечении человека, которого ненавидишь. Увы, Альтия знала, что ничего не может по этому поводу предпринять. Совсем ничего. По крайней мере – прямо сейчас.

Корабельный посредник держал крохотную контору прямо здесь, на причале. И он до крайности изумился, когда увидел, что на стойку, отгородившую его стол, опирается Брэшен да еще и держит на плече свой матросский мешок с пожитками.

– Чем могу быть полезен? – вежливо и по-деловому поинтересовался посредник.

Брэшен, не удержавшись, про себя сравнил его с хорошо образованным бурундуком. Определенно было что-то этакое в том, как торчали его бакенбарды и борода, в том, как он выпрямился на стуле, задавая свой вопрос. Брэшен спокойно ответил:

– Я за расчетом пришел.

Посредник повернулся к полкам, начал просматривать какие-то книги... Потом выложил на стойку пухлый грессбух.

– Я слышал, – заметил он, – капитана Вестрита недавно отнесли на корабль. – Раскрыв грессбух, он разгладил страницы и повел пальцем вдоль колонки имен. Потом поднял глаза на Брэшена: – Ты долго с ним плавал. Я думал, ты и до конца с ним останешься...

– А я и остался, – ответил Брэшен коротко. – Мой капитан умер. «Проказница» отныне принадлежит капитану Хэвену, а мы с ним не больно-то ладим.

Оказывается, и он был способен разговаривать спокойным и дружелюбным тоном... прямо по-бурундучьи.

Посредник недоуменно нахмурился.

– Погоди, но разве теперь там не дочь его заправляет? Чего ради иначе он ее воспитывал и обучал все эти годы? Я про младшую говорю, про Альтию Вестрит. В чем дело?

Брэшен только фыркнул.

– Не ты один удивляешься тому, как все обернулось. Сама юная госпожа Вестрит тоже была изумлена и потрясена. Как будто одного горя ей было мало, бедняжке! – Но тут ему показалось, что он и так слишком много наговорил о чужой беде, и молодой моряк сменил тему: – Я вообще-то просто за расчетом пришел, а совсем не затем, чтобы перемывать косточки начальствующим надо мной. Чего, право, не наболтаешь в сердцах?

– Вот уж верно замечено, – кивнул посредник.

Отодвинул коробочку с деньгами и аккуратно выложил перед Брэшеном на стойку три невысоких столбика монет.

Брэшен присмотрелся. Да уж, когда он был старпомом под началом у капитана Вестрита, зарабатывать удавалось не в пример больше... Дожили, называется.

Тут он сообразил, что следует еще кое о чем попросить.

– Мне бы, – добавил он запинаясь, – рекомендацию...

Никогда прежде он не думал, что однажды ему придется просить рекомендацию с «Проказницы». Несколько лет назад он даже повыбрасывал все свои прежние – в дурацкой уверенности, что больше ему никогда не понадобится документ, подтверждающий его навыки и умения. Эх, знать бы, где падать придется, соломки бы подстелил... Зря он выкинул их, зря. И ведь немного места в мешке они занимали – простые кожаные ярлычки, снабженные корабельной печатью, с нанесенным на них именем моряка и – иногда – обозначением его должности. Дескать, податель сего добросовестно исполнял свои обязанности на борту. Оттого и назывались рекомендациями. Добротная связочка таких ярлыков существенно облегчала получение нового назначения. Впрочем, здесь, в Удачном, хватит и одного, зато полученного на живом корабле.

– Рекомендацию, – сказал посредник, – ты должен попросить у капитана или у старпома.

– Хм-м... воображаю, куда они меня пошлют, – пробормотал Брэшен. И почувствовал себя ограбленным.

Сколько лет он верой и правдой прослужил на «Проказнице». А в итоге весь заработок – эти три убогие кучки монет. И даже никакой рекомендации. «Пошел вон». И все. Ни тебе даже «спасибо»...

Тут посредник прокашлялся.

– С другой стороны, – сказал он, – я отлично знаю, что капитан Вестрит высоко ценил тебя и всегда был тобою доволен. Если тебе вправду понадобится рекомендация, смело вели обращаться ко мне сюда, в эту контору. Спрашивать Найла Хэшетта. Я уж за тебя словечко замолвлю.

– Спасибо, господин мой, – смиренно поблагодарил Брэшен.

Все лучше, чем ничего... Он задержался еще на минутку, чтобы убрать деньги. Несколько монет – в кошелек, кое-что – в сапог, а остальное – в платок и на шею. Если его обворуют, хоть не все с первого раза утащат... Взвалил на плечо мешок с добром – и вышел за дверь.

У него на уме был целый список дел, которыми следовало заняться. Для начала присмотреть комнатку в недорогом постоялом дворе (прежде, когда он служил на «Проказнице», он даже и во время стоянки обитал на борту, а теперь все его земное имущество лежало в мешке, оттягивая плечо). Во-вторых, наведаться к банкиру. Капитан Вестрит много раз ему говорил, чтобы он откладывал хоть понемножку после каждого рейса. Он так и не собрался последовать его совету. Казалось, чего ради, ведь будущее выглядело вполне обеспеченным... Да. Следовало послушать капитана, причем сразу же. Но что поделаешь – лучше поздно, чем никогда. «Получил от жизни по носу – запомни урок».

Ладно, а дальше-то что? Пожалуй... да, пожалуй, можно позволить себе вечерок хорошенько повеселиться в порту, отставив до завтра все мысли о поиске нового места. Полакомиться свежим мясом, только что выпеченным хлебом и славным пивком в доброй компании где-нибудь в портовых тавернах... Во имя Са! – он таки заработал право на небольшое удовольствие. Уж в этом плаваньи – точно! Итак, решено: сегодня вечером он наслаждается жизнью. Завтра будет завтра. Тогда он и озаботится будущим.

Брэшен ощутил укол совести: он собирался наслаждаться жизнью, в то время как его капитан лежал мертвым. Но... Кайл нипочем не пустит его на борт и не даст должным образом попрощаться. Так что самое лучшее, что он мог сделать для капитана Вестрита, – это не вторгаться незваным гостем на его похороны. Пусть уйдет в морскую пучину с палубы, на которой не будет клочкотать ссора. А Брэшен нынче вечером будет пить в честь светлой памяти своего капитана. Вот так.

И он решительно направился в сторону города. Но как раз когда он выходил из конторы, ему попала на глаза Альтия, стремительно сбегавшая по трапу с «Проказницы». Вот она прошла – вернее сказать, пронеслась – по причалу, шагая так широко, что юбки, в коих пола-

галось бы изящно семенить, хлестали ее по ногам, точно паруса, разорванные бурей. На лице девушки были отчетливо видны следы слез, волосы – в полном беспорядке, а черные глаза полны такой ярости, что заглядывать в них было страшновато. Люди оборачивались ей вслед. Брэшен только застонал про себя. И – делать нечего – поудобнее устроил на плече тяжелый мешок.

За Альтией определенно требовалось присмотреть. Он горестно вздохнул, прощаясь с мыслью о доброй пирушке...

И зашагал следом.

Глава 7

Верность

Похороны дедушки заняли весь остаток дня. По городу разослали гонцов, известивших друзей и соседей; глашатаи объявили о его смерти на рынках и на причалах. Уинтроу только изумлялся количеству людей, пришедших проститься с его дедом, и тому, как быстро они собрались. Купцы и капитаны кораблей, представители старинных семейств и мелкие торговцы – все побросали дела и устремились к причалу, где стояла Проказница. Самых близких пригласили на борт, остальные последовали за кораблем на судах, принадлежавших друзьям и знакомым. Живые корабли, находившиеся в тот день в порту, сопровождали Проказницу, уносящую своего бывшего хозяина в море – туда, где он должен был обрести последнее успокоение.

Уинтроу было очень не по себе. Он по-прежнему никак не мог разобраться в собственных чувствах. То, что почтить деда собралось такое множество людей, вызывало у него естественную гордость. Но вот то, что они, выразив надлежащие соболезнования, тут же поздравляли Вестритов с пробуждением их корабля... Нет, в этом явно сквозило нечто неправильное и нехорошее. Поклонившись телу Ефрона, все они торопились к форштевню – поздороваться с Проказницей, пожелать ей попутного ветра и семи футов под килем. Там-то – а вовсе не рядом с останками почившего мужа – стояла бабушка Роника. И она же, бабушка, единственная из всех присутствующих заметила состояние внука. В какой-то момент она подозвала Уинтроу и тихо заметила:

– Ты слишком долго не был в Удачном и толком не знаешь его обычаев. То, что нас поздравляют с пробуждением корабля, вовсе не означает недостаточной скорби по поводу кончины твоего деда. Здесь просто не принято долго задерживаться мыслями на горестном. Сам подумай: ведь если бы основатели города подолгу оплакивали каждую потерю, они скоро утонули бы в собственных слезах!

Уинтроу послушно кивнул. Но остался при своем мнении по поводу всего происходящего.

А оно ему определенно не нравилось. И стояние на палубе подле тела деда, и близость других кораблей – все как один под громадными развернутыми парусами. Как все сложно... да и, пожалуй, опасно! Сколько их покинуло гавань, чтобы потом, выйдя в море, дружно бросить якоря! Корабли выстроились широким кругом, и люди на них так и приникли к фальшбортам, наблюдая, как зашито в парусину тело Ефрона Вестрита возлагают на доску. И как оно соскальзывает с нее и падает вниз, чтобы сразу исчезнуть под мерно катящимися волнами...

Ну а после началось нечто вовсе невообразимое: Проказницу официально представляли другим живым кораблям, каждому по отдельности. Заправляла всем бабушка. И со всей серьезностью представляла Проказницу каждому кораблю, проходившему мимо форштевня! Уинтроу стоял рядом с сердито хмурившимся отцом и искренне недоумевал, каким образом улыбка на лице пожилой женщины сочетается со слезами, струящимися по щекам. Да. Видимо, то обстоятельство, что он родился Хэвеном, а не Вестритом, лишило его чего-то очень важного. Ведь даже его мать, Кефрия, так и сияла, а двое младших детей, стоя подле нее, радостно махали каждому кораблю.

Но все это составляло внешнюю сторону дела. На борту Проказницы тем временем совершался ритуал совершенно иного рода. Кайл вступал во владение кораблем, и это не укрылось даже от Уинтроу, ничего в морском деле не понимавшего. Отдавая приказы, Кайл орал на людей, по возрасту годившихся ему в отцы, и бранил их на чем свет стоит за малейшую нерасторопность. И несколько раз, обращаясь к старпому, он принимался вслух рассуждать о разного рода изменениях, которые он «вот уже здесь произведет». Когда он заговорил об этом в самый первый раз, черты Роники Вестрит исказила гримаса, подозрительно смахивавшая на

болезненную. До самого вечера Уинтроу потихоньку за ней наблюдал, и ему казалось – бабушка становилась все печальнее. Ни дать ни взять горе, постигшее ее, пускало корни в сердце, час от часу набирая силу.

Уинтроу не о чем было говорить с остальными, а им с ним – тем паче. Мать была занята постоянным присмотром за маленьким Сельденом, да и с Малты глаз не спускала – как бы та не начала кокетливо перемигиваться с молодыми матросами. Бабушка же все стояла впереди на палубе, глядя вдаль. Разговаривала она в основном с носовым изваянием, да и то тихо. От этих разговоров у юного священника бежали по спине мурашки. В статуе, сделанной руками людей, не было частицы живого духа Са, и оттого ее жизнь казалась ему неестественной. Он не чувствовал в ней присутствия зла – но и добра не чувствовал тоже. На всякий случай Уинтроу старался держаться подальше и мысленно благодарил Небеса за то, что отвертелся-таки от вкладывания нагеля в изваяние.

Его папаша, кажется, только по пути домой вспомнил о еще одном своем сыне. Да и то сам Уинтроу был тому невольной виной. Он услышал, как старпом пролаял двоим матросам какую-то команду (какую именно, он так и не понял), те ринулись вперед, и он, стараясь убраться из-под ног, шарахнулся назад... напрямик врезался в третьего моряка, о присутствии которого даже не подозревал. Оба свалились, причем Уинтроу приложился достаточно крепко – так, что дыхание на миг оборвалось. Моряк, мгновенно вскочив, тут же исчез, бросившись исполнять дело, к которому был приставлен. Уинтроу поднялся медленнее, потирая ушибленный локоть и постепенно вспоминая, как это делается – дышать. Окончательно выпрямившись, он обнаружил, что стоит нос к носу с отцом.

– Посмотри на себя, ты! – прорычал тот.

Уинтроу в некотором изумлении обежал себя взглядом. Может быть, он испачкался?

Отец ткнул его в плечо кулаком.

– Да я не о твоих жреческих шмотках! На кого вообще ты похож? По возрасту – почти мужчина, тело как у младенца, а мозги... про мозги я вообще уж молчу. Ты сам у себя под ногами путаешься, чего ж удивительного, что и другие о тебя спотыкаются! Эй, Торк! Возьми-ка этого недоросля и дай ему какое-нибудь дело, чтобы зря по палубе не болтался!

Торк был вторым помощником. Невысокий, но кряжистый, с коротко остриженными светлыми волосами и светло-серыми глазами. Брови у него были совсем белые. Его лицо показалось Уинтроу *лысым* – наверное, оттого, что все его черты были какими-то бледными. Он самым что ни есть буквальным образом воспринял приказ капитана насчет «болтания по палубе» и увел Уинтроу вниз. Здесь для него нашлась работа: сворачивать бухтами³² концы, развешивать цепи. Вокруг лежали уже готовые бухты – на взгляд Уинтроу, просто идеальные, – но Торк ворчливо приказал ему привести их в порядок, да работать не кое-как, а на совесть. Легко сказать «на совесть»! Выполнить оказалось гораздо труднее. Размотанные тросы тут же путались, упрямо отказываясь ложиться аккуратными кольцами. От работы с толстыми, грубыми веревками Уинтроу скоро докрасна намозолил руки, и к тому же бухты были куда тяжелее, чем выглядели со стороны... На нижней палубе было душно, сюда не проникал дневной свет (Уинтроу работал при фонаре), и к мальчику начала подкрадываться морская болезнь. Тем не менее он работал и работал, хотя ему казалось – миновало много часов.

В конце концов за ним прислали Малту. Она довольно высокомерно сообщила старшему братцу, что корабль уже в гавани и ошвартован, так вот, не соблаговолит ли он наконец отправиться на берег. Уинтроу понадобилось все его самообладание без остатка, чтобы твердо ска-

³² *Бухта* – трос или снасть, свернутая кольцами либо восьмерками и (в случае не слишком большой длины) определенным образом увязанная. Правильно собранную бухту можно кантовать как угодно – она не теряет способности в случае необходимости легко и быстро разматываться, не путаясь и не застревающая. В морской практике таким образом хранятся все «концы» (отрезки веревок и тросов), не используемые в данный момент.

зять себе: «Я жрец Са и должен вести себя соответственно. А не как обычный мальчишка, которого вывела из себя маленькая нахалка!»

Он молча положил трос, над которым трудился. Все без исключения бухты, которые он перебирал, выглядели куда менее аккуратно, нежели до начала его работы. «Ладно, – решил он, – пускай Торк сам их перевязывает, если больно охота. Или спихнет это дело на какого-нибудь невезучего моряка». Так или иначе, работа была не из приятных, и оставалось только гадать, с какой стати отцу вздумалось таким образом наказывать его и унижать. «Может, это оттого, что я гвоздь на место отказался вставлять?» Но большой разницы в этом не было. Все миновало. Дед почил, и тело его благополучно упокоилось в море. Семейство же ясно показало, что ни в каких утешениях со стороны Уинтроу не нуждается. «Ну и отправлюсь домой, как только это будет выглядеть прилично. Завтра утром, например».

Домой – имелось в виду: к себе в монастырь.

Он поднялся на палубу и присоединился к родне, как раз когда они раскланивались на прощание с теми из соболезнующих, кто был с ними на корабле. Кое-кто из этих последних – в действительности очень многие – вежливо прощались с живой статуей на носу. Когда все гости сошли по трапу на причал, летние сумерки уже сменила ночная темнота.

Семейство задержалось на борту чуть дольше. Все утомленно молчали, лишь Кайл отдавал распоряжения старпому – разгрузку корабля следовало продолжить назавтра, как только рассветет. Потом Кайл подошел к своим:

– Пора домой.

Он взял под руку жену, а Уинтроу – бабушку. «Как хорошо, – подумал он, – что там нас ожидает коляска. Бабушке небось трудно будет карабкаться вверх по мощеным улочкам, да после всего, да в потемках...»

Но едва они зашагали прочь по причалу, как резная статуя по имени Проказница неожиданно подала голос.

– Вы уходите? – спросила она с явственным беспокойством. – Что, прямо сейчас?

– Я вернусь на рассвете, – бросил Кайл. Тон у него был такой, как если бы рядовой матрос взялся оспаривать его приказание.

– Вы ВСЕ уходите?

На сей раз ей ответил Уинтроу. Что заставило его так поступить, он и сам не знал. Может быть, нотка испуга, прозвучавшая в ее голосе.

– С тобой все будет хорошо, – проговорил он ласково. – Ты в безопасности. Ты у причала и надежно привязана, и бояться тебе нечего.

– Но я боюсь быть одна! – Детская жалоба, произнесенная голосом взрослой молодой женщины. – Скажите, где Альтия? Почему ее нет здесь? Она бы меня нипочем одну не оставила...

Кайл раздраженно бросил:

– На борту остается старпом! И с ним половина команды!

Уинтроу поневоле вспомнилось детство и такой же голос отца. И, невзирая на все его недавние жреческие умствования насчет живой искры Са, ему стало сердечно жаль Проказницу.

– Это не то же самое! – почти со слезами крикнула она, и тут же Уинтроу услышал собственный голос:

– Я мог бы остаться, если это ее успокоит. По крайней мере на эту ночь.

Кайл мрачно свел брови, так, будто сын вздумал ослушаться прямого приказа, но бабушка незаметно стиснула его руку и улыбнулась:

– Пусть останется. Пусть в нем заговорит его кровь.

– Мальчишка не может остаться! – объявил Кайл. – Он нужен мне для серьезного разговора!

– Прямо сегодня? – Кефрия словно бы не верила собственным ушам. – Ох, Кайл, только не сегодня. Пожалуйста. Мы так вымотались, и потом, у нас траур...

– А я, – довольно-таки высокопарно заявил Кайл, – полагал, что именно сегодня мы соберемся в семейном кругу, чтобы обсудить свое будущее. Да, мы устали, да, траур – но завтрашний день ждать не будет!

– А вот я – подожду, – вмешалась в спор бабушка.

В ее голосе прозвучала значительность, и Уинтроу заново увидел ту самую Ронику Вестрит, которую помнил с младенчества. Его отец открыл было рот, но тут она добавила:

– Так что если Уинтроу останется на борту и попытается утешить Проказницу, я это буду рассматривать как личное благодеяние. – И обратилась к корабельному изваянию: – Только пусть мой внук для начала отведет меня к повозке. Подождешь чуточку, Проказница?

Та с напряженным вниманием следила за спором. При этих словах бабушки ее лицо озарилось широкой улыбкой.

– Конечно же, Роника, я подожду. Все в порядке! – И она повернулась к Уинтроу, заглянув ему в глаза так глубоко, что он даже вздрогнул. – А когда ты придешь обратно на борт, ты ляжешь спать здесь, на носовой палубе, где я смогу тебя видеть?

Уинтроу неуверенно покосился на своего родителя. Только они с ним отдавали себе отчет, что Кайл еще ни на что не дал разрешения. Уинтроу решил не ломиться напролом и выразился осторожно:

– Если батюшка позволит.

Ему все еще требовалось задирать голову, чтобы посмотреть отцу в глаза, но он заставил себя сделать именно это – и не отвести взгляда.

Кайл все еще хмурился, но Уинтроу померещилось нечто вроде тайного уважения.

– Разрешаю, – буркнул Кайл наконец, сообщая тем самым всему белому свету, что окончательное решение осталось все же за ним. Он смерил сына взглядом. – Когда вернешься на борт, перво-наперво доложишься Торку. Он даст тебе одеяло.

И покосился на второго помощника, молча ожидавшего наверху. Тот кивнул – дескать, понял.

Мать перевела дух – будто бы все это время стояла совсем не дыша.

– Ну, значит, все утряслось, – сказала она. – Поедте-ка домой... – На этом последнем слове ее голос сорвался, и слезы полились заново. – Ох, папенька!... – прошептала она, словно за что-то упрекая умершего.

Кайл потрепал ее по руке и повел прочь от корабля. Уинтроу вместе с бабушкой отправились следом, но медленнее. Младшие брат с сестрой нетерпеливо промчались мимо них и убежали вперед, к повозке.

Бабушка Роника шла очень медленно, и Уинтроу решил было, что она совсем выбилась из сил, но она неожиданно заговорила, и тут он сообразил, что ей просто хотелось остаться с ним наедине. Она и заговорила-то очень тихо, так, чтобы ненароком не услышал никто, кроме него.

– Я знаю, Уинтроу, все, что происходило сегодня утром, было для тебя дико и непривычно. Но только что ты заговорил так, как подобает истинному Вестриту. В тот миг ты точно-точно напомнил мне покойного деда. Да и корабль к тебе потянулся...

Уинтроу, тоже вполголоса, честно сознался:

– Прости, бабушка, но я совершенно не понимаю, о чем ты толкуешь.

– Уж так прямо не понимаешь? – Роника приостановилась, и он повернулся к ней. Она была невысокая, даже поменьше Уинтроу, но держалась очень прямо. – Ты говоришь, что не понимаешь, но я вижу нечто иное, – продолжала она. – Твое сердце знает ВСЕ, хотя ты сам этого пока не осознаешь. Иначе ты не заступился бы за Проказницу, как ты только что сделал. Все придет, Уинтроу. Все со временем встанет на место, не бойся.

Тут юного священника посетило нехорошее предчувствие. Он-то надеялся, что нынче попозже вечером они сядут втроем – он, мать и отец – и обо всем поговорят начистоту. А они, оказывается, успели что-то обсудить у него за спиной! Что именно – он не знал. Было только ощущение смутной угрозы.

Уинтроу сурово напомнил себе, что жрец Са не должен выносить никаких суждений заранее. Бабушка, впрочем, ничего больше ему не сказала. Они прошли по причалу, и он помог ей усесться в коляску, где уже сидели все остальные.

– Спасибо, Уинтроу, – серьезно поблагодарила Роника.

– Пожалуйста... – ответил он, но ему снова стало не по себе – уж очень было похоже, что благодарили его не только за то, что провел бабушку до повозки под ручку.

Получалось, он вроде как дал ей какое-то обещание, смысла которого сам как следует не понимал. Так не придется ли ему впоследствии жалеть о случившемся? Возница чмокнул губами, лошади взяли с места, и коляска, постукивая колесами по булыжнику, укатилась в темноту. Затих вдали цокот копыт, и Уинтроу остался один. Некоторое время он просто стоял там, не торопясь обратно. Ему хотелось тишины, уединения и возможности поразмыслить.

Что касается тишины... Ее, увы, не было и в помине. Ни сам Удачный, ни тем более его гавань никогда по-настоящему не засыпали. Берег изгибался полумесяцем, и по всей его длине горели огни и слышался шум: торговля на рынках продолжалась круглые сутки. Порыв ветра донес обрывки музыки: верещали свирели, звенели колокольчики на запястьях танцовщицы... Свадьба, наверное. И, соответственно, танцы. Ближе к тому месту, где стоял Уинтроу, горели смоляные факелы, установленные непосредственно на причалах. Возле каждого трепетал круг неверного желтоватого света. Волны размеренно плескали о сваи внизу, привязанные лодки тихо скреблись бортами. Темнота делала их похожими на больших деревянных зверей... Деревянных? Зверей? По позвоночнику Уинтроу пробежал холодок – он вспомнил странную, не от Са исходящую жизнь корабля. Проказница определенно не была животным, но и простой деревяшкой ее язык не поворачивался назвать... Некая безбожная и, в общем-то, страшноватая смесь! И как получилось, что он по собственной воле вызвался провести ночь на борту?!

Он пошел обратно туда, где была пришвартована «Проказница». Блики с воды, неверный факельный свет... Уинтроу то и дело спотыкался и, только добравшись до корабельной стоянки, сообразил, что это навалилась на него скопившаяся за день усталость.

– А вот и ты! – обрадовалось изваяние. – Как хорошо!

Уинтроу чуть не подпрыгнул, но вовремя совладал с собой.

– Я же обещал, что вернусь, – напомнил он Проказнице.

Как странно было стоять на причале и разглядывать ее снизу вверх. Черты ее лица были вполне человеческими, но факельный свет играл на них, как на обычной деревянной резьбе. И еще кое-что. Отсюда, с причала, было особенно заметно, что пропорции ее тела намного превосходили человеческие. Лицо, руки, шея...

...И красивые полные груди, не прикрытые и не стесненные одеждой...

Уинтроу поймал себя на том, что пялится на них, и устыдился посмотреть Проказнице в глаза. «Это просто деревянный корабль, – попытался он убедить себя. – Не женщина, а самая обыкновенная статуя». Без толку. Она улыбнулась ему в потемках – и показалась юной женщиной, бесстыдно и соблазнительно склонившейся из окна. «О Са!...»

– Так ты поднимешься на борт? – спросила она с улыбкой.

– Конечно. Сейчас иду.

Поднимаясь по трапу наверх и затем ощупью пробираясь по темной палубе, Уинтроу продолжал запоздало удивляться себе самому. Насколько ему было известно, живые корабли были присущи только Удачному. И его наставники в жреческих науках никогда не упоминали о них. Зато Уинтроу не единожды предупреждали о существовании разных видов магии, противоречивших святой сущности жизни. Мысленно он перебрал их все. Отнятие жизни у кого-

либо, чтобы вложить ее во что-то другое... отнятие жизни с целью усилить чье-то могущество... отнятие удачи и счастья, дабы придать себе либо кому-то побольше жизненных сил... Все не то. Пробуждение Проказницы не относилось ни к одной разновидности злой ворожбы. Дедушка определенно умер бы и без этого пробуждения, так что жизнь у него ни в коем случае не отнимали.

Решив так про себя, Уинтроу споткнулся о сложенный на палубе канат. Попытался восстановить равновесие, но наступил на край собственного одеяния – коричневого послушнического облачения – и во весь рост растянулся на палубе.

Во тьме захохотал кто-то невидимый. Возможно, это смеялись совсем не над Уинтроу. Возможно, где-то там, на палубе, собрались вахтенные матросы и коротали время, рассказывая забавные истории. Возможно... Тем не менее Уинтроу мучительно покраснел, и ему понадобилось большое усилие воли, чтобы подавить обиду и гнев. «Глупость это, – твердо сказал он себе. – Глупо обижаться на тупиц, которых развеселило мое неуклюжее падение. И еще глупее – сердиться, когда я даже не уверен, над чем в действительности смеялись. Это все оттого, что сегодняшний день оказался таким длинным и трудным».

Уинтроу поднялся и по-прежнему ошупью направился к форштевню.

Там, скомканное в кучку, валялось одно-единственное одеяло. Грубое, тонкое и колючее. Оно еще хранило запах того, кто последним им укрывался. Рука Уинтроу ощутила какие-то комочки – то ли утолщения плохо спряденных ниток, то ли засохшую грязь... Мальчик уронил его обратно на палубу. Стоило бы совсем от него отказаться – летняя ночь обещала быть теплой, так что по большому счету можно обойтись и без одеяла. Оскорбление можно пережить; все равно послезавтра его уже здесь не будет. Подумав еще немного, Уинтроу все же нагнулся и поднял злосчастную тряпку. Учение, которого он придерживался, предписывало стойко, без лишних жалоб переносить осенние заморозки, град, разливы рек и прочие тяготы, обрушиваемые на нас природой, но это было нечто другое. А именно – человеческая жестокость. И ее жрец Са не должен был бессловесно терпеть – вне зависимости от того, на кого она обращена, на него самого или на других.

Уинтроу решительно расправил плечи. Он вполне догадывался, как они судили о нем. Капитанский отпрыск, неудачный сын-недомерок, отосланный в монастырь, где жрецы Са только и делали, что обучали его вселенской доброте и любви. Уинтроу знал: доброту многие принимали за слабость. А жрецов и жриц Са считали такими беспольными простофилями, которые болтаются по белу свету, точно говна в проруби, сотрясая воздух дурацкими проповедями. Сделаем, дескать, этот мир средоточием миролюбия и красоты, ха! К чему это отношение порой приводило, Уинтроу тоже видел. Ему приходилось ухаживать за священниками, которых добрые миряне чуть не на руках приносили назад в монастырь – искалеченных той самой людской жестокостью, против которой они пытались бороться. Они умирали во время моровых поветрий, заражаясь от тех самых больных, чьи страдания облегчали.

«Ясный голос и бестрепетный взгляд», – сказал он себе. Повесил на руку несчастное одеяло и, бережно ступая, двинулся на ют, где светился единственный зажженный на ночь фонарь.

Там в круге мутного света сидели три человека, а между ними на палубе валялись игральные фишки. Обоняния Уинтроу коснулся запах дешевого крепкого пойла. Скверно. Зато и огонек оскорбленного чувства, тлевший в его сердце, вспыхнул ярким пламенем. Он вступил в освещенный круг так смело, словно в него вселился дух почившего деда. Бросил одеяло на палубу и спросил без обиняков:

– С каких пор на этом корабле принято напиваться во время ночной вахты?

Трое под фонарем невольно отшатнулись прочь. Потом разглядели, кому принадлежал голос.

– Да это ж всего-навсего мальчишка-святоша, – хмыкнул один из матросов. И вновь опустился на палубу, усаживаясь поудобнее.

– Правильно, – ответил юный жрец. – Но я еще и Уинтроу Хэвен, потомок Вестритов. И на борту этого корабля вахтенные не пьют вина и не развлекаются играми. Вахта бдит, и особенно ночью!

Они тяжеловерсно и нехотя поднялись, чтобы нависнуть над ним. Трое взрослых, закаленных морем, мускулистых мужчин. У одного хватило совести хотя бы напустить на себя пристыженный вид, но у двоих других выпитое явно отняло последнюю способность к раскаянию.

– Бдит? – нагло переспросил чернобородый верзила. – То бишь мы спокойненько наблюдай, как Кайл прибирает к рукам корабль нашего старика, а его команду заменяет своими дружками? Наблюдай, как выплескивают через борт всю нашу многолетнюю службу, – и прах меня побери, если эта служба не была добросовестной!

Второй поддержал его:

– Мы, значит, молчи себе в тряпочку, пока Хэвен, по сути, крадет корабль, на котором следовало бы управляться Вестриту? Альтия, конечно, нахальная маленькая соплюха, но она – Вестрит! Вестрит до мозга костей! И этот корабль должен был принадлежать ей, баба она там или не баба!

Пока они говорили, Уинтроу успел придумать не меньше тысячи убедительных возражений. Он выбрал самое, по его мнению, доходчивое:

– Не вижу, каким образом это может извинить пьянство на вахте. Нечего сказать, достойный способ почтить память Ефрона Вестрита!

Это последнее, похоже, возымело на них большее действие, чем все, что он до сих пор говорил. Матрос, устыдившийся первым, даже подался вперед.

– На самом деле вахтенный – один я, и я, честное слово, не пил. А они просто сидели тут со мной и разговаривали, чтобы я не скучал.

Уинтроу не нашелся что на это ответить и лишь серьезно кивнул. Потом увидел у себя под ногами одеяло и вспомнил, зачем, собственно, сюда пришел. Он спросил:

– А где найти второго помощника? Торка?

Чернобородый неприязненно хмыкнул:

– Ему сейчас не до тебя. Он очень занят: перетаскивает свои вещички в каюту, откуда намерен выкинуть Альтию.

Уинтроу снова кивнул и никак не выразил своего мнения. Лишь добавил как бы в пространство, ни к кому в отдельности не обращаясь:

– Я также полагал, что, когда буду подниматься на борт, вахтенный меня окликнет. Хотя бы мы и стояли в своей родной гавани.

Вахтенный странно на него посмотрел.

– Но ведь корабль-то теперь оживший. И он точно даст знать, ежели кто чужой на борт полезет.

– А ты уверен, что она знает, что ей следует делать, если она заметит чужого? Ей кто-нибудь объяснил?

Теперь вахтенный смотрел на него, как на недоумка:

– Каким образом она может НЕ знать? К ней ведь перешло все, что смыслили в морских порядках и сам капитан Вестрит, и его отец с бабкой. Все, что знали они, знает и она! – Поглядев в сторону, он тряхнул головой и заметил: – Я-то думал, все Вестриты здорово кумекают в живых кораблях.

– Спасибо, – сказал Уинтроу, пропустив последнее замечание матроса мимо ушей. – Я пойду искать Торка. Доброй тебе вахты.

Поднял треклятое одеяло и медленно, осторожно покинул круг света, стараясь приучить глаза к темноте. Добравшись до прежней каюты Альтии, он увидел, что дверь не прикрыта

плотно – наружу пробивалась полоса света. Ящики с вещами, которые тетка не успела отправить на берег, были бесцеремонно отодвинуты в сторону, а новый обитатель самым деловым образом расставлял и раскладывал собственные пожитки.

Уинтроу постучал в приоткрытую дверь. Торк вздрогнул и обернулся, вид у него на мгновение стал почти виноватый. «Пустяк, а приятно...» – посетила Уинтроу греховная мысль. Он постарался прогнать ее. Не больно-то получилось.

– Чего еще? – рявкнул помощник.

– Отец велел мне найти тебя и попросить одеяло... – спокойно начал Уинтроу.

– А в руках у тебя разве не одеяло? – Теперь забавлялся уже Торк. – Или оно недостаточно хорошо для мальчика из монастыря?

Уинтроу выпустил одеяло из пальцев.

– Так не пойдет, – сказал он. – Оно грязное. Я бы слова не сказал, будь оно заплатанным или потертым. Но никому не следует терпеть грязь, если можно этого избежать.

Торк даже не посмотрел на одеяло.

– Если грязное – возьми да выстирай.

И отвернулся, желая показать, что разговор окончен. Уинтроу, впрочем, нимало не смутился.

– Выстирать нетрудно, – ответил он вежливо, – но ты, верно, согласишься, что высохнуть оно не успеет. Я же просто прошу тебя выполнить приказ моего отца. Я пришел на борт посреди ночи, и мне требуется одеяло.

– А я и поступил согласно приказу. Одеяло у тебя есть. – Торк уже почти не скрывал злобной насмешки.

– Скажи, пожалуйста, почему тебя так забавляет собственная неучтивость? – спросил Уинтроу. Ему в самом деле стало любопытно. – Неужели тебе настолько проще дать мне грязную тряпку и заставить просить, чем взять и выдать чистое одеяло?

Вот уж чего не ожидал второй помощник, так это подобного вопроса, заданного честно и, что называется, в лоб. На некоторое время он попросту утратил дар речи. Как многие люди, склонные к повседневной мелкой жестокости, Торк никогда не задумывался, почему, собственно, он ведет себя именно так, а не иначе. Он знал, что может себе это позволить – и все. С детских лет привык обижать тех, кто был слабей. И не перестанет, пока его не зашьют в парусиновый саван.

Уинтроу между тем впервые пристально, оценивающе присмотрелся к его внешнему облику. И счел, что вся судьба Торка прямо-таки написана у него на физиономии. Маленькие круглые глазки, голубые, точно у белой свиньи. Второй подбородок еще не отвис, но уже наметился. Шейный платок давно следовало постирать, как и тельняшку, по бело-синему вороту которой успела лечь бурая засаленная полоса. И проложил ее не соленый пот моряцкого труда, а одна только неряшливость. Этот человек самого себя в надлежащем виде не умел содержать, что же говорить о корабле, где он был вторым помощником? Достаточно взглянуть на его вещи, кое-как раскиданные по каюте. Через две недели здесь воцарится суший свинарник – вонючее белье, заплесневелые остатки еды...

Поняв все это, Уинтроу принял решение отказаться от дальнейшего спора. Обойдется он и без одеяла. Будет неудобно, конечно, но ничего – как-нибудь переживем. А выяснять отношения с Торком попросту бесполезно. До этого человека никогда не дойдет, что засаленное одеяло способно вызвать брезгливость и может быть воспринято как оскорбление. Уинтроу упрекнул себя за то, что не присмотрелся как следует к Торку заранее. Это поистине избавило бы их обоих от нескольких неприятных минут.

– Ладно, – сказал он без раздражения. – Проехали и забыли.

Повернулся, поморгал, чтобы скорее приучить глаза к темноте, и двинулся прочь. Было слышно, как за его спиной Торк шагнул к двери.

– Утром щенок всенепременно нажалуется папочке, – догнал Уинтроу его насмешливый голос. – Полагаю, впрочем, капитан скажет, что мужику и матросу отнюдь не пристало хныкать по поводу нескольких пятнышек на одеяле!

«Может, и скажет», – подумал Уинтроу. Доподлинно выяснить это, правда, вряд ли удастся, потому что ябедничать он вовсе не собирался. Глупо это – жаловаться на мелкое неудобство.

Казалось, его молчание встревожило Торка.

– Уж не воображаешь ли ты, – повысил голос он, – будто твое нытье способно втравить меня в неприятности? Так вот, ничего не получится! Уж я-то твоего отца знаю!

Уинтроу опять не ответил, оставив без внимания и насмешку, и скрытую в ней угрозу. Решив прекратить пустой спор, он постарался от него отрешиться и на уровне испытываемых чувств. И успокоил свой дух, в полном соответствии со жреческой наукой очистив его от обиды и гнева. Не то чтобы эти чувства рассматривались как недостойные; просто испытывать их по отношению к Торку было пустой тратой сил. Уинтроу старательно убирал из своего внутреннего состояния все, что относилось к эпизоду с испачканным одеялом. Это вполне удалось ему, и ко времени возвращения на нос корабля он вернул себе не только ясность и спокойствие духа, но и его целостность.

Облокотившись на фальшборт, Уинтроу посмотрел в темную ночную даль. В гавани стояло на якорях множество кораблей, и на каждом горели огоньки. Уинтроу обвел их глазами, остро осознавая свое неожиданное невежество. Для него, наследника множества поколений торговцев и мореходов, корабли были чем-то непонятным и чуждым. Как разобраться? Пока Уинтроу видел только, что большей частью это были двух- или трехмачтовые торговые суда, – он отличал их по высоким кормовым надстройкам. Между ними виднелось лишь несколько рыболовных.

А вдоль берега всюду шумел кишасший народом ночной рынок. Миновала дневная жара, и там и сям загорелись огоньки уличных жаровен – ветер доносил аромат жарящегося мяса и даже шипение жира, капавшего на угли. Вот потянуло с другой стороны: запахло пряными соусами и хлебом, румянившимся в печи. С берега долетал гул голосов, обрывки песен, смех, женский визг... Отражения огней, горевших на суше и на палубах кораблей, дробились на волнах, прокладывая неровные, изломанные дорожки.

– И все же есть во всем этом некий покой, – проговорил Уинтроу вслух.

– Это потому, – тотчас отозвалась Проказница, – что все идет своим чередом.

Какой все-таки женственный был у нее голос. Казалось, он нес в себе темную бархатистость самой ночи. И даже точно так же неуловимо отдавал дальним дымком. При звуке ее голоса Уинтроу ощутил, как поднимается из глубин души теплая волна ничем не замутненной радости. Он даже не сразу осознал это. А осознав – изумился.

– Что ты такое? – спросил он с тихим благоговением. – Когда я от тебя отдаляюсь, мне начинает казаться, что следовало бы опасаться тебя. По крайней мере – быть настороже. Но вот я на борту, и вот я слушаю твой голос, и это похоже на... не знаю... мне кажется, влюбленные испытывают нечто подобное...

– В самом деле? – обрадовалась Проказница, и ее голос звенел счастьем, которое она даже не пробовала скрыть. – Значит, ты испытываешь примерно то же, что и я. Ты знаешь, я пробуждалась так долго... столько лет... дольше, чем жизни твоего отца и деда, вместе взятые. С той самой поры, как твоя прапрабабушка подарила мне частицу себя. И вот наконец сегодня я смогла пошевелиться, открыть глаза и снова увидеть мир. Я ощутила запах и вкус, я услышала звуки. Я увидела людей... и, ты знаешь, я вострепетала! Кто они, недоумевала я, кто они, эти создания из плоти и крови, изначально вселенные в свои тела и обреченные умереть вместе с ними? Я недоумевала и боялась, ведь откуда мне было знать, что вы, столь чуждые и непонятные, пожелаете надо мной учинить? Но вот кто-нибудь из вас подходит поближе – и я

убеждаюсь, что мы сотканы из одной пряжи жизни, вы и я. Мы различны и именно поэтому дополняем друг друга. И потому твое присутствие наполняет меня радостью, что я начинаю полнее ощущать биение своей собственной жизни!

Уинтроу неподвижно стоял у фальшборта, внимая речам Проказницы, как внимал бы вдохновенному гласу поэта. Она на него не смотрела. Ей не требовалось смотреть на него – она просто *видела*. Она тоже глядела туда, где в ночном сумраке горели казавшиеся праздничными огни. «Мы с ней видим одно и то же», – подумал Уинтроу, и улыбка, игравшая на его губах, сделалась шире. Всего несколько раз в его жизни бывало так, чтобы слово истины столь же верно достигало души и немедленно пускало в ней корни, как пускает корни семя, упавшее на плодородную почву. Так некоторым из лучших монастырских учителей удавалось облечь в простые и неожиданные слова подспудное знание, которое до той поры дремало в нем, не умея пробиться на свет.

Голос Проказницы отзывался в теплой ночи, и Уинтроу ответил:

– Случается, что струна, пробужденная верным и сильным прикосновением, в свою очередь, будит другую, и та отзывается чистейшей, долго не смолкающей нотой. Так моя душа отозвалась на слово истины, услышанное от тебя. – Он вслух рассмеялся, продолжая дивиться себе самому: сейчас ему казалось, будто его грудь была клеткой, из которой вдруг выпустили долго-долго томившуюся там птицу. – Ты сказала, – продолжал он, – самую простую вещь: «Мы дополняем друг друга». Почему же эти слова показались мне столь необычными? Не знаю! Они так меня тронули... так тронули...

– Что-то совершается здесь, сейчас, в этой ночи, – сказала Проказница. – Я чувствую.

– И я чувствую. Но не знаю, что это такое.

Она поправила:

– Ты имеешь в виду, что тебе трудно дать этому имя. Но глубоко внутри мы оба знаем, что происходит. Мы растем. Мы становимся.

Уинтроу улыбался, глядя в ночную мглу. Он спросил ее:

– Становимся – чем?

Она подняла голову, и далекие огни отразились от деревянных черт. Ее губы дрогнули в ответной улыбке, обнажившей безупречные зубы.

– Ты и я становимся НАМИ, – просто объяснила она. – Так, как тому и предначертано было случиться.

...Альтия никогда прежде не подозревала, что несчастье может достигнуть столь полного совершенства. Только теперь, глядя на опустевший стакан, она начинала как следует осознавать, до какой степени съехал набекрень весь ее мир. Чего греха таить, раньше тоже бывало и плоховато, и даже совсем плохо. Но сегодня выдался совсем особенный день. Сегодня она раз за разом творила абсолютно глупые дикости... или дикие глупости... в общем, творила совершенно не пойми что, пока все не стало до того скверно, что уже дальше некуда было ехать. И теперь ей оставалось только качать головой, дивясь собственной безмозглости.

Сунув руку в кошель, она ощупью пересчитала последние оставшиеся монетки – и подняла свой стакан, требуя, чтобы его наполнили заново. Да. Куда ни ткни, всюду следовало поступать решительно наоборот. Весь сегодняшний день она сдавалась без боя, когда – ежели по уму – надо было до конца стоять на своем, и упорствовала, когда требовалось уступить. Но самая страшная, самая жестокая и непоправимая глупость случилась, когда она ушла с корабля. Покинула Проказницу. Покинула даже прежде, чем тело ее отца было опущено в волны. Это была уже не просто глупая неправота. Это было предательство.

Она предала все, что когда-либо ценила и любила, все, что было дорого ей.

Да как вообще она могла сотворить нечто подобное? Оставить непогребенное тело отца... оставить Проказницу на растерзание Кайлу!!! Кайл ведь не понимал ее и не поймет. Он понятия не имеет, что такое живой корабль, как с ним следует обращаться и каковы его нужды.

Было отчего прийти в отчаяние, было отчего почувствовать самую настоящую сердечную боль.

Столько лет ожидания – и она предает Проказницу в самый ответственный миг!

Что, спрашивается, с ней творится? Где вообще были ее мозги? Где было ее сердце? Как могла она думать лишь о собственных чувствах и начисто позабыть про корабль? Что, интересно знать, сказал бы ей отец? Ее отец, всегда говоривший: «Корабль – вот главное. Все прочее – во-вторых».

Подошедший корчмарь взял у Альтии денежку, повертел так и этак – не фальшивая ли – и наполнил ее стакан. Он сказал ей что-то, что именно – девушка не расслышала, только голос, полный деланого сочувствия, был неприятно елейным. Альтия отмахнулась, чуть не расплескав вино из стакана, который держала в руке. И поспешно выпила, пока и вправду не разлила.

Голову требовалось срочно прочистить, и она широко раскрыла глаза, как если бы это могло подействовать. Никто из посетителей таверны не стремился разделить ее горе, и это казалось глубоко неправильным. По всей видимости, данная конкретная частичка Удачного вовсе даже и не заметила ухода Ефрона Вестрита. За здешними столами велись ровно те же самые разговоры, что и все последние два года. О нахальных новичках, которые того и гляди разорят город. О посланнике сатрапа, который не только превышает свои полномочия, придумывая все новые налоги, но еще и взятки берет, соответственно не замечая стоящих прямо в гавани невольничьих кораблей. Калсидийцы тем временем теребят самого сатрапа, требуя, чтобы в Удачном для них снизили налоги на воду, и сатрап, чего доброго, согласится ради дарующих удовольствие травок, что щедро шлют ему из Калсиды.

«У этих жалоб уже борода в заливе скоро потонет, – мрачно подумала Альтия. – Гундят и гундят, и хоть бы один попытался что-нибудь сделать!»

Когда они с отцом в последний раз посещали совет старинных семейств, Ефрон, помнится, поднялся и предложил им попросту объявить вне закона все то, что, по общему мнению, могло угрожать городу. «Удачный принадлежит нам, а не сатрапу, – заявил он решительно. – Надо нам сложиться и завести хороший сторожевой корабль, чтобы раз и навсегда перекрыть работорговцам доступ в наш порт. А что касается калсидийцев – если они не желают платить здесь за воду и продовольствие, пускай их зерновозы останавливаются для отдыха где-нибудь в другом месте. В одном из пиратских городков, например. Быть может, там с ними обойдутся поласковой?»

Эти слова были встречены озабоченным ревом. В одних голосах звучало одобрение, в других испуг, но вот дошло до голосования, и совет в который раз предпочел бездействие. «Ладно, подождем годик-другой, – сказал отец Альтии, когда они выходили. – Как я понимаю, примерно за такой срок здесь укореняются новые идеи. Кое-кто из них даже и сейчас понимает мою правоту. Они просто не хотят осложнять себе жизнь. Ведь потребуются определенные усилия, чтобы Удачный остался Удачным, а не превратился в южную окраину Калсиды. Право же, во имя тяжких трудов Са! – проклятые калсидийцы и так уже посягают на наши северные рубежи. Если мы и впредь будем оставлять это без внимания, они просочатся прямо сюда. Рабы с татуированными лицами будут обрабатывать наши поля, девушек начнут выдавать замуж в двенадцать лет... И еще тысяча безобразий и непотребств, о которых говорить-то не хочется. Если мы позволим этому произойти, тут-то нам всем придет конец. И члены старинных фамилий на самом деле это понимают. Говорю тебе, дочка: еще год-другой – и голову под крыло будет уже не спрятать. Тогда все, как один, вдруг согласятся со мной. Вот увидишь».

Бедя только, сам он не увидит уже ничего. Ее отец ушел навсегда. Удачный между тем потихоньку беднел и хирел, но болезнь не позволила отцу заметить даже этого.

Глаза Альтии в который раз за сегодняшний день обожгли слезы. И в который раз она смахнула их рукавом. Оба рукава давно превратились в промокшие тряпки, и, без сомнения, лицо и волосы представляли собой то еще зрелище. Кефрия и мать с катушек бы попадали, если бы могли сейчас ее видеть. Ну и шут с ними! Пускай бы попадали. Может, она, Альтия, в самом деле позор семьи, но они... они – еще хуже. Она-то ударилась в этот запой, движимая внезапно обрушившейся бедой. А они хладнокровно сговорились и загодя все рассчитали. Причем сговорились не столько против нее, сколько против семейного корабля. Уж они-то обязаны были понимать, что это для них значило – отдать Проказницу Кайлу! Человеку, даже не связанному с ней узами крови!

И вот тут ее окатил ледяной холодок сомнения. Ее мать ведь не родилась в семействе Вестрит. Она в нее вошла через брак. То есть в точности как и Кайл. Так, может быть, она, как и этот стервец, не питает к кораблю никакого особого чувства? Нет. Нет. Такого просто не могло быть. Не могло – после всех лет, проведенных ею с отцом. Альтия что было сил отгородилась от непрощеной мысли, отрицая за ней всякое право на смысл. И мать, и Кефрия наверняка знали – обязаны были знать! – ЧЕМ в действительности являлась Проказница для семьи. И в таком случае все случившееся было мстью. Непонятной, несоразмерной мстью лично ей, Альтии. Наказанием непонятно за что. Быть может, за то, что она слишком любила отца? Больше, чем кого-либо другого из членов семьи?

И вновь потекли слезы. Это не имело значения. Ничто больше не имело значения. Им придется-таки передумать. И отдать корабль ей. «Даже если, – сурово сказала она себе, – даже если Кайл останется капитаном и мне придется служить у него под началом!» Как ни отвратительна была ей подобная мысль, она вдруг показалась ей наилучшим выходом из положения. Да! Да! Наверное, именно этого они и хотели. Им требовалась уверенность, что торговое дело будет вестись таким образом, как видели это они и Кайл. Ну и пусть его торгует как хочет и чем хочет. Хоть маринованными яйцами и красильными орешками. Лишь бы у нее не отнимали возможности жить на борту... быть частью Проказницы...

Альтия подняла голову. У нее вырвался вздох облегчения, как если бы она приняла некое важное решение. «Но ведь ничего не изменилось... Или все-таки изменилось?» Она заглянула в себя и поняла, что верно было второе. Выяснилось, что она – в отличие от себя прежней – готова была пойти на любые унижения. *Абсолютно* любые. Все, что угодно, – лишь бы ходить в море вместе с Проказницей. Все, что угодно...

Она огляделась и даже застонала про себя. В этот вечер она слишком много пила. И слишком много плакала. В голове стучали молоты, и она даже не смогла бы с уверенностью назвать матросский кабак, в котором сидела. Одно было ясно – ее занесло в один из наихудших клоповников. Вот один из матросов уснул прямо за столом и тихо сполз на пол. Ничего необычного в этом, собственно, не было, другое дело, что обыкновенно таких пьянчужек немедленно вытаскивали вон. Мягкосердечные кабатчики позволяли им отоспаться возле двери, равнодушные выкидывали на улицы и в переулки, где бедолаг неминуемо обирало ворье. Ходили слухи, будто иные содержатели питейных заведений вели с уличными грабителями какие-то дела, но Альтия особо в это не верила. В других портах – да, там чего только не происходило. Но не в Удачном!

Она кое-как поднялась на непослушные ноги. Кружево юбки зацепилось за деревянный заусенец на ножке стола. Альтия дернула – полоса кружева надорвалась и повисла. Плевать. Да пусть рвется хоть вовсе в клочки. Это платье она все равно не наденет больше никогда в своей жизни. Она последний раз шмыгнула носом и ладонями потерла глаза. Домой – и в кровать! Завтра она сумеет посмотреть жизни в глаза и уж как-нибудь со всем разберется. Не сегодня. Завтра... «О Са, сделай так, чтобы дома все уже спали, когда я туда доберусь!»

По пути к двери ей пришлось переступить через вдрызг пьяного матроса, валявшегося прямо в проходе. С этим дело не заладилось. То ли деревянный пол под ногами качнулся, то ли ноги еще не привыкли ступать по суше... Она сделала очень широкий шаг, едва не упала и удержалась только благодаря тому, что успела схватиться за дверной косяк. Кто-то хохотнул у нее за спиной. Гордость не позволила Альтии оглянуться и посмотреть, кто именно. Она распахнула дверь и вышла наружу, в ночь.

Темнота и прохлада поначалу совсем сбили ее с толку, но потом помогли хоть как-то прийти в себя. Она помедлила на деревянной мостовой у таверны, чтобы сделать несколько глубоких вдохов и выдохов. На третьем по счету ей показалось, что ее вот-вот вытошнит. Она ухватила за перильца и замерла, стараясь дышать потише и дожидаясь, чтобы улица перестала качаться перед глазами. Дверь кабака позади нее закрипела, приоткрываясь, и выпустила наружу еще одного человека. Забеспокоившись, Альтия повернулась рассмотреть его. В потемках ей понадобилось некоторое время, чтобы признать его.

– Брэшен, – обрадовалась она.

– Доброй ночи, Альтия, – отозвался он устало. И помимо воли спросил: – С тобой все в порядке?

Несколько мгновений она молча смотрела на него. Потом сказала:

– Я хочу назад. К Проказнице. – Слова выговорились сами собой, но, едва они прозвучали, она поняла – именно это ей и следует обязательно сделать. – Мне непременно нужно посмотреть на нее. Я должна объяснить ей, почему сегодня ушла и оставила ее.

– Лучше тебе сделать это завтра, – предложил Брэшен. – Когда выспишься и протрезвеешь. Ты же не хочешь, чтобы она увидела тебя такой, верно? – И Альтия распознала в его голосе хитринку, когда он добавил: – Вряд ли она обрадуется. И батюшка твой тоже бы не обрадовался...

– Нет. Она поймет. Она все поймет. Мы достаточно хорошо знаем друг дружку. Она поймет все, что я натворила...

– Значит, она тем более поймет, когда ты придешь к ней завтра, трезвая и чисто умытая. – Брэшен говорил дело, а голос у него был очень усталый. Помолчав немного, он подал ей руку. – Пошли домой. Я тебя провожу.

Глава 8

Разговоры в ночи

Как только они переступили порог своего дома, Роника Вестрит буквально сломалась. У нее попросту подкосились колени – силы были на исходе. Кайл только головой покачал. Кефрия подхватила мать и повела ее к кровати.

Опочивальня, которую она так долго делила с любящим мужем, с некоторых пор превратилась в обитель болезни и скорби. Кефрию объял ужас при мысли, что надо будет уложить мать на диван, где та уже и так провела множество невеселых ночей. Она велела Рэйч приготовить комнату для гостей – и сидела с Роникой, пока кровать не была застелена и мать не уложили. Потом Кефрия отправилась взглянуть, как там Сельден. Сынишка плакал. Он, оказывается, требовал маму, но услышал от Малты, что маме, дескать, сейчас некогда – она слишком занята, чтобы возиться со всякими зареванными младенцами. После чего Малта его так и оставила сидеть на краешке постели. Не позаботилась даже служанку к нему позвать... Кефрия готова была всерьез рассердиться на дочь, но вовремя сообразила, что Малта и сама совсем почти дитя. Разве можно ждать от двенадцатилетней девчонки должной заботы о семилетнем братишке после такого-то дня?

Утешив мальчика, Кефрия передела его в ночную рубашку и не уходила, пока он не задремал... В общем, когда она наконец отправилась к себе, то ничуть не сомневалась, что больше в доме ни одной бодрствующей души не осталось.

Она шла анфиладами хорошо знакомых комнат, и пляшущие отсветы свечи заставляли тени таинственно шевелиться. Тут поневоле задумаешься о привидениях, и Кефрия внезапно спросила себя: а что, если дух отца еще задержался здесь, в этом доме, где ему выпало так долго страдать? Мороз пробежал по спине, шевельнулись волосы на затылке... «Да как же мне не стыдно! – упрекнула она себя тут же. – Дух отца теперь в корабле. Но и пожелай он вернуться сюда, чего мне страшиться? Ведь это мой отец, может ли он причинить мне зло?»

Тем не менее, когда она беззвучно проскользнула в комнату, где уже улегся в постель Кайл, ей стало гораздо спокойней. Она задула свечку, чтобы не побеспокоить спящего мужа, и стала раздеваться во мраке, а ее одежды оставались лежать там, куда падали. Ощупью нашла ночную рубашку, приготовленную для нее Наной, и с удовольствием ощутила на коже ее прохладную ткань. И вот – о счастье! – наконец-то постель! Кефрия откинула одеяло и простыню и осторожно устроилась подле супруга.

Кайл тут же распахнул ей свои объятия. Оказывается, он и не думал засыпать и все это время дожидался ее. День выдался мучительно длинным, да и недавние хлопоты веселыми не назовешь – и все равно объятия мужа несказанно обрадовали Кефрию. Ей казалось, его прикосновения разом исцеляли судорожное напряжение, так долго копившееся внутри ее тела. Какое-то время Кайл просто прижимал ее к себе, глядя волосы и растирая ей шею и плечи. А потом они занялись любовью. Просто, без хитроумных затей, и очень нежно. Они не говорили ни слова, и лунный свет вливался в комнату сквозь высокие окна. Луна сияла так ярко, что почти различимы были цвета вокруг. Сливочный тон простыней. Волосы Кайла, отливавшие слоновой костью. Его кожа переливалась двумя оттенками тусклого золота: темнее там, где его покрывал загар, а там, куда солнце не добралось, – бледнее.

Они молчали еще долгое время, после того как утихла страсть, и Кефрия свернулась калачиком, прижавшись к нему и положив голову ему на плечо. Женщина просто слушала, как бьется его сердце, как дыхание приподнимает его грудь, осязала тепло его тела – и ей было хорошо.

Потом ей вдруг сделалось совестно. В самом деле, как могла она наслаждаться этой благодатью вечером того самого дня, когда ее мать потеряла отца, а с ним и всякую надежду

на... да что говорить о плотском соитии! – матери было теперь не суждено и руку его взять! После недавних любовных утех с милым мужем такая потеря показалась Кефрии столь огромной – просто удивительно, как мир вообще мог ее вместить? Нет, она не отодвинулась от Кайла прочь, наоборот, теснее прижалась к нему, лишь судорога стиснула горло да единственная слеза скатилась из уголка глаза и горячей каплей шлепнулась на его нагое плечо. Кайл поднял руку, ощупал свое плечо, потом провел пальцами по лицу жены.

– Не плачь, – проговорил он тихо. – Не надо. На сегодня слез достаточно. Хватит горевать. Пускай все пройдет. Пускай никого, кроме нас с тобой, сейчас не будет в этой постели, хорошо?

Она постаралась не всхлипнуть.

– Я попробую. Но мама... Ты знаешь, я только сейчас как следует поняла, как много она потеряла. Все... вот это...

Ее ладонь легко пробежалась по его телу, от плеча до бедра. Кайл поймал руку жены и поднес к губам, чтобы поцеловать.

– Понимаю. Я тоже думал об этом, обнимая тебя. Представил себе: и вот однажды настанет день, когда я к тебе не вернусь. В таком случае тебе следует...

– Даже не заговаривай об этом! – взмолилась она. Обхватила его голову и повернула к себе, вглядываясь в знакомые черты, озаренные яркой луной. – Я посеючас не уверена, правильно ли мы поступили, – добавила она совсем другим тоном. – Помню, да, мы все обсудили и решили, что так будет лучше для всех. Но ее лицо... в тот миг, когда я тоже ухватилась за нагель... И потом, когда она убежала с корабля прочь... Никогда не думала, что Альтия способна на нечто подобное. Вот так уйти с похорон. Мне казалось, она любила его гораздо сильнее...

– Мм, – призадумался Кайл. – Я тоже, признаться, такого не ожидал. Думал, при ее-то любви к отцу... а если не к нему, то к кораблю. Ждал, что мне с ней, чего доброго, драться придется, и весьма обрадовался, когда она взяла и просто сдалась. А то, чего доброго, получились бы не похороны, а череда скандалов. Хоть от этого она нас избавила – и на том спасибо. Другое дело, теперь вот волнуясь, где ее носит. В ночь после смерти отца девке следовало бы сидеть дома, а не шляться по всяким злачным местам. – Кайл помолчал, потом добавил почти извиняющимся тоном: – Ты же понимаешь, я не смогу это просто так оставить. Ее надо будет как следует отругать. Должен же кто-то ею заняться, прежде чем она окончательно себя погубит!

– Папа всегда говорил, что, когда имеешь дело с Альтией, не следует натягивать вожжи, – сказала Кефрия. – Пусть совершает ошибки и учится на них. Иным путем ей ничего не внушить.

Кайл негодующе хмыкнул:

– Прости, любовь моя, но, по-моему, таким образом он просто уклонялся от исполнения отцовского долга. Она донельзя избалована. Сколько ее знаю, столько же ей во всем потакали. Вот она и решила, что и впредь всегда сумеет на своем настоять. Привыкла думать только о себе, а о других – никогда. Но знаешь ли, на самом деле еще не поздно заставить ее исправиться. Я сам был почти потрясен, когда это обнаружил. По пути домой она вывела меня из себя, и я велел ей до конца плавания сидеть в каюте. Я и мечтать не смел, что эта дикая коза меня послушается! Я, собственно, наорал на нее и выгнал, чтобы не дошло до чего похуже. Но она мне подчинилась и сидела-таки взаперти! И, полагаю, очень о многом успела подумать, сидя там в одиночестве. Ты же видела ее, когда мы наконец причалили. Тихая, исполненная раскаяния. И оделась наконец, как положено девушке ее положения. По крайней мере близко к тому... – Умолкнув, он пожал плечами, и светлые волосы перепутались на подушке. – Правду тебе сказать, я был поражен. Я все ждал, чтобы она опять взялась ссориться и спорить со мной. А потом сообразил: так вот, видно, чего ей не хватало все это время! Чтобы кто-нибудь решительно сказал «нет». Чтобы встряхнул ее за шиворот и заставил вести себя подобающим образом. Именно так и случилось. А то она знай прикидывала, кому до какой степени можно на шею

уесться... – Кайл прокашлялся. – Я уважал твоего отца. Ты знаешь, что это действительно так. Но в том, что касалось Альтии, он был, мягко говоря, слеп. Никогда ничего не запрещал ей, никогда не говорил «нет» и не принуждал считаться с запретом. Когда появился я и сделал это, все разом переменялось. Зато потом, когда мы сошли с корабля и я как бы перестал быть над нею начальником, она тут же опять малость разболталась.

Он снова пожал плечами и замолчал. Некоторое время они с Кефрией просто лежали, думая, каждый про себя, об Альтии и ее странностях.

Потом Кайл глубоко и тяжело вздохнул.

– Я вообще-то думал, что она совсем безнадежна. Что мы дождемся от нее только срама и горестей, да и сама она плохо кончит. Но сегодня, когда мы все объединились против нее, отстаивая благо семьи, она не решилась схватиться с нами в открытую. Это потому, что глубоко в душе понимает – мы правы. Корабль должен служить семейству, работать на его благо. А поскольку ты старшая, будет только справедливо, если самое ценное в семье унаследует именно ты. К тому же у тебя дети, о которых следует позаботиться. А о ком ей печься? Только о себе, любимой. А уж мы, думаю, не оставим ее голой, босой, голодной и без крыши над головой. Теперь представь, что корабль отдали ей. Да она тут же вылетела бы на нем из гавани и даже не оглянулась назад! Да еще, чего доброго, это ничтожество, Брэшена, капитаном бы поставила.

Кайл потянулся, но осторожно, так, чтобы не побеспокоить жену. Его рука скользнула ей под спину, он притянул Кефрию поближе к себе.

– Нет, любимая, думаю, тебе не в чем себя упрекать: мы все сегодня поступили правильно и во имя общего блага. Мы-то с тобой знаем, что сумеем и об Альтии должным образом подумать, и твоей матери помочь выпутаться из денежных неурядиц. А вполне ли ты уверена, что Альтия готова сделать для матери то же? Я уже не говорю о нас и наших детях. Думается, под конец даже отец твой понял, что корабль надо завещать именно тебе, – и велика ли беда, если его маленькая любимица малость похнычет...

Кефрия вздохнула, поудобнее устраиваясь подле него. Все, что он говорил, было исполнено смысла. Оттого-то она когда-то и решила выйти за него замуж. Он, казалось, умел продумать все наперед, рассуждал так связно и умно, в его устах все казалось таким логичным и объяснимым... Когда Кефрия шла за него, она твердо знала одно: ей вовсе не улыбалось прожить жизнь с непредсказуемым человеком настроения. Вроде ее собственного отца. Она-то видела, каково было с ним матери. То-то она и состарилась до срока. Другие матроны из старинных семейств жили спокойно, размеренно и в довольстве. Ухаживали за розовыми клумбами, растили внуков... А мать, что ни день, занималась делами и принимала решения. Нет, не для женских плеч такой груз! И добро бы просто вести счета и заключать сделки с другими такими же торговцами. Но ведь мать еще и самолично садилась в седло и объезжала поля, проверяя доклады управляющих!

Удивительно ли, что сезон сбора мейфа Кефрия ненавидела с детства. Еще совсем маленькой она уразумела, что означало наступление этого времени. Когда она проснется, мамы рядом не будет. Не будет ее и весь день. Она появится лишь вечером, может быть, всего за час перед тем, как ее дочку уложат в кроватку. Когда же Кефрия подросла, начался суший кошмар. Мама и ее принялась таскать по полям. Там было жарко, там длинными рядами росли колючие зеленые кусты, увешанные созревающими стручками. Несчастную девочку вынуждали запоминать, как именно следует убирать проклятые бобы, как выглядят различные вредители, какие из пораженных кустов необходимо немедленно вытаскивать и сжигать, а какие нужно долго и упорно лечить отваром из – подумать только! – из прелых листьев и конского навоза! Ужас! Как Кефрия смогла это перенести – известно одним Небесам. Потом, достаточно повзрослев, чтобы задуматься о состоянии своей кожи и волос, она в какой-то момент возмутилась, восстала и не позволила далее себя мучить. Именно в тот год она, помнится, твердо решила, что нипочем не выйдет замуж за человека, который усвищит в море и бросит ее одну-одинешеньку

тащить на себе хозяйство. Не-ет, она найдет себе мужчину, который возьмет на себя мужской труд, который будет о ней по-настоящему заботиться и не позволит, чтобы жена до времени увяла от бесконечных забот и хлопот.

– Вот тут-то я и вышла замуж за моряка, – сказала она вслух. И любовь, прозвучавшая в ее голосе, превратила простые слова в изысканный комплимент.

– Ум-м-гу, – сонно проворчал Кайл.

Кефрия положила руку на его незагорелую грудь и залюбовалась сочетанием его белой кожи и ее собственной – оливковой.

– Я просто хотела бы, чтобы ты не уезжал так надолго, – тихо промолвила она. – Теперь, когда больше нет папы, ты – глава семьи. И если тебя с нами не будет...

– Знаю, – ответил он спокойно. – Я тоже думал об этом. И беспокоился. Как по-твоему, зачем еще я так настаиваю, чтобы Уинтроу ходил со мной в море? Пора уже и ему быть в доме мужчиной. Пусть возьмет на себя свою долю ответственности.

– Но... его жреческий сан... – возразила Кефрия еле слышно.

Ей всегда было трудно найти в себе силы как-то оспорить мнение мужа. Раньше проблема с Уинтроу была единственной, где он всегда ей уступал. И она плохо понимала, что заставило его передумать.

– Тебе известно, что эту глупость я с самого начала не одобрял, – ответил он на ее немой вопрос. – Посвятить своего первенца служению Са! Оно, может, и неплохо для богатеев Джамелии. Еще больше выпячивает их богатство: смотрите, мол, мы можем отдать сына-работника – и ничего, не обеднели! Но мы – не они, дорогая. Я, впрочем, знал, что тебе очень бы этого хотелось, и всеми силами пытался предоставить тебе такую возможность. Мы отослали мальчика в монастырь. Проживи твой отец еще хоть несколько лет, Уинтроу смог бы навсегда там остаться. Однако, увы, Ефрон умер, а Сельден еще слишком мал, чтобы ходить в море. Поэтому печальная истина состоит в том, что Уинтроу нужен нашей семье гораздо больше, чем какому-то там монастырю в Джамелии. «Са да поможет», как ты всегда говоришь. Вот твой Са нам и помог. Он дал нам сына. Еще тринадцать лет назад. А теперь этот сын нам пригодится.

– Но мы отдали его по обету... – все так же еле слышно проговорила Кефрия.

Сердце ее обливалось кровью. Для нее это так много значило – то, что Уинтроу стал священником. Жрецом Са. Далеко не всех мальчиков, которых родители желали отдать в монастырь, туда принимали. Некоторых с благодарностью возвращали семье, сопровождая вежливым письмом, в котором объяснялось, по какой именно причине данный мальчик не годился для святого служения. Уинтроу же остался. Да не просто остался! Он с самого начала заделался любимцем наставников и быстро получил свое нынешнее бурое послушническое одеяние. Его даже перевели из окраинного монастыря в Келле в самую Келпитонскую обитель, что на Срединном полуострове. Жрецы не часто баловали семьи послушников письмами с отчетами о делах своих питомцев, но те немногие, что Кефрия получила, просто искрились восторгом. Она хранила их в сокровенном уголке сундука вместе с золотыми ленточками, которыми их перевязывали монахи.

– Это ты его отдала, – заметил Кайл. – Не я. Погоди-ка... Дай поднимусь.

Он высвободился из ее рук, выпутался из простыней и встал. В лунном свете его тело казалось вырезанным из отменной слоновой кости. Он пошарил в изножье постели, нашел ночную рубашу и натянул ее через голову.

– Куда ты? – тихо спросила Кефрия.

Она знала, что вызвала его неудовольствие, взявшись возражать. Но никогда раньше он вот так не покидал супружеское ложе, чтобы улечься отдельно.

Как же хорошо все-таки он ее знал! Почувствовал, как она разволновалась, и наклонился, чтобы ладонью убрать с лица ее волосы.

– Сейчас вернусь. Пойду просто загляну в комнату Альтии, проверю, вернулась ли. – И тряхнул головой. – Поверить не могу, что она до такой степени дура! Надеюсь только, нынче ночью она не натворит дел и не вызовет ненужной болтовни! Она ведь, как выпьет, чего угодно способна наговорить. А нам сейчас только скандала хорошего не хватает для полного счастья. Пока мы не управимся с денежными затруднениями, надо, чтобы все видели наше единство! Если же Альтия начнет болтать разную дичь, наши кредиторы того гляди перепугаются до смерти и начнут вытрясать из нас что только можно... пока есть что вытрясать... Ну да ладно. Завтра будет день – тогда и станем печалиться да волноваться. Спи теперь, отдыхай. А я сейчас подойду.

...Было невыносимо долгое мгновение, когда Брэшену казалось: сейчас она откажется от его протянутой руки и не позволит себя проводить. Альтия слегка покачивалась на ногах и пыталась сосредоточить на нем взгляд. Брэшен прямо смотрел ей в глаза. Если честно, то видок у нее был еще тот. Ох, милостивый Са! Волосы совсем растрепались и в беспорядке свисали и на плечи, и на лицо. Слезы проложили дорожки на запыленном лице. Только платье еще пыталось свидетельствовать, что перед Брэшеном стояла женщина не из простых. Да и оно казалось обносом с чужого плеча. «Похожа ты, – с горечью подумал молодой моряк, – сейчас не на гордую дочь старинной фамилии, а на дешевую шлюху, ищущую, с кем бы перепихнуться». Страшно представить, что с ней может случиться в портовых заулках, вздумай она пойти домой в одиночестве.

Но мгновение минуло, и Альтия тяжело перевела дух.

– Ладно, – сказала она. Еще раз вздохнула – и приняла его руку.

Вернее, тяжело оперлась на нее, и Брэшен про себя порадовался, что несколько ранее сумел пристроить свою морскую кису³³. Он хорошо знал трактирщика, согласившегося присмотреть за мешком – не бесплатно, конечно. Думать о том, сколько денег пришлось нынче потратить, таскаясь за Альтией из таверны в таверну, Брэшену не хотелось. Гораздо больше, чем следовало бы. Но, в общем, поменьше, чем мог бы стоить хороший гудеж на весь вечер, который он вначале рассчитывал закатить. Зато (и это было самое неприятное) он остался практически трезвым, то есть не получил никакого удовольствия. Впрочем, так или иначе эпопея уже почти завершилась. Оставалось лишь благополучно довести девчонку до дома. После этого до рассвета останется еще несколько часов – и уж их-то он проведет так, как сочтет нужным!

Брэшен окинул улочку взглядом. Она была едва освещена редкими факелами. И почти безлюдна – час был не ранний. Все, кто еще не упился до бесчувствия, сидели по тавернам, а кто уже не мог пить – валялись в углах. Пожалуй, в основном на ногах оставались лишь местные жулики, мечтающие поживиться последними грошами захмелевшего моряка. «Надо будет соблюдать осторожность, – сказал себе Брэшен. – Особенно с Альтией на буксире!»

– Сюда, – сказал он и попытался быстрым шагом повести девушку прочь, однако та сразу начала спотыкаться. – Ну надо ж было так нализаться... – буркнул Брэшен раздраженно, не успев вовремя прикусить язык.

– Ага, – согласилась она и легонько рыгнула.

А потом остановилась так резко, что он немного испугался – не завалилась бы прямо на мостовую. Но Альтия просто скинула с ног башмачки – нарядные, на высоких каблукках, украшенные лентами.

– Дерьмо! – сказала она. – Ходить невозможно. – Огляделась и зашвырнула башмачки далеко в темноту улицы. Выпрямилась и твердо взяла Брэшена под руку. – Теперь пошли.

³³ Киса – плотный парусиновый мешок с ручками и завязками. Матросы парусного флота держали в таких мешках личные вещи. В кисах разного размера могут также храниться паруса, сигнальные флаги и прочее имущество.

Пришлось ему признать, что босиком она сразу зашагала несравненно проворнее. Брэшен усмехнулся в потемках. Оказывается, даже после стольких лет ежечасной борьбы за существование в нем сохранилось кое-что от прежнего лощеного Трелла: некая часть души готова была содрогнуться от ужаса при мысли о дочери Вестритов, шагающей по ночному городу босиком. «Впрочем, – подумал он, – весь ее вид нынче таков, что отсутствие обуви навряд ли кто сразу заметит». Тем не менее он вовсе не собирался тащить Альтию через круглосуточно работавший рынок. Лучше держаться второстепенных улочек, где если и попадетсся навстречу случайный прохожий, так навряд ли их признает в ночи. «Хоть таким образом почтить память Ефрона Вестрита...»

Но вот они приблизились к перекрестку, и Альтия потянула Брэшена за рукав, пытаясь свернуть в сторону ярко освещенных улиц, где всюю продолжалась торговля.

– Я есть хочу, – объявила она жалобно и настырно, так, как если бы это он был в том виноват.

– Скверно. У меня денег нет, – соврал он и потянул ее прочь.

Альтия подозрительно уставилась на него.

– Так быстро пропил все, что тебе заплатили? Во имя задницы Са, парень, я знаю, ты далеко не дурак повеселиться в порту. Но даже ты вряд ли способен так быстро спустить все заработанное.

– На потаскушек истратился, – прихвастнул он раздраженно.

Она смерила его взглядом в свете колеблющегося факельного пламени. И утвердительно кивнула:

– О да. Это на тебя похоже. – Потом покачала головой. – Ты ведь у нас на что угодно способен, а, Брэшен Трелл?

– Почти, – бросил он с холодком.

Продолжать разговор ему не хотелось. Он снова потянул ее за руку, но она уперлась:

– Тут масса местечек, где меня покормят и в долг. Пошли! Я и тебе что-нибудь куплю.

Исчерпав обходные пути, Брэшен решил резать правду-матку прямо в глаза:

– Послушай, Альтия. Ты же пьяна в сосиску. Нехорошо, чтобы на тебя пялились, пока ты в таком виде. Идем, я тебя домой отведу.

Она перестала перечить ему и послушно пошла с ним в глубину полутемного переулочка. Это был квартал мелких лавчонок. Одни имели довольно грязную репутацию, хозяева других просто не в состоянии были снять помещение в месте попристизнее. Перед дверьми заведений, все еще продолжавших работать посреди ночи, светились тусклые фонари. Татуировочные салоны, магазинчики благовоний и лекарств и всякие сомнительные местечки, где можно было разными нетривиальными способами ублажить свою плоть. Брэшен только радовался про себя, что нынче ночью дела здесь явно шли не особенно бойко. Он даже почти решил, будто тяжкие испытания для него готовы были закончиться, когда Альтия вдруг судорожно вздохнула, и до него дошло, что все это время она плакала.

– Ну? Что еще? – спросил он устало.

– Теперь, когда умер мой папа, – ответила она, – никто никогда больше не скажет мне: «Я горжусь тобой, Альтия». – Она как-то незряче мотнула головой и в тысячу первый раз промокнула глаза рукавом. И сдавленно выговорила: – Для него было важно, что я могу. Для них... для все остальных наших... важно то, как я выгляжу... или что другие обо мне могут подумать...

– Ты слишком много выпила сегодня, – сказал он негромко.

На самом деле это была неуклюжая попытка утешить ее, он имел в виду, что такие вещи в голову-то могут прийти разве что пьяную и оттого беззащитную. Хотел, в общем, как лучше... а получилось очередное обвинение. Брэшену стало стыдно, но Альтия только повесила голову и продолжала послушно тащиться следом за ним. «Ну и ладно». Определенно из него получался

плохой утешитель, да он, собственно, и не очень-то собирался сопли ей утирать. У него и права такого не было. Но, значит, вот как ее семейство на нее смотрит? И она ему об этом рассказывает, не удосужившись вспомнить, что он сам был в своей семье отверженным, никому не нужным изгоем? Между тем ведь всего несколько недель назад сама его этим же отхлестала. А теперь, значит, счастье переменялось и она от него еще и жалости ждет?

Некоторое время они шагали молча. Потом Альтия снова заговорила.

– Брэшен, – сказала она негромко и вполне серьезно. – Я хочу забрать назад свой корабль.

Он ответил неким неопределенным звуком. Не говорить же ей, в самом деле, что, по его мнению, о таком было глупо даже мечтать.

– Ты слышал, что я сказала? – спросила она требовательно.

– Да. Слышал.

– Так почему молчишь?

Он коротко и горько рассмеялся:

– Когда ты вернешь себе корабль, я, надеюсь, буду на нем старпомом.

– Заметано, – величаво кивнула она.

Да уж. Дело за малым.

Брэшен фыркнул:

– Знай я, что все так просто решится, я бы должность капитана потребовал.

– Э, нет: капитан – я. Но ты, конечно, будешь старшим помощником. Проказница любит тебя. И когда я стану капитаном, у нас в команде будут только те, кто нам нравится.

– Спасибо, – поблагодарил он неуклюже.

Ему ох как не верилось, чтобы Альтии он хоть сколько-нибудь нравился. Поэтому ее слова некоторым странным образом его растрогали. «Значит, дочке капитана я был не так уж противен».

– Что? – заплетающимся языком спросила она.

– Да нет, ничего. Ничего...

Они свернули на улицу торговцев Дождевых чашоб. Здесь лавочки выглядели пристойнее и почти все ввиду позднего часа были уже закрыты. Удивительные товары, которыми они торговали, стоили дорого и предназначались для состоятельных покупателей, а не для беспортошной и неуправляемой молодежи, в основном посещавшей ночной рынок. Высокие стеклянные витрины были закрыты ставнями до утра, и там и сям прохаживались наемные стражники – внушительные, хорошо вооруженные. То, что хранилось за ставнями, было пропитано магией Дождевых чашоб. Поэтому Брэшену, когда бы он ни проходил здесь, неизменно мерещилось, будто вся улица пропахла чем-то странным – и сладким, и одновременно вгоняющим в дрожь. От этого ощущения приподнимались волосы, а горло – вот что странно-то – перехватывало благоговейным восторгом. Даже сейчас, ночью, когда таинственные дары, привезенные с берегов смертоносной реки, были надежно укрыты от взгляда, в самом воздухе, казалось, была разлита серебристая аура волшебства. Брэшен задался вопросом, ощущала ли Альтия то же, что и он, и даже едва не спросил ее об этом, но вопрос показался ему слишком серьезным и одновременно вполне дурацким, и он так его и не выговорил.

Молчание затягивалось. Когда наконец Брэшен заговорил вновь, то не по необходимости, а просто чтобы это молчание прекратилось.

– Смотри-ка, а быстро она у нас прижилась, – заметил он вслух, когда они проходили мимо магазинчика, принадлежавшего женщине по имени Янтарь.

И кивнул в сторону угловой витрины: там, за весьма дорогостоящими стеклами, привезенными аж из самой Йикки, можно было разглядеть хозяйку собственной персоной. Замечательные стекла были прозрачны, словно вода, и каждое – в резной позолоченной рамке. Оттого женщина за витриной казалась персонажем картины. Янтарь отдыхала, уютно устроившись в плетеном кресле из белых ивовых прутьев. Длинное, просторное коричневое одеяние, сво-

бодно ниспадавшее с плеч, не только не подчеркивало женских форм, а скорее кутало худенькую фигурку. Витрины магазинчика не были защищены ни ставнями, ни решеткой, да и охранник поблизости не торчал. Быть может, Янтарь рассчитывала отпугнуть грабителей своим присутствием? И было, право же, на что посмотреть. Светильник, стоявший подле нее на полу, заливал помещение желтым рассеянным светом. Темно-коричневая ткань одеяния оттеняла живое золото волос, кожи и глаз. Из-под края подола виднелись маленькие босые ноги. Женщина смотрела сквозь стекло на улицу кошачьим немигающим взглядом.

Альтия даже приостановилась, чтобы взглянуть на нее. Она по-прежнему покачивалась – выпитое давало о себе знать, – и Брэшен без всякой лишней мысли обнял ее за плечи, чтобы поддержать.

– Чем она хоть торгует? – спросила Альтия вслух.

Брэшен вздрогнул: он был уверен, что женщина по ту сторону витрины отчетливо слышала каждое слово. Впрочем, на лице Янтарь не дрогнул ни единый мускул. Она смотрела на растрепанную девушку на улице, все так же не мигая и без всякого выражения. Альтия крепко зажмурилась. Потом открыла глаза, как если бы от этого что-то должно было измениться. Все было по-старому, конечно.

– Выглядит как деревянное изваяние, – сказала Альтия. – Из золотого клена...

На сей раз Брэшен смог убедиться, что Янтарь в самом деле все слышала: в уголке воистину скульптурных губ начала зарождаться улыбка. Но тут Альтия жалобно добавила:

– Как она напоминает мне мой корабль... милую Проказницу... шелковистое диводрево, процветшее всеми красками жизни...

И выражение лица Янтарь резко переменилось: так и не рожденная улыбка сменилась крайней степенью отвращения. Брэшена почему-то (он сам не смог бы толком сказать почему) ужасно встревожило это высокомерное отвращение. Он сгреб Альтию под локоть и поспешно увлек ее мимо витрины, вперед по скудно освещенной улице.

Только на следующем перекрестке он позволил ей сбавить шаг. К тому времени Альтия начала хромать, и он запоздало припомнил, что она топала босиком по не очень-то гладкой деревянной мостовой. Альтия не стала жаловаться, лишь повторила свой вопрос:

– Что она там вообще продает? Она ведь не из торговцев Удачного, кто ведет дела с Дождевой рекой. Туда ходят только те семейства, у кого есть живые корабли. Так кто она такая и почему держит лавочку на улице Дождевых чащоб?

Брэшен передернул плечами.

– Она тут новенькая. Всего года два как приехала. Сначала держала крохотную лавчонку за площадью Тысячи Мелочей. Делала деревянные бусы и продавала, тем и жила. Ничего больше – только деревянные бусы, правда прехорошенькие. Народ их всюду у нее покупал – детям на нитки нанизывать. А в прошлом году она даже перебралась вот сюда и стала продавать... ну, вроде как драгоценности. Только по-прежнему исключительно деревянные.

– Деревянные? Драгоценности? – хмыкнула Альтия.

«Хороший знак», – решил Брэшен. Ее голос делался тверже; быть может, прогулка по ночному городу начинала выгонять из нее хмель. Что ж, тем лучше. Чего доброго, достаточно протрезвеет, чтобы хоть как-то привести себя в порядок, перед тем как войти в отцовский дом... босиком...

– Я тоже фыркал, пока не увидел своими глазами. Мне, знаешь, в голову никогда не приходило, что ремесленник может такое из дерева сотворить! Она берет всякие корявые сучки и узловатые отростки и в каждом обнаруживает то рожицу, то животное, то цветок. Иногда делает инкрустации и мозаики. В общем, видно, что дело тут не в дереве, а в мастерстве резчика. То есть резчицы. Это особый глаз нужен – она каждый сучок видит прямо насквозь!

– Вот как. Небось и с диводревом работает?

– Тыфу! – передернуло Брэшена. – Она хоть и из новичков, но достаточно хорошо знает наши обычаи и успела понять, что такого здесь не потерпят. Нет, она пользуется только древесной обычной пород. Вишневой, дубовой, не знаю еще какой – у каждой свой цвет, разное устройство слоев...

Альтия хмуро заметила:

– В Удачном полно народу, работающего с диводревом, только мало кто в том признается открыто. – И почесала живот пятерней. – Верно, грязный промысел, но, если у тебя есть желание... и тугой кошелек... ты получишь то, что пожелаешь.

Брэшену стало не по себе от ее тона. Он попытался направить разговор в менее опасное русло:

– Про наш город именно так в чужедальних краях и рассуждают. Если, мол, ты вообще способен представить, чего тебе хочется, то в Удачном это как раз и найдешь. И сможешь купить.

Альтия криво улыбнулась:

– А продолжение этой побасенки помнишь? Никому до сих пор еще не удавалось четко вообразить счастье. И только поэтому к счастью даже здесь нельзя прицениться.

Брэшен не нашелся что ответить на столь мрачное заявление. Летняя ночь между тем становилась заметно прохладнее, и снова установившееся молчание было вполне ей под стать. Они выбрались наконец из ремесленных и торговых кварталов и приблизились туда, где стояли особняки. Стало темнее; здесь фонари были разнесены еще дальше и к тому же отодвинуты прочь от дороги. Из-за заборов и живых изгородей на поздних прохожих лаяли злобные сторожевые псы. Деревянную мостовую сменил гравий. Брэшен снова подумал о лишенных обуви ножках Альтии и даже вздрогнул от жалости. Сама она, правда, по-прежнему обходилась без нытья.

В темноте и тишине, окружившей двоих путников, молодой моряк как-то особенно остро ощутил скорбь по своему умершему капитану. И сам почувствовал, как глаза раз за разом начали обжигать слезы. «Вот так-то... Ушел в последнее плавание».

И вместе с капитаном Вестритом, что немаловажно, отправился на дно и второй шанс для Брэшена выбиться в люди. Да. Плоховато же он воспользовался этим шансом, пока жив был старик. Вообразил, дурень, будто тот всегда будет рядом... с рукой помощи наготове... Теперь все, третьего шанса ему никто не предложит, теперь все будет зависеть только от него самого. И Альтии придется самой прокладывать себе в жизни дорогу либо безропотно принять ту судьбу, которую уготовит ей любящее семейство. Уж верно они постараются подыскать младшего наследника какой-нибудь приличной семьи, который с готовностью возьмет Альтию в жены – при всей ее репутации девки-сорвиголовы. Чего доброго, это может оказаться и его, Брэшена, меньшей братишка. Конечно, такой волевой девице, как Альтия, Сервин вовсе не пара. Зато состояние Треллов здорово поддержит Вестритов, и это все понимают. Брэшен задался мыслью, как, интересно, тяга Альтии к приключениям будет по жизни сочетаться с врожденной приверженностью традициям, которой отличался Сервин. Подумав об этом, молодой моряк невесело усмехнулся: «Посмотрим еще, кого в итоге придется жалеть...»

Брэшену и раньше доводилось бывать дома у Вестритов. Но всегда – при свете дня и всегда – хотя бы под предлогом какого-нибудь дела. А вот теперь он провожал домой Альтию, и ему казалось, будто улицы сделались бесконечными. Давно растаяли в ночи далекие отголоски шумного рынка. Они шли между живыми изгородями; на колючих кустах распустились ночные цветы, наполнявшие благоуханием воздух. Брэшен ощутил, как поселяется в душе покой, и это было очень странное чувство. Уж больно многому пришел сегодня конец. В том числе и порядочному куску его жизни. Опять он был на плаву и дрейфовал по течению: выплывет или нет? И завтра ему не придется вскакивать в ранний час по свистку и сразу мчаться куда-то. Не

надо будет присматривать за командой, принимать на борт или сдавать груз... И отвечать он будет только за себя самого. Так ли уж плохо, если поразмыслить как следует?

Особняк Вестритов стоял поодаль от проезжей дороги. В саду стрекотали насекомые и лягушки, к их голосам примешивался скрип башмаков Брэшена – и это были единственные звуки, сопровождавшие их с Альтией, пока они шли по каменной вымостке к дому. Вот и дверь, перед которой, бывало, он прежде так часто стоял, явившись за чем-либо с корабля к своему капитану... Горе с новой силой стиснуло ему горло. «Никогда больше мне здесь не бывать, – подумалось Брэшену. – Вот сейчас я в самый последний раз тут стою».

Он соглотнул и заметил, что Альтия не торопилась выпускать его руку. Он словно заново увидел ее в ярком свете луны. Ох, на кого она была похожа! Босые ноги в грязи, платье ободрано. Волосы вконец выбились из-под той кружевной штуковины на голове. Она наконец убрала пальцы с его локтя и глубоко, судорожно вздохнула.

– Спасибо, что проводил.

Она выговорила это так, словно он чин чином отвез ее домой в конной коляске после бала торговых семейств.

– Всегда пожалуйста, – ответил он тихо.

И раскланялся, словно эти простые слова совершили волшебство и под личиной грубого моряка снова оказался знатный юноша, которого строгая мать натаскивала по части правил благородного обхождения. Еще немного – и Брэшен поднес бы руку Альтии к губам... Зрелище собственных заскорузлых башмаков и потрепанных матросских штанов остановило его, вовремя напомнив, кем он был нынче.

– У тебя все в порядке? – сказал он, и это было наполовину утверждение, наполовину вопрос.

– Пожалуй... – ответила она неопределенно.

И взялась за ручку двери – но тут дверь отворилась сама, распахнутая резким рывком.

На пороге стоял Кайл. Он был в ночной рубашке и босиком, всклокоченные светлые волосы стояли дыбом. Однако его переполняло бешенство такого накала, что вся нелепость его облика мгновенно переставала замечаться.

– Эт-то что здесь происходит?!

Он заговорил как бы вполголоса, чтобы не потревожить обитателей дома, но все та же ярость превратила полусшепот едва ли не в рев. Брэшен помимо собственной воли вытянулся перед человеком, который совсем недавно был как-никак его капитаном. Альтия испуганно шарахнулась прочь, но столь же быстро совладала с собой.

– Не твоё дело! – заявила она. И попыталась было, минуя его, пройти в дом, но Кайл схватил ее за руку и силой развернул лицом к себе. – Проклятье! – заорала она, даже не пытаясь умирить голос. – Убери руки, ты!

Кайл и не подумал ее отпускать. Наоборот, он что было мочи встряхнул ее, словно тряпчоную куклу.

– Все, что делается в этой семье, – моё дело! – прорычал он. – Меня очень даже касается её репутация и доброе имя! И тебе не грех бы поразмыслить о том же! Посмотри на себя, дурища! Босая! Пахнешь и выглядишь как дешевая потаскуха! И этот бродяга, который тащится за тобой, как привык таскаться за портовыми шлюхами! На кой ляд ты сюда его приволокла? Да как ты могла, дрянь! В дом своего отца! В день его смерти! Ты понимаешь хоть, какой грязью ты нас всех поливаешь?

В ответ на эти дикие обвинения Альтия бешено осердила зубы. И принялась царапать руки Кайла, вырваться из которых было превыше её сил.

– Ничего я никому не сделала! – выкрикнула она, и, увы, в её голосе отчетливо слышался хмель. – Никто меня не должен стыдиться! Это ты сам позор нашей семьи! Ты вор! Ты украл мой корабль! Украл! Мой корабль!

Брэшен в ужасе замер на расстоянии какого-то шага от них. Вот и влип он, кажется, в самое скверное, во что вообще можно было влипнуть. Что бы он ни сделал теперь, ему не миновать поношений – либо с одной стороны, либо с другой. «Ну и плевать. Хуже всего, если я просто буду стоять столбом».

– Капитан... Кайл! Слышишь, Кайл, отпусти ее, она действительно ничем не провинилась, разве что перебрала немножко. Да и то извинительно после всего, что она сегодня перенесла! Отпусти ее, ты же ей больно делаешь!

Говоря так, Брэшен не замахивался на Кайла, он, что называется, даже пальцем не пошевелил. Тем не менее тот отшвырнул Альтию прочь и угрожающе двинулся к моряку.

– Это для тебя – извинительно! Но не для нас!

Брэшен увидел, как за спиной Кайла, в темноте дома, зажегся огонек. Раздался женский голос, встревоженно спрашивавший, что случилось. Кайл собрался было сграбастать Брэшена за грудки, но тот проворно отступил прочь. Альтия, сбитая с ног, кое-как поднялась. Она плакала – горько и безутешно, точно потерявшийся ребенок. Стояла сгорбившись, держась за дверной косяк, и волосы падали на лицо.

– Да у таких, как ты, – первое дело напиться! Кобелина вонючий! – продолжал орать Кайл. – И притащился следом за ней, рассчитывая еще кое на что, верно? А то я не видел, как ты за ней увивался на корабле! Знаю я, что там у тебя на уме, знаю! Не мог дождаться, пока тело ее отца как следует остынет! Как есть кобелина вшивый!

Кайл продолжал надвигаться, и Брэшен обнаружил, что пьитися. Физически Хэвен был крупней молодого матроса, но не в том дело. Шут с ними, с кулаками, Брэшен не очень-то их боялся, но за Кайлом был немалый авторитет старинного семейства торговцев. Убей он Брэшена прямо здесь и сейчас – и, что бы он ни рассказал позже о ночном происшествии, немного найдется таких, кто ему не поверит. Поэтому Брэшен продолжал отступать, до последнего пытаясь умиротворить разошедшегося капитана:

– Да не так все, не так! Я просто на всякий случай ее проводил! И ничего больше!

Кайл размахнулся, но Брэшен легко ушел от удара, успев заодно оценить боевые способности капитана. Хэвен определенно не отличался проворством. Да и с чувством равновесия у него явно был непорядок. И хотя он был выше ростом, тяжелее и, может, даже сильнее – Брэшен уже знал, что в случае чего «сделает» капитана. Даже и без большого труда.

Но пока он соображал, придется ли драться, из дверей властно прозвучал голос женщины.

– Кайл! Брэшен! – Несмотря на возраст, несмотря на постигшее ее горе (а может, наоборот, как раз из-за этих двух обстоятельств?), Роника Вестрит говорила таким тоном, словно урезонивала двоих непослушных мальчишек. – А ну-ка прекратите! Прекратите немедленно! – Пожилая женщина стояла в дверях. Ее волосы были заплетены на ночь в косу. – Что вообще случилось? Я требую, чтобы мне объяснили, что у вас случилось!

– Этот сукин сын... – начал было Кайл, но низкий, ровный голос Альтии некоторым образом заставил разъяренного капитана закрыть рот.

Альтия говорила хрипло из-за недавних слез, но в остальном она полностью владела собой.

– Я была очень расстроена, – сказала она. – И действительно выпила многовато. В дверях таверны случайно налетела на Брэшена Трелла. Он настоял на том, чтобы проводить меня до порога моего дома. Так он и поступил, и на том все и кончилось бы, но навстречу выскочил Кайл. И, ни в чем не разобравшись, принялся оскорблять нас обоих!

Тут Альтия вскинула голову. Ее глаза горели, и она прямо смотрела на Кайла. Дескать, возрази! Если посмеешь!

– Так все и было, – сказал Брэшен.

– Посмотри на нее! Только посмотри на нее! – воздел руки Кайл.

Брэшен так и не понял, кому из них Роника Вестрит на самом деле поверила. Ясно было только, что железный характер, которым она славилась прежде, никуда не исчез.

– Кайл, Альтия, – просто сказала она. – Ступайте в постель. А ты, Брэшен, отправляйся домой. Я слишком устала, чтобы разбираться со всем этим прямо сейчас.

Кайл открыл рот, намереваясь возражать и что-то доказывать, но Роника мгновенно его урезонила:

– Завтрашнего дня ждать недолго. А если мы сейчас не уговоримся, то неминуемо разбудим слуг, и уж они-то мигом разнесут новости по всему рынку. Я думаю, и сейчас-то немало окрестной прислуги уже подслушивает под дверьми. Так что давайте пока все прекратим. Незачем выносить сор из дому... как говорил Ефрон. – И повернулась к Брэшену. – Спасибо и спокойной ночи, молодой человек.

Это было как бы милостивое позволение уйти, и Брэшен только рад был поскорее бежать. Он даже ни с кем не попрощался, просто быстрым шагом ушел в темноту. Когда его ушей достиг звук плотно закрывшейся двери, у него было ощущение, что это перевернулась, завершая главу его жизни, страница в книге судьбы.

Скоро ноги принесли его назад в гавань. Спускаясь к морю улицами Удачного, он слышал, как начали робко перекликаться просыпавшиеся птицы. Он посмотрел на восток, увидел, что небо начало наливаться светом, и почувствовал, как на плечи опустилась усталость. Брэшен подумал о смятой койке, ждущей его на борту... Ох, Проказница больше его не ждала. И вообще его не ждал никто и нигде.

Брэшен прикинул про себя, а не заплатить ли за номер в гостинице. В приличном месте с мягкой постелью и чистыми простынями, и чтобы утром подали свежую теплую воду для умывания... На его лице возникло нечто среднее между ухмылкой и оскалом. Мысль неплохая, вот только денюжки очень быстро закончатся. Быть может, он и позволит себе нечто в этом духе – но только один раз и только следующим вечером, когда возможность сладко выспаться превратится поистине в высшее наслаждение. Прямо сейчас ему если и удастся вздремнуть, то всего на час или два – после чего городской шум и жара вновь неминуемо поднимут его на ноги. Так что – решено. Нечего тратить деньги на роскошную постель, если все равно не удастся ею попользоваться как следует.

Многолетняя привычка упрямо вела его к причалам. Покачив головой, он свернул прочь и скоро уже шагал из города по Владельческой дороге – туда, где берега делались скалистыми и где приставали только беднейшие рыбацкие лодчонки. Авось Совершенный его приютит. Да еще и обрадуется его обществу. «А вечером заберу кису с барахлом и займусь поисками работы да заодно и жилья. Но прежде надо поспать. Причем по возможности дальше и от Хэвенон, и от Вестритов...»

Неутомимо мчавшийся Моолкин наконец-то остановился. Его челюсти распахивались и смыкались – вожак пробовал воду, ибо здесь у нее был новый вкус. Его Клубок устало опустился в гостеприимный ил, радуясь передышке. Шривер почти с любовью наблюдала за предводителем, вкушавшим соль здешнего Доброловища. Его грива стояла дыбом на шее и горле: то ли вопрошание, то ли угроза. Кое-кому из других змей в отличие от Шривер это не нравилось, и они раздраженно ворчали, беспокойно свиваясь кольцами и взбаламучивая ил.

– Никто здесь нам не грозит, – буркнул Сессурия. – Он что, пузырьки взялся ловить?

– Нет, – ответила Шривер спокойно. – Воспоминания. Он пытается поймать ускользающие воспоминания. Он сам мне рассказывал. Они мелькают и сверкают перед его мысленным оком, словно гигантский косяк рыбы. Их множество, но ни одно по отдельности не ухватить. И тогда он, как надлежит мудрому рыболову, бросается в середину косяка с широко разинутой пастью, полагая, что во рту у него непременно что-нибудь да останется.

– Чешуя, например, – фыркнул Сессурия непочтительно.

Шривер возмущенно вскинула гребень, и он поспешно отвернулся прочь, уткнувшись носом в собственный хвост, словно бы наводя красоту. Шривер же, напротив, роскошно вытянулась, показывая всем своим видом, что ни капельки его не боится.

– Донные черви, – ни к кому не обращаясь, заметила она, – неизменно довольны видом, который открывается из их норки.

Она знала: другие змеи из их Клубка подумывали о том, чтобы оспорить старшинство Моолкина. Но Шривер подобных настроений не разделяла. Правду сказать, в последнее время ей тоже казалось, что мысли у Моолкина текли еще более вразброд, чем обычно. Верно было и то, что во время кратких привалов, которые он позволял соплеменникам, он порою издавал во сне очень странный клич. Да и разговаривал чаще не с ними, а с собой самим.

Но те самые обстоятельства, которые вызывали такое смятение у других, были для Шривер знаками, что Моолкин ведет их именно туда, куда надо. Чем дальше они забирались на север, тем яснее делалось ей – Моолкин в самом деле один из тех, кто хранит древние воспоминания. Вот и теперь Шривер пристально за ним наблюдала. Его громадные глаза цвета меди были прикрыты молочными пленками век, он свил свое гибкое тело сложным узлом и, танцуя, растирал собственную кожу, пока вереница пятен на боках не начала разгораться золотом. Кое-кто с неодобрением следил за действиями вожака: им казалось, будто Моолкин растравляет свое восприятие просто удовольствия ради. И только Шривер не отводила от него алчного взгляда. Если бы не пристальное внимание остальных, она, возможно, решилась бы даже присоединиться к его пляске. Их тела сплелись бы единым узлом, и она попыталась бы разделить с ним воспоминания, которые он так упорно пытался поймать...

Но вместо этого Шривер лишь набрала в пасть морского рассола и медленно выпустила сквозь жабры. Вкус в самом деле был странный. Здесь была совсем другая соль, нежели та, к которой они привыкли, она почти обжигала. А еще больше обжигали ее вкус соли, источаемые телом стремительно извивавшегося Моолкина. Веки Шривер невольно взметнулись, затуманивая ее взор. Пока длилось это мгновение, она успела увидеть целый сон. Ей приснилось, будто Пустоплёт сделался Доброловищем и она то ли плыла в нем, то ли парила...

Не успев спохватиться, Шривер откинула голову и торжествующе протрубила:

– Путь свободен! Свободен!

И осеклась, изумленная собственным криком. Зато остальные уставились на нее почти так же, как недавно на Моолкина. Смутившись, Шривер уложила вставшую дыбом гриву и плотно закутала ею горло.

И тут к ней метнулся вожак. И обхватил ее плотными кольцами. Его грива дико торчала во все стороны, словно от ярости, его яд ошеломлял и завораживал Шривер. Моолкин стиснул ее с немыслимой силой, буквально втирая свою слизь в ее чешую, затопляя ее сознание месивом неясных картин, которые тем не менее столь властно вели вперед его самого. Объятия распались так же внезапно, как и возникли. Моолкин выпустил Шривер и стремительно, как удар бича, рванулся прочь. Она медленно опустилась на дно – задыхающаяся, обмякшая, потрясенная...

– Она тоже видит, – объявил Моолкин Клубку. – Она *помазана* моими воспоминаниями. *Нашими* воспоминаниями. Вперед, Шривер! Восстань со дна – и следуй за мной! Близится время сбора, так следуй же за мной к возрождению!

Глава 9

Переменчивые ветры судьбы

Хруст гальки и песка под чьими-то башмаками привлек его внимание. Несмотря на все годы слепоты, он поднял голову и повернулся лицом туда, откуда донесся звук. Подходивший не подавал голоса, оставалось судить только по шагам. Это определенно был не мальчишка. У детей шаги куда более легкие, и к тому же ребячьи появлялись обычно стайками и не ходила, а бегала мимо. Дети выкрикивали в его адрес оскорбления, брали друг дружку на «слабó»... Когда-то им нравилось швыряться в него камнями, но потом он придумал способ их отвадить. Он перестал уворачиваться и закрываться руками, вообще перестал как-либо реагировать, и жестоким мальчишкам скоро становилось неинтересно. Они оставляли его в покое и отправлялись ловить крабов и морских звезд – над ними издеваться было занятней. А он обнаружил, что камни не причиняли ему особенной боли. К тому же в большинстве своем они пролетали мимо. Да. В большинстве...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.